

УЛИЦЫ ЯРОСТИ 4

КНИГА II
ДОЗОРНЫЙ

– Пролог –

Северо-западный Мозамбик
27 декабря 2039 года

Адам Хантер вскрикнул, глядя на кровоточащую рану на правом бедре. –Эстель! Меня подстрелили!

Эстель Агирре, не отрываясь от стрельбы из своей SA80, ответила: – Принято! Ты можешь идти?

– Не уверен. Больно, чёрт возьми.

– Держись.

Эстель прижалась к стволу дерева, отстегнула две гранаты – фосфорную и фугасную. Выдернув штифты зубами, она сосчитала до двух и метнула их в сторону приближающихся врагов.

Через три секунды, пока она перезаряжала винтовку и подползала к Адаму, который уже отрезал штанину и пытался остановить кровь губкой из аптечки, прогремели два взрыва.

Враги закричали от ударов шрапнели. Фосфорная граната оказалась хуже: облако горящих химикатов прилипало к коже, прожигая её до костей.

Эстель выхватила пистолет и снова выскочила, открыв огонь по поляне, где лежали поверженные противники. Это были местные фанатики из культа «Сыны Тьмы».

Ответа не последовало. Их АК-47 валялись рядом с искалеченными, обгоревшими телами. Эстель перепрыгнула через бревно и добила каждого двумя выстрелами в голову.

Затем она вернулась к Адаму. Его лицо исказилось от боли.

– Помоги с перевязкой, – прохрипел он.

Эстель туго обмотала бедро бинтом, прижимая губку. Адам резко вдохнул сквозь стиснутые зубы. Она осмотрела другую сторону ноги.

– Выходного отверстия нет. Пуля всё ещё внутри. Чёрт!

– Нам нужно идти, – сказал он. – Подними меня.

Эстель взвалила на плечо свой SA80 и, наклонившись, подхватила его за руки, помогая встать. Адам напрягся, перенося вес на здоровую ногу. Он осторожно перенёс вес на правую, но тут же едва не упал, сдержав крик, когда боль пронзила его с новой силой. Кровь сочилась по краям повязки, пропитывая тёмную кожу ноги и стекая в ботинок.

Вдалеке доносились крики и звуки выстрелов. Ещё больше сектантов. Ещё больше автоматов Калашникова. Ещё больше мачете. Ещё больше неприятностей.

При поддержке Эстель Адам, прихрамывая, смог идти. Их продвижение было мучительно медленным. Густой подлесок заставлял Эстель каждые несколько шагов прорубать себе путь своим парангом. Даже с острым, как бритва, лезвием, идти было тяжело, а вражеские культисты неумолимо приближались.

– Подожди, – сказал Адам, притягивая Эстель к себе. – Нам от них не убежать. Что бы ни случилось, командование сможет тебя вытащить.

Её карие глаза вспыхнули. – Пошёл ты, Адам! Я тебя не брошу. Мы сразимся с этими ублюдками, а потом я вытащу тебя отсюда. Или мы пойдём ко дну вместе. Хорошо?

Адам кивнул, его губы сжались в мрачную линию решимости, смешанной с болью. – Туда, – сказал он, указывая на заросли древовидных папоротников с толстыми коричневыми стволами, покрытыми чешуйчатой, жёсткой корой.

Эстель, наполовину таща, наполовину неся его, добралась до папоротников. Они плюхнулись за ними, прижавшись спинами к стволам.

Кряхтя от напряжения, Адам вытащил из-за пояса свой SA80 и взвёл курок. – Как у тебя с боеприпасами?

Она похлопала по патронташу, диагонально пересекавшему её чёрную боевую куртку. – Три обоймы. Тридцать патронов. У тебя?

– Пять. Плюс все, что есть в магазине.

– Значит, у нас на двоих около девяноста патронов. 'ЗИГ'?

– Два полных магазина и несколько заряженных.

– У меня есть один запасной, один только что заряжен. MP5?

– Вышел из строя. Выбросил его.

– Я тоже.

– Будет туго.

Эстель провела тыльной стороной ладони по высокому лбу, затем убрала длинную косу золотисто-светлых волос с затылка. – А когда это было не так?

Автоматная очередь с треском прошла папоротниковые заросли, когда из АК-47 ударил огонь. Адам и Эстель, словно испуганные крабы, откатились друг от друга, прижимаясь к земле, и поползли, занимая позиции по обе стороны зелёного щита.

– Вылезайте, трусливые американцы! – донёсся смеющийся голос с тридцати ярдов. – Вы называете себя «Спецназом»? Умрите как мужчины, или мы сами придём и заберём вас, медленно убивая.

Новая очередь. Пули из автомата Калашникова впились в стволы деревьев, осыпая Адама и Эстель острыми щепками коры.

«Мужчины?» – беззвучно прошептала Эстель, глядя на Адама. «Трусы?» – отозвался он, тоже шевеля губами. Ухмылка исказила его лицо, несмотря на рану, когда адреналин притупил острую боль.

Адам встретился взглядом с Эстель. Она кивнула. Старый, безошибочный сигнал.

Голос, бросавший угрозы, затих. Его обладатель упал, с развороченной половиной головы – три пули из SA80 попали точно в лицо.

Трое других сектантов ринулись вперёд, держа автоматы наизготовку и поливая Адама с Эстель свинцовым дождём.

Эстель метким ударом в пах сбил с ног крайнего слева. Тот согнулся пополам и с воплем рухнул в грязь. Центральный и правый нападающие увернулись, но тут же попали под стремительные боковые удары Адама.

Адам, напрягая стальные мышцы, сдерживая боль, от которой выступили слёзы, обрушил ещё один кулак, разбивая лица противников.

Он начал верить, что им, возможно, удастся выбраться живыми из этой дьявольской бури.

* * *

Вуд-Оук-Сити
Тремя неделями раньше

– Из огня да в полымя? – спросил Галсия, прикуривая сигарету. Макс Стоун сжал губы так, словно не курил весь день. Он резко затянулся, выпуская густой клуб дыма.

– Не просто в полымя, а напрямик в ад, и да, это так, – ответил Макс. – Адам Хантер только что вернулся с последнего задания. Сказал, что мне нужно немедленно лететь в Мозамбик, искать этого Уракабарамизля. Если, конечно, его вообще можно найти. – Он разочарованно покачал головой. – Галсия, дай прикурить.

Они стояли на тротуаре у «Пайн Пот» на 24-й улице, одного из их любимых мест. Лучше всего было здесь, когда царила атмосфера эпохи Свинга. Сейчас было чуть за пять вечера, и улица гудела от движения.

Макс Стоун уже давно пытался найти Сынов Тьмы самостоятельно. Он слышал о них столько историй, и не только от парней с улиц. Они были настоящей городской легендой. Культовая группировка, мелькавшая на первых полосах местных газет. Некоторые СМИ называли их «террористами», вспоминая времена расцвета Нео Хаоса. В интернете ходили самые дикие теории, витиеватые рассуждения о связи с исчезнувшими цивилизациями. Говорили, что их лидера, или, возможно, подставное лицо, зовут Уракабарамизль, хотя он казался скорее мифом, чем реальным человеком. У этих культистов был свой символ, который Макс видел повсюду: на стенах, в витринах магазинов, на улицах, автострадах, мостах и столбах. Всегда одно и то же изображение, часто в разных цветах – стилизованный ключ, небрежно нанесённый краской, с точкой по центру.

Мать Макса, известная в Вуд-Оук-Сити как детектив и государственный обвинитель, уже несколько месяцев пыталась выследить их по своим каналам. С тех пор как она ликвидировала Синдикат Игрек, её интерес к поискам Сынов Тьмы отличался от его собственного. Ей постоянно приходилось преодолевать бюрократические препоны, в то время как его самого тянуло к культу, потому что он, казалось, давал людям надежду на нечто большее, на то, что могло бы стать ориентиром в этом всё более мрачном мире.

Ему было семнадцать, он был белым, высоким и спортивного телосложения. Внешне он был очень похож на своего отца, Акселя Стоуна, в том же возрасте, но у Акселя были голубые глаза и светлые волосы. Макс же унаследовал тёмно-каштановые волосы и глаза от матери, Блейз Филдинг.

Он был красивым молодым человеком, чья привлекательная внешность резко контрастировала с обликом его нынешнего спутника.

Галсия протянул ему сигарету из пачки. Ему было за пятьдесят, черты лица его были грубыми, искажёнными кислой гримасой, а волосы выкрашены в ярко-оранжевый. В своей джинсовой куртке в стиле 80-х и джинсовом костюме он выглядел, безусловно, броско, но Макс чувствовал, что тот не мылся уже несколько дней. В его защиту можно было сказать, что чёрные ботинки выглядели совершенно новыми, хотя кто знает, где или у кого Галсия их раздобыл.

– Спасибо. Не знал, что ты куришь лёгкие сигареты, – сказал Макс.

Галсия пожал плечами. – Надо же заботиться о здоровье, верно?

Макс закурил. – Думаю, ты делаешь то, что должен. – Он вспомнил своего отца,

который бросил семью, когда Макс был маленьким.

– А ты не мог бы, ну, не знаю, просто поехать в Мозамбик один?

Макс Стоун пожал плечами. – Возможно. Но как, чёрт возьми, я смогу позволить себе билет до Мозамбика? К тому же, у меня нет никакой поддержки. Я бы действовал вслепую.

Галсия рассмеялся пронзительным, скрипучим смехом. – Чувак, тебе не обязательно летать по всему миру в поисках Уракабарамизэля, если ты хочешь присоединиться к Сынам Тьмы.

– Он меня просто интересуется. Если он вообще существует.

Галсия швырнул сигарету на тротуар и затушил её носком ботинка. – Послушай, тебя нужно познакомить с Кообо. В последнее время именно он здесь дёргает за ниточки. Если хочешь узнать больше о Сынах Тьмы, тебе нужно поговорить с Кообо. Ты же знаешь, что я прав.

Макс вздохнул, поморщившись. В этот момент их внимание привлёк крик другого мужчины, донесшийся со стороны входа в закусочную.

– Ай! Галсия!

К ним подошёл панк, Ж. Сигнал. Он хлопнул Галсию по руке, обменялся с ним парой дружеских приветствий и пошутил про долги. Макса он поприветствовал просто: – Как дела, малыш?

– Так, Макс. Увидимся, – озорно улыбнулся Галсия. – Дай знать, если захочешь, чтобы я тебя подвёз, а?

– Позже, чувак.

Макс Стоун проводил их взглядом, затем, накинув капюшон, направился в противоположную сторону. Он чувствовал себя спокойнее, зная, что это обеспечит ему анонимность.

Полицейский участок Вуд-Оук-Сити
Неделю спустя

Медведь был исполином, в пять раз превосходившим ростом борца «аль-стар». Его бронзово-коричневый мех, словно кабель, обтягивал могучие мышцы. Это был кадьякский медведь, настоящий призовой экземпляр. Когти его были растопырены, когда он, наклонившись, вытаскивал лосося из чистого, нетронутого каменистого ручья.

Блейз Филдинг замерла, разглядывая когти, клыки, эту первобытную, чистую мощь. Она была рада, что это существо – всего лишь чучело, выставленное здесь, в полицейском участке. Но даже так, стеклянный барьер казался ей спасительным. Взобраться на такого зверя, должно быть, было настоящим кошмаром для таксидермиста. Этот трофей, добытый на охоте, был конфискован в 2016 году во время полицейского рейда на наркобарона. Здесь же, рядом с ним, выставлялись и другие примечательные конфискованные предметы: кастомный мотоцикл Harley-Davidson от бара «Восходящее солнце», ожерелья с изумрудами и бриллиантами, золотая курица, серьги, браслеты, слитки чистого золота.

Иногда Блейз покидала тихие, полутёмные подвальные кабинеты, где проходила её работа, лишь для того, чтобы подняться и внимательно рассмотреть эту витрину.

Глядя на могучего медведя, Блейз не отрывалась от своего дела, над которым трудилась. Последние несколько месяцев «Сыны Тьмы» оставались неуловимыми, и этим утром на её стол легло очередное, весьма необычное сообщение о смерти.

Вопросов становилось всё больше.

Казалось, эти «Сыны Тьмы» действовали разрозненно. В Вуд-Оук-Сити они проявили себя как мастера избегать поимки, действуя в тени и тщательно планируя свои нападения на город. Недавно в результате взрыва была уничтожена медицинская исследовательская лаборатория, а виновников так и не нашли. Убийства, двойные убийства...

Вопросы, на которые не было ответов, всегда завораживали Блейз Филдинг.

Она спустилась на лифте в свой кабинет, чтобы ещё раз перечитать отчёты о смертях. Затем ей предстояла встреча с Мерфи.

Блейз Филдинг стояла на тренировочном полигоне полиции Вуд-Оук, окружённая толстыми звуконепроницаемыми перегородками из оргстекла. Она достала свой новый 9-миллиметровый пистолет SIG Sauer. Вставив расширенную обойму на пятнадцать патронов, она убедилась, что в патроннике тоже есть пуля.

Слева от себя она ввела код на клавиатуре компьютера. С жужжанием включилась гидравлика, и кабель переместил чёрный силуэт "плохого парня" на расстояние двадцати ярдов. Закрепив мишень, Блейз надела наушники с мягкой подкладкой и защитные очки, пригладив свои каштановые волосы.

Взяв пистолет, она приняла правильную равнобедренную стойку для стрельбы и прицелилась в мишень. Сосредоточившись на линии роста волос, она неосознанно нажала на спусковой крючок и выпустила первую пулю. Не обращая внимания на попадание, она продолжала стрелять, снова и снова. Стреляные гильзы взлетали в воздух, как металлический попкорн, со звоном и грохотом падая на цементный пол. В ноздри ударил запах сгоревшего пороха.

В голове у Блейз всплыли воспоминания об орочи, захватчиках, которые сожгли её деревню на острове Исла-дель-Коко, когда она была ребёнком. О тех, кто много лет спустя пытался заставить её замолчать, когда она требовала слушания в психиатрической больнице Эджмонта. Блейз должна была сохранять спокойствие, сохранять боевую стойку, сохранять преимущество. Если бы она позволила гневу и разочарованию захлестнуть её, она бы не смогла прицелиться.

Глядя на чёрный силуэт мишени, она видела только безликих мужчин, которые так глубоко вплелись в её жизнь, в её самые глубокие воспоминания. Долгое время у неё не было возможности бороться с этим, не было цели, по которой можно было бы стрелять. Теперь мистер Икс умер. Близнецы Игрек были в тюрьме. У неё не было выбора, кроме как продолжать поиски.

Блейз, стиснув зубы, выпустила всю обойму, раз за разом нажимая на курок.

Сняв защитные наушники, она нажала кнопку, чтобы поднять жёлтую бумажную мишень. Детективы из Вуд-Оук-Сити обязаны были проходить переподготовку на стрельбище не реже раза в три месяца. До родов оставалось четыре недели, но Блейз по-прежнему любила приходить на тренировки пораньше. В этот час тир обычно пустовал, и она могла спокойно сосредоточиться.

Применение оружия против подозреваемого было крайней мерой для хорошего детектива, а не способом завершить расследование, если другие методы не приносили результата. К тому же, бумажная волокита после этого была ужасающей. После каждого выстрела ей приходилось отчитываться за каждую израсходованную гильзу, что порой было непросто, особенно после ожесточённой перестрелки с городскими бандами.

Блейз вытащила бумажную мишень из крепления и оставила на месте изрешечённый пулями картон. Она нажала на кнопки управления компьютером, чтобы установить цель на среднее значение, и подняла глаза. К своему удивлению, она увидела своего напарника Роберта Мерфи, прислонившегося к стене в обзорной галерее. Ей

стало интересно, как долго он её ждал.

– Хорошая стрельба, Блейз, – сказал он. Он не стал спрашивать, просто ли она упражняется в стрельбе или пытается справиться со своими личными демонами.

– Шпионил за мной, Мерфи? – беспечно спросила она, стараясь скрыть удивление. После неловкого молчания она спросила: – Ну, что случилось?

– Бернстайн хочет тебя видеть в своем кабинете. – Он улыбнулся.

Она повесила защитные очки на крючок. – Он умеет заинтриговать, – сказала она и последовала за ним.

Даже если в прошлом их встречи не всегда были удачными, в последнее время беседы с комиссаром всегда были интересными и необычными.

1

Комиссар Джозеф Бернстайн распахнул дверь своего кабинета.

– Входите, Филдинг, – пригласил он. В кабинете было темно, что позволяло мягкому послеполуденному солнцу, проникающему сквозь окно, стать единственным источником света, избегая резкости флуоресцентных ламп.

– Спасибо, сэр, – ответила Блейз. Войдя, она поставила портфель на массивный деревянный стол. На стене, словно наблюдая сверху вниз, висели портреты президента и Генерального прокурора в строгих рамках.

Это место всегда вызывало у неё неприятные ощущения. Блейз не раз вызвали «на ковер» за то, что она настаивала на объяснениях, которые полицейское управление предпочитало игнорировать. Её выводы часто считали нелепыми, а раскрытые ею детали – теми, которые другие предпочли бы сохранить в тайне. Однажды Бернстайн оказался в весьма щекотливой ситуации, оказавшись между упрямой Блейз Филдинг и загадочными представителями Синдиката Игрек, которые в то время отказывались раскрывать свои личности.

Бернстайн закрыл за ней дверь. Он снял очки и принялся протирать стёкла носовым платком. На лбу у него выступили мелкие капельки пота. Блейз заметила, что в кабинете было довольно душно.

– Кондиционер опять барахлит, – произнёс Бернстайн, пытаясь разрядить обстановку дружелюбным замечанием. – Должен сказать, вы вряд ли успели загореть в своих путешествиях: сначала Нижняя Калифорния, потом Парагвай, а затем и Южные моря.

– Я была на задании, сэр, – ответила Блейз, – отслеживала «Сынов Тьмы». – Не было времени на загар. Особенно во время тайфуна.

Бернстайн взглянул на помятые, исписанные от руки записи, вырванные из промокшего блокнота Блейз. Она обещала перепечатать их позже, но комиссар с усталым видом держал в руках эти смятые листы.

– Не утруждайтесь составлением более официального отчета, Филдинг, – сказал он. – Я не смогу представить его своему начальству.

– Тогда я напишу его для себя, – прямо ответила она.

– Это, конечно, ваше право, – согласился Бернстайн, – но это пустая трата времени.

Блейз нахмурилась. – Как это может быть пустой тратой времени, сэр? Я видела всё своими глазами.

Бернстайн пристально посмотрел на неё, его брови сошлись на переносице. – Меня интересует факт терроризирования города сектантами. Ни окружной прокурор, ни министр полиции не разделяют вашего предположения о том, что «Сыны Тьмы» действовали за границей. И это факт. Как обычно, вы вручили мне отчёт, полный диких домыслов, которые не доказывают ничего, кроме вашей выдающейся способности транжирить бюджет департамента и придумывать сверхъестественные объяснения событиям, имеющим вполне рациональные причины.

– Я ошиблась насчёт Синдиката Игрек, сэр? – Её голос прозвучал тихо, но в нём чувствовалась сталь.

Бернстайн взглянул на неё, и тень мимолётного сожаления скользнула по его лицу. – Конечно, вы были правы. И хотя я безмерно уважаю вас как прокурора и как детектива, вы знаете, что мои взгляды не всегда совпадают с вашими выводами. Такая уж у меня натура.

Бернстайн откинулся на спинку кресла, ощущая смесь досады и растерянности. Как совладать с этой непокорной женщиной, что во времена синдикатских войн возглавляла международное агентство Firestorm? – Мерфи тоже не всегда с вами согласен. Но вы как-то умудряетесь работать вместе.

Блейз подалась вперед на жёстком деревянном стуле, словно пружина, сжатая до предела.

– Свяжитесь с верховным главнокомандующим Петровым в Пентагоне, сэр. Он подтвердит большую часть информации, изложенной в моих отчётах. У синдиката есть высокопоставленные покровители...

– Могу я напомнить вам, Филдинг, что здесь не "Файрсторм". Здесь не Интерпол. Здесь полицейское управление Вуд-Оук-Сити.

– Я понимаю, сэр. Прекрасно понимаю. У меня дома дочь. Никто не хочет, чтобы этих головорезов убрали с улиц Вуд-Оук-Сити больше, чем я.

Бернстайн поднялся и оперся руками о край стола, словно собираясь перепрыгнуть через пропасть непонимания. Он не знал, какого ответа ожидал, и в итоге лишь беспомощно пожал плечами. – Это местные банды, объединяющиеся под одним флагом. Вы единственная, кто не согласен с официальной версией, Филдинг.

Блейз потянулась за своими исписанными от руки заметками, понимая, что они не будут иметь никакой ценности, если останутся здесь, в кабинете Бернстайна.

– Полагаю, это всегда было моей проблемой, сэр, – проговорила она и вышла.

Каждый раз, когда Блейз Филдинг переступала порог полицейского участка, направляясь к своему напарнику Роберту Мерфи, её не покидало ощущение, что она совершает что-то неправильное, если не сказать безрассудное. Она помнила свой первый день здесь, после перевода из другой юрисдикции. Мерфи тогда сказал, что их офисы расположены в подвале.

– Здесь обитают лишь самые нежеланные элементы полиции Вуд-Оука, – сообщил он ей при знакомстве. В своё время именно Роберт Мерфи лично рекомендовал её для перевода в городской участок. Он убедил начальство, не особо расположенное к её общеизвестной страсти к разоблачению необъяснимого (особенно после скандала с сенатором Джорджем Ксетеусом и его теневым синдикатом), что её опыт, приобретённый во времена синдикатских войн, может быть ценным для полиции Вуд-Оук-Сити, если ей дать шанс и отбросить предрассудки. Теперь, после трёх лет совместной работы, Блейз и Мерфи расследовали десятки дел и не раз спасали друг друга жизни.

Конечно, он был прав, напоминая о днях, опалённых пламенем войн Синдиката, когда она была его правой рукой в участке. Вместе они скрутили близнецов Игрек, и эта

битва выковала между ними нерушимую связь. Вера Блейз в Мерфи, в то, за что он боролся, была крепка, как сталь, а её собственная одержимость поисками Сынов Тьмы – неугасима. Их споры были неизбежны, но именно в этом столкновении искр рождалась их дьявольски эффективная командная работа.

Офис утопал в хаосе их расследования: видеокассеты громоздились на полках, планшеты мерцали забытыми уликами, отчеты ДНК шелестели под пальцами, истории болезней пугали своими диагнозами, а фотографии жертв, запечатлевшие крупным планом лица, искажённые болью и смертью, застыли в вечном крике. Среди этого беспорядка терялись нечёткие снимки, на которых, предположительно, был запечатлён человекоподобный робот по имени Кообо. На отдельной полке, словно трофей, покоился кусок искорёженной шрапнели – безмолвное эхо взрыва на химическом заводе в промышленном районе, произошедшего полгода назад. Дюжина нераскрытых дел об убийствах томилась в открытых папках, дожидаясь своего часа в безликих картотечных шкафах, выстроившихся вдоль стены, словно солдаты в ожидании приказа.

Она постучала в распахнутую дверь и вошла, проведя рукой по каштановым волосам, ниспадающим волной по плечам. – Не уверена, что готова к такому хаосу в такую рань, Мерфи, – устало произнесла она.

Мерфи развернулся на стуле и поднялся навстречу. – Попробуй есть больше приторных хлопьев на завтрак, – посоветовал он с лукавой усмешкой. – Это даст тебе сил, чтобы справиться с чем угодно. – Улыбка его настораживала. Она знала, что это означало: он напал на след, обнаружил новую зацепку, которой ещё не поделился с ней... теорию, которую ей, вероятно, придется развивать, рискуя собственной карьерой.

Опустив взгляд, она заметила, что его стол завален текстами по археологии, древними мифами шиноби и подробными картами Южной Африки. Она попыталась в мгновение ока сложить все кусочки головоломки, чтобы подготовиться к тому, что припас её партнер, и одновременно вспомнить, что комиссар только что говорил ей в своем кабинете. – Взгляни на это, Блейз, – сказал он, протягивая ей предмет размером с его кулак, покрытый замысловатой резьбой, отполированный до блеска, из беловато-зелёного камня, словно пропитанного маслом. – Угадай с трёх раз, что это.

Она приняла тяжёлую реликвию в руки. Поверхность камня была отполирована так гладко, что казалась жирной на ощупь. Резьба изображала извивающуюся змею, похожую на гадюку, но украшенную диковинными перьями. Изогнутые, острые, как иглы, клыки торчали из её пасти, придавая существу поистине свирепый вид. Мастер был гением своего дела. Рисунок идеально повторял причудливые контуры куска скалы. Она провела кончиком пальца по одной из выемок, пытаясь разгадать, какое испытание Мерфи готовит ей на этот раз.

– Что думаешь? – спросил он, наблюдая за ней.

– Сдаюсь, – призналась она, снова внимательно изучая артефакт, который упорно хранил свою тайну. – Украшение для рождественской ёлки?

– Даже близко нет.

– Хорошо, – произнесла она, теперь уже с неподдельным интересом. – Кажется, я узнаю этот камень. Нефрит, верно? И, судя по всему, очень древний. Может быть, изображен какой-то мифологический персонаж? Судя по книгам на твоём столе, я бы предположила... древний шиноби?

– Дзёмон, если быть точным, – поправил он. – По самым скромным подсчетам, этому артефакту около семи тысяч лет. В культуре Дзёмон нефрит почитался побольше золота у белых людей. Это был священный камень, достойный лишь самых ценных предметов.

Она повертела скульптуру в руках. – Удивительно, сколько труда и мастерства вложено. Впечатляющая работа для доисторической цивилизации, предшествовавшей

египетской. Если, конечно, верить в псевдомифологическую чушь.

Мерфи кивнул, отодвигая одну из книг и опираясь локтём о стол. – Джо Мусаси, похоже, верил.

Блейз Филдинг поймала его взгляд. Мерфи, безусловно, был прав. В памяти всплыли годы работы с Мусаси и Оборо Додзё в Субашири, те эмоциональные перегрузки, через которые ей приходилось проходить... Нео Зид. Суть дзюцу. Повелитель драконов. Лёгкий озноб пробежал по коже, и воспоминания отступили.

– Всё это, конечно, увлекательно, Мерфи, но, как обычно, мы рискуем ввязаться в расследование, которое выходит далеко за рамки наших полномочий. Бернстайн требует, чтобы мы уgomонились и сосредоточились на Вуд-Оук-Сити. На Кообо. Мы потратили кучу денег, гоняясь за Сынами Тьмы по всей Южной Америке, и не выудили ничего полезного. Начальству это не нравится.

Она вернула ему нефритовую фигурку, и он бережно уложил её поверх "Справочника по Южной Африке".

– В обычных обстоятельствах это, возможно, не имело бы никакого отношения к Сынам Тьмы, орудующим в бандах нашего города, – сказал он, понимая её ход мыслей. – Но этот конкретный артефакт был недавно конфискован на границе Мозамбика и Танзании, в Южной Африке. Арестованный контрабандист утверждает, что реликвия была обнаружена при раскопках затерянного города Дзёмон, глубоко в джунглях, в руинах под названием Хитаклан. Согласно официальным отчётам из Мозамбика и информации от моих старых контактов в ФБР, там неоднократно видели Уракабарамизля, и ходят слухи о культе – а именно, о Сынах Тьмы.

Она глубоко вздохнула, обдумывая услышанное. Губы её слегка поджались.

– Я думала, Уракабарамизль – это просто миф. То, чем они кормят своих последователей, чтобы заставить их поверить во что-то. – Она тут же нахмурилась. – Эй, а ведь это ты обычно отговариваешь меня от подобных проекций.

Он пожал плечами. – Не думаю, что мы можем это просто проигнорировать, Блейз.

Её взгляд задержался на камне цвета молодой листвы. – Как думаешь, это нечто свалилось к нам из космоса, или что-то в этом роде? – с лукавой усмешкой спросила она, и в её голосе прозвучал мягкий, обволакивающий лос-анджелесский акцент.

Он пожал плечами, смахивая в урну гору смятых оберток от снеков, небрежно обронив пару на стол. – Археологическая экспедиция исчезла неделю назад, как сквозь землю провалилась. Ни сигнала SOS, ни следов борьбы. В любом случае, это требует пристального внимания.

13:06

Мерфи повёл их в небольшую пивоварню-закусочную под названием "Восходящая утренняя звезда", приютившуюся всего в нескольких кварталах от полицейского участка. Блейз проследовала за ним сквозь стеклянные двери в деревянной раме, оказавшись в полумраке, где столики-кабинки лоснились толстым слоем лака, а вдоль барной стойки тянулся ряд пустующих табуретов. Уличный гул, рокот моторов на проспекте – всё это стихло, словно приглушённое ватой.

Стены пестрели выцветшими металлическими вывесками, рекламирующими давно канувшие в Лету пивоваренные компании сороковых и пятидесятых. Над медной барной стойкой на грифельной доске мелом были начертаны названия четырёх сортов крафтового пива. В глубине зала, возле мишени для дартса и бильярдного стола, на большой зелёной доске значилось незамысловатое меню: сэндвичи, хот-доги, начос и пара салатов.

– Заказывать вон там, – Мерфи указал на небольшую стойку у стены. – Их фирменное блюдо – вегетарианское чили, но суп тоже неплох... Ну, а сэндвич – он и в Африке сэндвич. Сюда народ за пивом ходит. Такого больше нигде не найдешь.

Она заказала сэндвич и чай со льдом, затем скользнула в одну из кабинок. Обычно она не обедала в подобных забегаловках, но Мерфи был настойчив. Приподняв брови, она одобрительно кивнула, откусив сочный кусок от сэндвича, начинённого курицей, приготовленной на мескитовых углях, жареным луком, зеленым перцем и расплавленным сыром.

Он присоединился к ней, осушив стакан воды со льдом, который поставила официантка. Затем, вгрызаясь в свой сэндвич с индейкой и беконом, он с любопытством поймал её взгляд. – И что, по-твоему, мы со всем этим будем делать?

Блейз взяла чай со льдом и сделала глоток через соломинку. Прохладная, терпкая волна прокатилась по её пазухам, и она жадно глотнула ещё, запивая еду. Затем она снова посмотрела на него. – Я кое-что придумала. Я собираюсь попросить помощи.

Мерфи кивнул, безошибочно уловив в её словах скрытое течение. Он слишком хорошо знал Блейз, чтобы не понять: решение принято. – Я и сам об этом думал. Адам Хантер – спецназ, и это факт. Возможно, до уровня Петрова ему далеко, но, по крайней мере, через него мы имеем прямой выход на лаборатории ZanTech.

– Ты осознаешь, что это значит? Мы снова действуем в обход комиссара. Это чревато серьезными последствиями.

Мерфи кивнул, выпустив вместе со вздохом клубок сомнений. – До твоего слова – молчок, Блейз.

– Хорошо. Это не спонтанное решение. Сейчас всё иначе, чем раньше. Осторожность превыше всего. – Она понизила голос до приглушённого шёпота, подавшись вперёд через стол. – И не забывай о последствиях. Сколько раз мы видели это за последние годы? Любой контакт с внешним миром – это риск для жизни, даже если наши намерения чисты. И это всегда приводит к неприятностям. Может, Бернстайн прав, может, мы и вправду линчеватели.

Уголок его рта дрогнул в полуулыбке. – Всего пара звонков. Несколько личных встреч, разве нет? Со старыми друзьями. Что в этом криминального?

– Я лишь говорю, что мы должны быть предельно осторожны.

2

Резиденция Хантеров
15 декабря

Макс Стоун был загадкой, думала Черри Хантер, наблюдая, как он расставляет тарелки. Чудаковатый, но добрый. В юности легко было упустить из виду, как глубоко на нём сказались развод родителей. Ему тогда едва исполнилось восемь, и вот уже несколько лет он жил здесь, под опекой отца Черри, Адама Хантера. Эмоциональная буря, отчуждение от родного отца, Акселя, который, едва бракоразводный процесс завершился, умчался на Аляску, оставив Макса в одиночестве. Настоящая драма в грязных тонах. В последнее время Макс пропадал на несколько дней, и выудить у него хоть слово о том, где он был или что на уме, становилось непосильной задачей.

В школе он держался молодцом (когда не прогуливал и не опаздывал); люди, очарованные его гениальностью, порой забывали, что перед ними не просто сын знаменитых выпускников Firestorm, а личность, со своими мечтами и страхами. Но у людей всегда были свои представления о других, часто далекие от истины.

– Кертис, ужин! – раздался крик Джоди, вырвав Черри из раздумий.

Джоди, многолетняя спутница отца, мать девятилетнего Кертиса и, прямо скажем, неважный кулинар, но Адам её любил. Их связь выдержала испытание временем. Она стояла в дверях кухни, уставшая, с тихим вздохом поднимая взгляд к потолку, прислушиваясь к топоту Кертиса в его комнате. Её светлые волосы, тронутые сединой у корней, были небрежно уложены в челку. Она повернулась к Черри.

– Черри, не могла бы ты позвать отца? Ужин готов. – Когда-то давно мать Черри была счастлива с Адамом. Ей было всего двадцать девять, когда безжалостный рак оборвал её жизнь, оставив Черри на попечение Адама. Она кивнула и направилась в домашний кабинет, где отец сидел, склонившись над ноутбуком. Черри понимала лёгкое раздражение Джоди, ведь её отец всегда был поглощён секретными заданиями и рискованными расследованиями, где смерть дышала в спину. Всегда что-то срочное. Но Джоди знала, на что шла, связывая свою жизнь с Адамом Хантером.

Он был полицейским до мозга костей, и она всегда поддерживала его. Вероятно, последнее дело заставило её изрядно поволноваться.

– Папа. Ужин готов, – сообщила Черри, вежливо постучав в дверь. Отец обернулся и устало улыбнулся дочери.

– Иду, крошка, – бросил он, и они пересекли гостиную, словно танцуя, чтобы занять места за обеденным столом. Джоди и Макс уже ждали. Кертис, как всегда задержавшись в своей обители прокрастинации, стремглав слетел по лестнице и втиснулся на своё место в тот самый миг, когда Черри и Адам, вторя его настроению весёлым мотивом из видеоигры, присоединились к компании.

– Прекрасно выглядишь, Джоди, – промурлыкал Адам Хантер, легко касаясь её щеки поцелуем.

– Спасибо, – отозвалась она, озаряя его улыбкой.

Вскоре все были поглощены едой. Ужин был выше всяких похвал. Джоди сотворила лазанью по-мексикански, щедро предлагая гостям всевозможные дополнения: нежную сметану, острые халапеньо, солёные маслины, освежающий гуакамоле, пикантные соусы сальса и хрустящие чипсы тортилья. Кертис, верный себе, продолжал забавляться с едой, превращая ужин в детскую игру.

– Черри, как успехи в школе? – поинтересовалась Джоди, с трудом выговаривая слова из-за набитого пастой рта. – Готовишься к своему гитарному концерту через два месяца?

– Да, – пробормотала Черри, затем с жадностью впила зубами в хрустящую тортилью, которую держала в изящных пальцах. Она тщательно прожевала и проглотила. – Всё идёт просто отлично. У меня есть пять оригинальных песен, полностью мой собственный материал, но я всё ещё шлифую одну из них. Это та, которую вы слышите, когда я упражняюсь в своей комнате. Любимая мелодия Люси. К моменту концерта всё будет просто сногшибательно.

– Я рада за тебя, милая, – с гордостью произнесла Джоди. – У тебя такой талант.

Взгляд Макса Стоуна случайно встретился с глазами Черри поверх края его стакана. Кровь бросилась ему в лицо, когда он сделал глоток кока-колы. Его взгляд невольно скользнул ниже, задерживаясь на изгибе её шеи, едва заметном колье, длинных пальцах, которые подносили очередной кусочек к её губам.

Он резко встряхнулся, отводя взгляд, отчаянно пытаясь думать о чем-то другом, лишь бы не поддаваться внезапно охватившему его инстинктивному порыву.

Черри, конечно, заметила эту мимолётную слабость и едва заметно усмехнулась. Ей было всего шестнадцать. – На что ты смотришь, Макс?

Он неуклюже поковырял лазанью вилок, избегая её испытующего взгляда.

– Ни на что.

"Он умрёт", подумала Черри про себя. "Это ясно как божий день. Прямо здесь. Во время ужина."

Адам Хантер неловко прочистил горло. – Ты уже слышал что-нибудь ещё от своего отца, Макс? – спросил он. – Я знаю, что он пытается наладить с тобой отношения с тех пор, как вернулся в Вуд-Оук-Сити.

Макс Стоун посмотрел на него с плохо скрываемым раздражением. – Я не хочу с ним разговаривать, Адам. Мне больше нечего сказать этому человеку. Знаешь, нужно нечто большее, чем пара походов в кино, чтобы исправить то, что он сделал с семьей. Со мной. – Он отвёл взгляд, в его голове калейдоскопом проносились мрачные воспоминания и болезненные эмоции.

Адам вздохнул. Аксель Стоун... брат, лучший друг с тех самых пор, как они, ещё зелёные полицейские, вместе ловили «Синего Лебедя». Но даже Адам не мог до конца понять, что сломалось в Акселе, когда тот девять лет назад сорвался на Аляску. После разрыва с Блейз Аксель становился всё более дёрганым, словно тень Энигмы, которого они одолели, преследовала его. Снова запил, задымил, сошёл с катушек, однажды бросив Адаму, что Блейз для него – живой труп. Сны, полные смерти и похорон, высасывали из него жизнь. И Адам, чувствуя себя обязанным, приютил юного Макса, став для него подобием эмоционально стабильного отца, на которого можно было равняться в отсутствие родного, по просьбе самой Блейз. Это было, конечно, задолго до возвращения Акселя и их совместной схватки с ди-джеем K-Washi и синдикатом Игрек, которые, как выяснилось, годами манипулировали его разумом. После поражения близнецов Игрек Аксель, казалось, вернулся в форму, по крайней мере, внешне. Кошмары отступили, но юный Макс всё ещё нёс на сердце тяжёлый рубец от эгоистичных поступков отца за последнее десятилетие. На исцеление этой раны потребуется время.

– Не стоит пока списывать отца со счетов, – сказал Адам, отправляя в рот кусок лазаньи. Прожевал, проглотил. – Он искренне любит тебя. Я знаю это наверняка. Он пытается поступить правильно.

Макс поморщился, тяжело вздохнул, но кивнул. – Я знаю.

Джоди подошла, чтобы подложить Кертису ещё лазаньи. Тот умудрялся опустошать свою тарелку быстрее всех за столом. Она бросила взгляд на Макса, приподняв бровь. – Когда ты в последний раз разговаривал со своей матерью, молодой человек? – спросила она. Жующие Кертис и Черри обменялись взглядами. У всех, сидящих за этим столом, были разные матери, но они были семьёй, несмотря на все эмоциональные трещины.

Время, как искусный реставратор, меняло реальность.

– Видел её в воскресенье, – ответил Макс. – Заезжал на пару часов к ней и Дженнифер.

– Что ж, это приятно слышать, – сказала Джоди. – Знаешь, она волнуется о тебе.

Он улыбнулся. – Я люблю свою маму. Она знает.

Джоди одарила его одобрительной улыбкой.

После ужина Черри, словно домашняя фея, взялась за посуду. Джоди всегда ценила эту помощь. Сполоснув тарелки и приборы, она аккуратно расставила их в посудомоечной машине, тихонько напевая гитарные аккорды, которые разучивала для своего выступления. Затем, с усердием, достойным скульптора, принялась оттирать стеклянный поднос для лазаньи душистой пеной.

Джоди Келли и мальчишки, словно приклеенные, сидели перед телевизором. На экране команда новостей являла собой классический голливудский шаблон: мужчина в возрасте и юная женщина, оба с бронзовым загаром и ослепительными улыбками. Глядя на них, можно было подумать, что работа в телестудии, под софитами, – самый здоровый род занятий на свете.

Адам, как всегда, пропадал за ноутбуком, разбирая почту, дверь кабинета была распахнута. – Черри, – позвал он спустя какое-то время, достаточно громко, чтобы она услышала его сквозь шум воды. – Может, ты подойдешь и взглянешь на это...

Она обернулась на звук его голоса, и тревожная нотка в нем мгновенно насторожила её. Приподняв брови в немом вопросе, она вытерла руки о полотенце и, не задавая лишних вопросов, вошла в кабинет, молча прильнув плечом к отцу, склонившемуся над экраном ноутбука.

– Что случилось, пап?

– Это письмо от Блейз, – ответил он, указывая на экран. – Посмотри.

Черри, прищурившись, впиалась взглядом в текст.

От кого: b.fielding@dt.wpd.gov

Тема: Нужна помощь

Сообщение: Привет, Адам. Слушай, я застряла в поисках Сынов Тьмы. Мы с Мерфи уверены в существовании международной связи, но начальство сомневается. Нам нужна помощь кого-то из твоих специалистов для проведения полноценного расследования. Эстель, Черри и все остальные, кто может уделить время и ресурсы, будут очень кстати. Загляни ко мне, пожалуйста? ZanTech Labs. Давайте вытащим этих благодетелей на свет и разберёмся с этим раз и навсегда. Спасибо, Адам.

Твой друг,

Блейз

Адам тщетно пытался скрыть гримасу недовольства. Она скользнула по его лбу, как тень, отражая бурю мыслей и чувств, бушевавшую внутри.

Черри, внимательно наблюдая за ним, уловила это мимолётное выражение.

– Я знаю, о чём ты думаешь, пап, – сказала она, затем перечитала сообщение ещё раз. – Это снова всё перевернёт с ног на голову, да?

Адам смотрел на неё, слова словно ком застряли в горле, а пульс отстукивал нервную дробь где-то в висках. За годы их совместной работы он не раз делил с Блейз Филдинг окопы в джунглях, выживал в раскалённых пустынях и пробивался сквозь завалы городов, объятых войной.

Они спасали друг другу жизни, и зависимость друг от друга стала привычной, почти незаметной, как дыхание. Он получил Медаль Почёта за то, что в одиночку превратил в груды металлолома огромный танк Mark II в заснеженных Гималаях, во время войн с Синдикатом. Принимал награду, стоя по стойке "смирно", пока седовласый верховный главнокомандующий Петров прикреплял её к его парадному кителю на помпезной церемонии в Белом доме. Но после этого он ни разу её не надел. Воспоминание о том, как взрыв разнёс башню танка, превратив четверых солдат внутри в кровавое месиво, никак не вязалось с его представлением о "показной храбрости". И уж точно не было проявлением героизма. Просто работа. Долг – защищать мирных жителей, когда над ними нависала угроза.

Он делал это бесчисленное количество раз, искореняя Синдикат Икс и его разрозненные ячейки, а затем и злобный Синдикат Игрек. Если Блейз сейчас

нуждалась в помощи, он не мог её подвести. Ни за что на свете. Он глубоко вдохнул, выпустив воздух через нос, губы сжались в тонкую линию. Собравшись с духом, он чуть приподнял уголки губ в слабой улыбке, не отрывая взгляда от дочери. – Думаешь, ты готова к этому, малышка? – спросил он, формулируя это как вопрос, хотя ответ уже знал.

Черри слегка склонила голову. За её моложавым лицом, ангельской внешностью и безупречным стилем скрывалась стальная воля, закалённый боец, хищница... способная на великие дела.

Она не колебалась ни секунды. – Абсолютно, пап. Это не будет проблемой, если ты прикроешь меня со школой. Мы должны помочь ей во всем.

Он поднялся и положил ладонь ей на плечо. – Это наш долг. Я позвоню Флойду в ZapTech Labs. Поедем к ней вместе.

Вуд-Оук-Сити
Ирландский район

Лихорадочные видения вырвали его из липкой темноты, словно когти из плоти. Хор истошных криков, надрывных рыданий и маниакального смеха сплелся в зловещую симфонию. Искорёженные тела, словно сломанные куклы, бессильно рухнули в бездну. С лязгом и хрустом металлические трубы обрушивались на податливую плоть. Свет мерк, дрожал, распадаясь на осколки, и он почувствовал, как его затягивает в длинную, зияющую шахту, в безумном кувырке падения. И в самом зените этой преисподней, словно зловещая луна, на него взирал чёрный, костяной лик черепа, неумолимо приближаясь.

Аксель распахнул глаза, словно выбираясь из вязкого болота забытья. дезориентированный, он ощутил под собой жёсткую поверхность грубой деревянной койки. Взгляд его устремился вверх, к закопчёному каменному потолку, казалось, высеченному из самой утробы скалы. Краем глаза он уловил зловещий блеск тюремной решётки. Его некогда жёлто-белая рубашка и синие джинсы превратились в жалкие, грязные лохмотья. В голове пульсировала адская боль, словно раскалённый гвоздь вбивали в висок, а в горле пересохло так, будто он проглотил горсть песка. Редкие светлые усы тщетно пытались скрыть бледное, покрытое испариной лицо, тронутое небрежной щетиной нескольких недель. Он попытался приподняться, но острая, пронзительная боль, словно удар кинжала, заставила его отступить. Он рухнул обратно на койку, задыхаясь от муки.

Воспоминания хлынули потоком, обжигая сознание. Банда "Сигнал". Фальшивое знакомство, лицемерные улыбки... а затем – узнавание.

Беспощадное избиение, пока тьма не поглотила всё. Он выгнулся дугой, и острая боль пронзила его насквозь. Справа от него кто-то зашевелился, и он понял, что в этой каменной могиле он не один. Он попытался повернуть голову, чтобы увидеть своего сокамерника, но даже эта малейшая попытка обернулась пыткой. Тяжёлые, мерные удары, похожие на шаги гидравлической машины, приближались к его койке. Массивная фигура присела рядом с ним, роботизированные сервоприводы жужжали и вздыхали, словно тяжело дышащие звери, когда она двигалась. Плотная сеть нановолокон, словно сплетение стальных мышц, под металлическими плечами, напоминающими броню древнего воина, изгибалась вверх, переходя в толстую шею, поддерживающую чудовищную голову, похожую на череп робота. Тёмный череп из его лихорадочных снов, казалось, материализовался и навис над ним, воплощённый кошмар.

Кообо.

– Почему ты просто не убил меня? – прохрипел Аксель, каждое слово отдавалось болью в пересохшем горле.

– Ты не боишься смерти, Аксель, – ответил Кообо, его голос был ровным и

бесстрастным, словно звук работающего механизма. – Ты приветствуешь её. – Он покачал головой, и металлический блеск скользнул по его черепу. – Твоё наказание должно быть... более изощренным.

Теперь Аксель понял. Ярость вспыхнула в его глазах, словно уголь под пеплом. Он с ненавистью уставился на своего мучителя. – Пошёл ты. Ты – террорист. Палач...

– Да, – согласился Кообо. – Но не над твоим телом. Возможно, ты – мучитель собственной души. Среди моих современников ты заслужил репутацию назойливого паразита, что гложет мою работу и наследие моих предшественников. Это длится непростительно долго.

Аксель попытался подавить гнев, но боль была нестерпимой. Он судорожно выдохнул, и мир перед глазами померк, словно его затянула пелена кромешной тьмы. Он отчаянно цеплялся за сознание. – Где я? – прохрипел он.

– Считай это своим новым домом, – отрезал Кообо. – Здесь ты познаешь, что ждёт таких, как ты – неверующих.

Аксель заставил себя оглядеться, стараясь не шевелить головой. Сквозь ржавые прутья своей камеры он увидел подобие огромного подземного комплекса, нечто вроде бункера, уходящего в недра земли, с грубыми каменными блоками. Жалкие фигуры, сломленные панки из банд Вуд-Оук-Сити, одетые в жалкие лохмотья, бродили по этому месту, казалось, смирившись со своим убогим существованием. Из других помещений доносились полные отчаяния крики.

Кообо поднялся с кровати Акселя и направился к решётке, где на посту стоял Хулио с автоматом АК-47. – Ты умрёшь... медленно, – произнёс он, поднимая лицо в маске к охраннику. Его голос звучал неестественно, словно обработанный компьютером. – И у тебя будет достаточно времени, чтобы обдумать все ошибки, что ты совершил в своей жалкой жизни. Ты умрёшь, не имея надежды на искупление. – Он оторвал взгляд от застывшего в ожидании охранника и обернулся к Акселю, вперив в него свой безжалостный взгляд.

– Твое время, когда ты был нужен, истекло, Аксель Стоун. Прими это. – Кообо ленивым жестом отмахнулся от Хулио и повернулся, чтобы уйти, оставляя Акселя одного в мрачной камере. Дверь с лязгом захлопнулась, и её ржавые петли издали протестующий скрип. Он хотел выкрикнуть что-то Кообо в лицо, бросить ему вызов, но это было бы лишь пустой тратой сил. Он не мог даже пошевелиться без невыносимой боли. Боль снова захлестнула его, и тьма окончательно поглотила его сознание. Веки отяжелели, и он закрыл глаза. Даже сквозь забытьё он всё ещё слышал крики.

Дни и ночи сплелись в единую, беспросветную вереницу, пока Аксель, то погружаясь в забытьё, то проваливаясь в кошмарный бред, гнил в своей камере. Смутные звуки внешнего мира, доносившиеся из коридоров и дальних комнат, терзали его слух. Слабый луч надежды, мерцавший на вершине лестничного пролёта, то гас, то вспыхивал вновь, словно издеваясь над ним. Лишь ноющая, неутрачиваемая боль в спине оставалась неизменной, безжалостным напоминанием о его заточении. Призраки прошлого, словно голодные вороны, терзали его измученную душу.

– Не ожидал, что я вернусь, Аксель?

Он с трудом поднял глаза и увидел перед собой мистера Икс. Давно почивший сенатор Джордж Ксетеус предстал перед ним во всей своей зловещей красе, точно таким же, каким он был в последний раз, когда Аксель видел его живое лицо, до "инцидента" с одержимыми X-роботами, сошедшими с ума на третьей базе Синдиката в 2015 году. Высокий, широкоплечий темнокожий мужчина с непроницаемым, суровым взглядом и в безупречно крошечном зелёном костюме. Рубиново-красный галстук, туго затянутый, скрывался под белоснежным воротом рубашки, застёгнутой на все пуговицы до самого верха. Аксель потратил годы на то, чтобы выследить Синдикат, после раскрытия дела "Синего Лебедя" и узнав об его тайном

существовании от Люциуса Хоука, что в конечном итоге привело к его первой встрече с Блейз Филдинг. Вместе они разоблачили Джорджа Ксетеуса, показав миру его истинное лицо: коррумпированного политика и одного из самых опасных людей, когда-либо живших на земле. Но он умер – и не только в переносном смысле.

"Мистер Икс" был всего лишь удобным псевдонимом для руководителя операции "Теневая Рука", и теперь его пронзительные карие глаза насмешливо смотрели на Акселя.

– Я же говорил тебе, что я бессмертен, – произнёс он с ледяной ухмылкой.

"Нет, это невозможно", пронеслось в голове Акселя. Он живо вспомнил смерть Икса и окончательное уничтожение его последнего клонированного тела, созданного на основе копий его когнитивных паттернов (извлеченных из его мозга покойным доктором Генрихом Дамом и передаваемых от одного клона к другому), когда Блейз и Шива обрушили на него свою объединённую силу Кикоушо в ослепительной, радужной вспышке, положившей конец войнам Синдиката ещё в 2021 году.

– Я видел, как вы умирали, – прохрипел он сквозь стиснутые зубы.

Икс не стал отрицать очевидное.

– Существует множество форм бессмертия, сержант Стоун. Разве это не тот случай, когда ваш друг, доктор Зан, теперь использует копию когнитивных паттернов моего мозга для создания системы обучения на основе виртуальной реальности для вас всех в ZanTech Labs? Систему, которую вы любовно прозвали "Кошмаром мистера Икс"... хотя, возможно, в шутку. – Он улыбнулся при этой мысли. – Вот видите, сержант. Я продолжаю жить.

В памяти всплыло воспоминание из прошлого: Аксель сидит у костра на берегу замерзшего озера, в своем любимом месте для рыбалки возле хижины в Ситке, Аляска. В тот день ему не удалось поймать ни одной рыбы, он лишь молча размышлял о гнетущих его негативных эмоциях, о нереализованных потребностях и желаниях. О том, как он столь явно и, возможно, неловко проецировал эти потребности на Блейз Филдинг, что в конечном итоге привело к их разводу.

Пожилый мужчина понимающе кивнул и коротко рассказал о своей собственной трагической истории.

– Когда-то у меня была мать, – произнёс он с печалью в голосе. – Моя большая любовь осталась дома, в Белизе. Её звали Мария. Её забрали у меня много лет назад...

В сознании Акселя кусочки мозаики сложились в единую картину, хотя он и не оценил заключённую в ней поэзию.

Вернувшись в настоящее, он уставился на Икса.

– Близнецы Игрек были моими детьми, – прозвучал голос Икса, словно эхо из склепа, – моими наследниками. – Он склонил голову в медленном, зловещем поклоне. – Наследники должны удостовериться, что имя Ксетеус исполнит свой долг – восстановит равновесие в этой прогнившей цивилизации.

Аксель слишком хорошо знал извращённую логику Икса, чтобы не понять, что тот имел в виду. – Едва ли. Скорее, неудачные клоны твоей матери, если уж на то пошло...

Икс проигнорировал выпад. – Ты годами сражался с упадком, Аксель, бросая в эту бездну все свои силы, ресурсы, весь свой моральный авторитет. Огненный Шторм, не так ли? Какая эффектная декорация. Но единственная победа, которую ты одержал – ложь, иллюзия. И со временем ты это понял. Твоя истинная заслуга лишь в том, что ты смог подавить дух моей революции. В конце концов, после всего, через что ты прошел, ты осознал: этот мир самовлюблённых мертвецов, утопающий в потерях, не спасти.

– Нет! – взревел Аксель, напрягая последние силы, борясь с накатывающей слабостью. Боль в спине казалась пустяком по сравнению с обжигающим осознанием того, что город там, снаружи, в смертельной опасности, а он – бессилен.

Икс издал тихий, булькающий смехок, растворяясь в тенях лихорадочного бреда, словно акварель, смываемая дождём.

3

Дни тянулись, пока Аксель возвращал себе силы. Сквозь прутья решётки Хулио, охранник, с нескрываемым удивлением наблюдал, как Аксель, словно одержимый, отжимался от холодного пола камеры, пока капли пота не заблестели на его бледном, заросшем щетиной лице.

Задыхаясь, он истязал себя, доводя до предела физических и моральных возможностей. Боль в спине всё ещё давала о себе знать, но теперь она была терпимой, и с каждым днём казалось, что отступает. По крайней мере, ему отчаянно хотелось в это верить. На мгновение он замер, чтобы собраться с силами, прежде чем приступить к следующей полусотне повторений.

Хулио, с его вызывающе торчащими волосами, выкрашенными в кричащий кобальтовый цвет, вальяжно развалился на скамье в нескольких шагах от камеры, рассеянно листая потрёпанный журнал. Тяжелый взгляд европейского головореза с недоумением скользнул по Акселю. – Зачем ты себя мучаешь? – пробурчал он, нахмутив густые брови. Затем небрежно пожал плечами.

– Знаешь, Кообо прав насчёт Сынов Тьмы. Они – будущее Вуд-Оук-Сити. Почему бы просто не принять свою участь?

Аксель с трудом поднялся с пола. – Я не собираюсь здесь сгнить, – прохрипел он. Он не мог позволить своей воле ослабнуть ни на секунду. Он должен предупредить Блейз о Кообо, и сейчас для него не существовало ничего важнее.

Абсолютно ничего.

И он снова принялся за упражнения, выжимая из себя последние силы. Раз... два... три...

Хулио ухмыльнулся и с равнодушным видом вернулся к своему чтиву. Аксель, шатаясь, поднялся на ноги, оскалив зубы, с которых, как ядовитая роса, стекала слюна, просачиваясь сквозь редкую светлую бороду. Он приблизился к ржавой, запертой двери своей клетки, тяжело дыша, а в его груди бушевал ураган эмоций. Сердце Хулио тревожно забилось, и в этот момент Аксель распахнул рот в беззвучном крике первобытного отчаяния. Прошло всего две секунды, но за это время...

...охранник успел лишь вскинуть руку, чтобы схватить свой АК-47, инстинктивно бросаясь на защиту, когда Аксель, словно дикий зверь, обрушился на дверь, но маленький человек оказался недостаточно быстр, даже для выстрела в упор.

Бах!

Дверь, сорванная с прогнивших петель, рухнула с оглушительным лязгом металла. Хулио отбросило назад и пригвоздило к скамье под искорёженными прутьями. Он истошно закричал, а его АК-47 с грохотом разлетелся по полу.

Аксель Стоун вырвался из камеры, его кровь бурлила адреналином, а взгляд горел безумием. Внизу, у его ног, бесчувственно лежал Хулио, а рядом, словно насмешка, валялся журнал, распахнутый на развороте. Подняв глаза, Аксель увидел коридор, ошетилившийся решётками камер, за которыми, словно дикие звери в клетках, с воплями и проклятиями на чуждых языках наблюдали заключенные. Не успел он

перевести дух, как в коридоре возникла стая Ж. Сигналов, привлечённых шумом и запахом крови.

– Что за хрень тут творится? – выплюнул один из них, вытаращив глаза на открывшуюся картину. – Заключённый решил прогуляться?

Пятеро панков заняли угрожающие позы, перенеся вес тела на расставленные ноги. Руки, сжатые в кулаки, были прижаты к бокам. Их одежда – униформа уличных головорезов из Сигналов: кислотно-жёлтые плащи с вычурными меховыми воротниками, на спинах которых трафаретом красовалась чёрная эмблема группировки. Лбы стянуты цветастыми банданами, под которыми угадывались подозрительные уплотнения. Чёрные штаны, бесшумные кроссовки и, конечно, ирокезы – тщательно взбитые гребни, на которые явно было потрачено немало времени.

Аксель силился вспомнить, встречал ли он этих отморожков раньше, но что-то в их лицах казалось знакомым. Главный, ухмыльнувшись, кивнул одному из своих.

– Да это же Аксель Стоун, тот самый ублюдок, про которого я вам рассказывал. Бывший коп.

Остальные четверо заржали, как гиены. Не находя себе места, они переминались с ноги на ногу, похлопывали друг друга по головам и обменивались многозначительными взглядами. Вожак запрокинул голову и грянул злым, самоуверенным хохотом. Это была его роковая ошибка.

Звук оборвался, словно перерезанный ножом, когда рука Акселя, словно лезвие бритвы, полоснула по его горлу. Не давая ему опомниться, Аксель с силой ударил его коленом в пах, свалив на пол. Два коротких, акцентированных удара в левый висок – и вожак бесчувственно обмяк.

Остальные сигнальщики сбились в кучу, словно годами сражались плечом к плечу. Впрочем, их юные, наглые лица говорили об обратном. Аксель сбил одного ударом ноги в колено, услышав хруст разорванных сухожилий. Второго оглушил ударом головой, тот, потеряв ориентацию, рухнул навзничь, запутавшись в собственных ногах. Четвёртый попытался ударить Акселя в лицо, но промахнулся, лишь слегка задев щеку. Времени на раздумья не было: Аксель уже уклонялся от ударов ножа, выжидая момент, чтобы отразить атаку и нанести смертельный удар.

Сигнальщик с ножом захрипел от напряжения, теряя равновесие.

Аксель воспользовался секундной заминкой, развернулся всем корпусом и обрушил правый кулак вниз, завершив движение фирменным апперкотом, которому его учил отец в детстве.

– ГРАНД АППЕРКОТ!

Мужчина издал хрип, когда удар достиг его, и обмяк, рухнув на пол. Как только сигнальщики затихли, Аксель рванул по коридору, взлетая по ближайшему лестничному пролёту к двери, за которой, он был уверен, был выход.

Сердце колотилось в бешеном ритме, адреналин, словно кипящая лава, бурлил в венах – единственное, что удерживало его на ногах.

За деревянной дверью послышались шаги, и в следующее мгновение она с треском распахнулась от удара ногой. Аксель, не теряя ни секунды, ринулся в образовавшуюся брешь, выставив вперёд кулак, словно таран.

Человека по ту сторону звали Дилан – панк с голым торсом и красной банданой на голове. У него не было ни единого шанса. Он открыл рот, чтобы что-то спросить, но так и не успел произнести ни слова. Кулак Акселя обрушился на его горло, сминая кадык. Дилан пошатнулся, инстинктивно выхватывая руки из карманов, чтобы схватиться за шею. В его расширенных от ужаса глазах отразилось лишь то, как Аксель захлопнул за ним дверь и обрушил на его голову сокрушительный удар, от которого Дилан рухнул, словно подкошенный.

Тяжело дыша, Аксель выпрямился и окинул взглядом коридор, пытаясь определить пути отступления.

– Где же ты, Кообо? Куда ты запропастился?

Кирпичный вестибюль тянулся вдаль, разветвляясь на несколько проходов, вдоль которых выстроились ровные ряды ящиков с припасами и ящиков с оружием. Стараясь ступать как можно тише, он проскользнул в соседний коридор, стены которого украшали старые, покрытые пылью портреты генералов и вельмож давно минувших эпох. Заметив дверь справа, он прильнул ухом к отполированному дереву. Лишь тишина.

Он бросился дальше, вверх по лестнице, ведущей, судя по всему, в холл роскошного особняка. Две огромные напольные вазы обрамляли величественную парадную лестницу, освещенную люстрой в стиле модерн-шик. Большие круглые окна на стенах пропускали бледный свет полной луны. Множество дверей и коридоров, освещенных электрическим светом, уходили в разные стороны. И тут он услышал голоса. Мужской и женский. Они приближались, шаги становились всё громче. Аксель прикинул, что у него осталось лишь несколько секунд. Оглядевшись, он присел и прижался к блестящему чёрному роялю с откинутой крышкой. Он затаил дыхание, впитывая информацию, поступающую от органов чувств, оценивая последствия своего положения, стараясь не терять концентрацию, несмотря на усталость.

Мужчина и женщина вошли в холл, ругая начальство – обычное дело для охранников во всем мире. Оба были вооружены пистолетами и оснащены наушниками с микрофонами.

– Кообо может идти к чёрту, – пробормотала женщина. Её звали Кэнди. – Мне явно недоплачивают за это дерьмо, Фрэнсис.

Мужчина, Фрэнсис, хмыкнул в ответ. – Не парься. Просто продолжаем обход. Произошло нарушение периметра. Возможно, один из заключённых вырвался на свободу.

Аксель ухмыльнулся, отсчитывая шаги. Пустяк. Раз, два, три, четыре...

Рывок вперёд – стремительный, как бросок змеи. Кулак обрушился на левый висок женщины-охранника, и она рухнула, словно подкошенный теленок. Левый локоть вонзился в солнечное сплетение второго, вышибая весь воздух из его лёгких. Тот осел на землю, скрючившись в мучительной тишине, тщетно пытаясь вдохнуть. Аксель добил его рубящим ударом по основанию черепа, туда, где нервы сплетались в тугий узел боли, и тело обмякло на кафельном полу.

Бесшумно забрав пистолет у оцепеневшего Фрэнсиса, Аксель рванулся к распахнутым дверям. Ночной воздух, влажный и прохладный, ударил в лицо, словно пощёчина, пробуждая от оцепенения последних дней.

– Стой! – крик полоснул по тишине, возникнув откуда-то сбоку. Аксель развернулся, направляя дуло пистолета в лицо выскочившему из-за угла особняка панку, З. Сигналу. Тот мгновенно пожалел о своей бравате. Руки взметнулись вверх, из ноздрей потекла предательская слизь. Колени подогнулись, и он пролепетал, заикаясь: – Не убивайте меня! Пожалуйста... У меня сын.

Аксель набросился на него, обрушив на голову град ударов рукояткой пистолета. Панк рухнул безвольной куклой. И тогда, с ледяным спокойствием, словно ничего не случилось, Аксель скользнул в направлении мерцающих огней шоссе, растворяясь в ночи.

Южная Исландия, Европа
17 декабря

"Лендкрузер", словно бронированный зверь, продирался сквозь каменистую утробу гор. Скалистые склоны, безжизненные и неприступные, хранили молчание веков. Лишь редкие, цепкие кустарники, словно последние стражи жизни, карабкались по бесплодным, пепельно-серым холмам. Дорога принадлежала ему целиком и полностью, и он гнал крейсер вперёд, к намеченной точке встречи, прежде чем солнце обагрит горизонт последними лучами. Он пожирал километры бездорожья под свинцовым полотном туч, чья угрюмость вторила безрадостному ландшафту. Ледяной ветер, словно призрак, метался над пустынными вершинами и зияющими пастями каньонов, неся с собой предчувствие бури.

"Дурной знак", подумал Леон Шива, и горькая усмешка тронула его губы.

Японец средних лет, изрезанный шрамами, словно древняя карта сражений, сидел в самом сердце машины, окружённый кольцом верных телохранителей, отобранных им лично для этого судьбоносного момента. Он чувствовал, как неумолимо приближается этот день, день, которого он ждал мучительно долго. Слишком долго он томился в каменных мешках цивилизованного мира. Двенадцать лет в китайской тюрьме – самый долгий его срок – дали ему достаточно времени, чтобы переосмыслить прошлое, выковать планы на будущее... чтобы, используя свой острый как бритва интеллект и неуловимую сеть связей, подготовиться к тому, что должно было произойти дальше. Для него эта игра никогда не заканчивалась, что бы ни говорили другие. Правда была в том, что ни одна тюрьма в мире не могла его по-настоящему удержать, и когда Соединённые Штаты потребовали его экстрадиции, чтобы судить его там, это стало идеальным шансом инсценировать побег и вновь раствориться в тени. Там он всегда чувствовал себя в своей стихии. Это было несколько месяцев назад. И этот день должен был стать поворотным моментом, новой точкой отсчёта.

Вскоре "Лендкрузер" достиг своей цели – заброшенной взлётно-посадочной полосы, расположенной на краю пропасти, с видом на Катлу, огромный, дремлющий вулкан. Вдали доносился приглушённый гул вспахиваемой земли, его эхо блуждало по пустынным склонам холмов, словно голос древнего божества.

"Звук грядущего", подумал Шива, и почувствовал, как в нём разгорается давно забытый азарт. Он надеялся, что это место станет его неприступной крепостью, его убежищем на ближайшие месяцы.

Патрульная машина взвизгнула тормозами, и его люди, словно пружины, выскочили наружу. На взлётно-посадочной полосе их ждал турбореактивный самолёт без опознавательных знаков, и небольшая, но внушительная группа встречающих. Онихиме и Яша, две опытные наёмницы лет сорока пяти, с лицами, хранящими тайны Востока, стояли в безупречных деловых костюмах, в сопровождении небольшого отряда вооружённых охранников. На их униформе не было ни эмблем, ни знаков различия, что отсылало к старым, добрым временам Синдиката. Это были преданные люди, специалисты по саботажу и убийствам, закалённые в боях ещё до падения старого режима. Шива надеялся, что может им доверять, что их давние связи всё ещё крепки.

– Рада видеть тебя, Шива, – произнесла Онихиме, делая шаг вперёд. – Прошло слишком много времени.

Он улыбнулся, заключая женщину в дружеские объятия. – Истинно так, Онихиме. – Платоническая близость прервалась, словно танец, и он протянул руку Яше для крепкого рукопожатия. Их связывали годы совместной истории. Онихиме и её сестра-близнец Яша служили под знаменем Шивы в Святой святынь Синдиката, подчиняясь непосредственно Джорджу Ксетеусу, как признанные эксперты в области клонирования и генетики. В бурные годы войн Синдиката они обе доказали свою непоколебимую преданность Шиве и его делу, став архитекторами проекта Homo Universalis.

– Что предпочтёшь, объятия или рукопожатие? – лукаво спросила Яша, в её глазах плясали искры.

Шива выбрал объятия, в который раз ощущая тихую благодарность за то, что в его жизни осталось столько по-настоящему преданных и ценных людей.

Впереди ещё так много...

Спустя мгновения, взмыв в воздух, они летели низко над горой, стараясь не привлекать внимания. Их курс лежал к вулкану, над дымящимися жерлами, где из глубин мантии, пульсирующего сердца планеты, рвались потоки перегретой энергии. Синдикат неспроста избрал это место для своей Четвёртой базы ещё в 1990-х. Вулкан должен был служить естественным щитом, скрывая любую деятельность Синдиката, позволяя им беспрепятственно черпать геотермальную энергию и оставаться в тени. Расчёт оказался верен – несмотря на то, что после смерти мистера Икс база была заброшена, ни «Файрштурм», ни Новый Мировой Порядок так и не обнаружили Четвёртую базу за все последующие годы.

Объект погрузился в глубокий сон, десятилетиями оставаясь нетронутым.

Так было до сегодняшнего дня.

Самолёт, совершив плавный вираж, начал снижение, касаясь грубо обтесанной взлётно-посадочной полосы, вписанной в суровый вулканический ландшафт. Плодородная почва сулила возможность выращивать собственные продукты, избавляя от необходимости импорта и риска быть обнаруженными Интерполом или ЦРУ, отслеживающими поставки. И, конечно, всегда существовал классический страховой полис: сам вулкан. Если бы какая-нибудь назойливая группа, будь то Firestorm или любая другая военная сила, осмелилась помешать планам Шивы, он мог бы активировать систему самоуничтожения. На протяжении многих лет Синдикат применял эту защиту на многих своих объектах, но здесь она была особенно изощрённой: небольшой ядерный взрыв, даже в сотнях километров от нестабильного магматического очага, вполне мог спровоцировать мощное извержение. В качестве альтернативы, если бы в руки попался нежелательный гость, его всегда можно было сбросить в ближайший геотермальный источник или поток лавы, мгновенно избавившись от проблемы и замести все следы.

Леон Шива улыбнулся, спрыгивая с трапа самолёта, и его ботинки хрустнули по вулканическому пеплу. Обжигающий жар обволакивал его, пока он наблюдал, как остальные выгружают снаряжение. Он удовлетворенно хмыкнул, закидывая рюкзак на плечо. Кивнув, он жестом предложил Онихиме и Яше идти впереди.

4

Лаборатория ZanTech
18 декабря

Флойд Ирайя, сгорбившись, вышагивал по стерильной лаборатории, его взгляд скользил по мерцающим показаниям приборов. Вечный двигатель ZanTech, он не просто владел компанией, но и жил ею, самозабвенно погружаясь в дебри современной науки, выплёскивая свои открытия в научных работах. Зан был его путеводной звездой, долгом жизни, унаследованным от эксцентричного профессора-андроида. Без кибернетических рук, подаренных Заном, Флойд представлял свою жизнь как неумолимую спираль вниз, и был бесконечно благодарен за этот дар. Заметив нечто на мониторе, он нахмурился, коротко кивнул своим мыслям и двинулся дальше.

– Приятно видеть такой порядок, – раздался голос Эстель Агирре. Она сидела за массивным столом, перед бездействующей голографической консолью. Вокруг виднелись ещё пять пустых кресел, словно ожидающих начала секретной миссии. Лицо Эстель, как всегда, хранило печать непроницаемой сдержанности.

Флойд одарил её теплой усмешкой. – Знаю, да. У нас есть пара мастеров чистоты, настоящие виртуозы уборки. Потрясающие ребята.

Эстель коротко кивнула. – Надеюсь, им хорошо платят.

В игривом взгляде Флойда промелькнула гордость. – Разумеется. Это ZanTech Labs,

здесь ценят своих сотрудников.

Внезапный смех Эстель, словно луч солнца, прорвался сквозь броню её внешней холодности. Она редко позволяла себе расслабиться, но здесь, в кругу друзей, могла позволить себе эту маленькую слабость. – Рада тебя видеть, Флойд. Прошло уже несколько месяцев.

Её смех был заразительным. – Я тоже рад, Эстель. Да, целая вечность, – улыбнулся Флойд. Он не видел её с тех пор, как Синдикат Игрек рухнул, погребённый под обломками судебных разбирательств. – Как служба в спецназе? Часто приходится бывать в горячих точках?

– Всегда. С момента нашей последней встречи Адама и меня бросали в самые отдалённые уголки мира. Работа есть работа, как ты понимаешь. Ничего, о чём я могу распространяться.

– Разумеется. Пока мне не нужно знать, – с понимающей улыбкой ответил Флойд. – Ты мне напоминаешь моего брата.

Флойд удивленно повернулся к ней, его руки беспомощно повисли вдоль тела. – Надеюсь, это не комплимент с подвохом?

В глазах Эстель на мгновение отразилась печаль, но улыбка не дрогнула. – Вовсе нет.

В этот момент дверь лаборатории распахнулась, и в комнату ворвалась Черри Хантер. Её взгляд сразу же нашёл Флойда, и её лицо озарилось радостью, словно рождественская ёлка, любовно украшенная гирляндами, мишурой и игрушками, спрятанная в углу между двумя перегородками квантового компьютера.

– Флойд! – воскликнула она и бросилась к нему в объятия. Его механические руки сомкнулись вокруг неё в дружеском объятии, в котором чувствовалась едва уловимая искра чего-то большего.

– Рад тебя видеть, – искренне ответил Флойд. – Как тебе виртуальные симуляторы "Доброго доктора"?

Черри улыбнулась. В её памяти всплыли яркие воспоминания о тренировках, настолько реалистичных, что она едва отличала их от реальности. – Это потрясающая боевая подготовка. И, между прочим, я поставила там рекорд.

– В твоих мечтах, – отрезал он, словно бросил в лицо ледяную перчатку.

Черри, словно солнечный луч, пробивающийся сквозь тучи, отвлекла его, переведя взгляд на Эстель. – Спасибо, что прикрываешь моего отца, – произнесла она с искренней теплотой. – Его бы здесь не было, если бы не ты.

Эстель откинулась на спинку стула, словно утонула в бархате облегчения, радуясь, что шестнадцатилетняя бунтарка в хорошем настроении. – Это улица с двусторонним движением, – улыбнулась она. – Мы с Адамом работаем плечом к плечу, чтобы выкарабкаться из этой передраги. Это то, что делают партнеры.

– Папа и Блейз знакомы целую вечность. Задолго до моего рождения. Думаю, он готов ради неё на всё.

– Эта женщина прошла через огонь и воду. Впрочем, как и все мы. Именно этот общий опыт – фундамент нашей связи. Я могу только догадываться о крепости уз, связывающих их. Твой отец был уже зрелым мужчиной, когда я впервые встретила его.

Черри вскинула руки, притворно капитулируя. – Он не такой уж и старый, знаешь ли...

Эстель на мгновение нахмурила брови, словно на её безупречном лбу пролегла тень,

но тут же вновь натянула на лицо профессиональную маску озабоченности. – О, правда? Он постоянно ворчит, что становится слишком стар для всего этого дерьма.

– Типичный папа, – весело отозвалась Черри.

Они непринужденно болтали несколько минут, пока дверь в лабораторию вновь не распахнулась, впуская Блейз Филдинг и Адама Хантера, а за ними, громыхая гусеницами своего персонального танка, въехал сам доктор Гилберт Зан. На первый взгляд, хитросплетения кастомных деталей, составлявших экзоскелет Зана (который он постоянно дорабатывал, тестировал и модернизировал), могли бы повергнуть в трепет случайного прохожего. Но присутствующие, конечно, были исключением – все они были его старыми друзьями и привыкли к его экстравагантной внешности.

– Рада, что вы все пришли, – произнесла Блейз, направляясь к главе стола. Эстель подалась вперед на своем стуле, словно пантера, готовящаяся к прыжку, положила локоть на стол и подперла подбородок кулаком. Она наблюдала, как остальные занимают свои места: Адам встал по правую руку от Блейз, а Флойд и Черри расположились слева. Гусеницы танка Зана издали мягкое, утробное ворчание, когда он развернулся в противоположную сторону от них и замер.

– ZanTech Labs всегда открыта для моей большой семьи, – произнёс Зан, его речь транслировалась через ИИ в режиме реального времени, подключённый к его позитронному полю. – Но позвольте спросить... где Аксель?

Вопрос обрушился на Блейз, словно разряд молнии, опаляющий мозг. Тревога, как ядовитый туман, грозила захлестнуть её, но она усилием воли нахмурилась, вновь фокусируясь на Зане. – Я не знаю. Пыталась до него достучаться, оставила кучу сообщений несколько дней назад, но тишина... Придётся действовать без него.

Адам отступил на шаг, устремив взгляд в потолок в поисках ответа, затем снова посмотрел на Блейз. – Это не в его духе, правда? Может, попытаться связаться с ним по спутнику?

Блейз покачала головой, отмахиваясь от его беспокойства. – Я уже пробовала. Не отвечает. Слушай, возможно, он просто игнорирует меня. Знаешь, я ведь его бывшая жена...

– В последний раз я видел Акселя здесь, – перебил Флойд. – Проверял программу тренировок и VR-шлемы. Кажется, дня четыре назад?

– Может, он просто отрубился от мира, – тихо проговорила Черри.

Адам покачал головой. – Нет, это не объясняет молчание. Спутник всё равно должен был бы сработать.

Блейз встретила с ним взглядом. Воспоминания о его собственном исчезновении хлынули потоком. Тогда выяснилось, что его похитил Синдикат, использовав как приманку, чтобы выманить Акселя и её саму на Островную Базу Икс у Тихоокеанского побережья. Она помнила, как это сломило Адама, как тяжело всё это на нём отразилось. Она всегда восхищалась его эмоциональной стойкостью, тем, как он преодолел всё, что последовало дальше. Затем мысли обратились к Акселю, к его привычке скрывать эмоции за маской "давления", оправдывая тем самым свои сомнительные поступки в годы после рождения детей. Запутанная история. Это изменило её восприятие его, её понимание его мотивов, её самопонимание. После этого она просто выложила ему все свои чувства, и всё остальное стало историей. – Я действительно за него волнуюсь, – честно призналась Блейз, опустив взгляд. Морщинки вокруг её глаз разгладились, когда в памяти всплыли образы Акселя, с которым она поделила огромный кусок жизни, пережив взлёты и падения. Она подняла глаза и поймала серьёзный, сосредоточенный взгляд Черри.

Черри кивнула, не разрывая зрительного контакта. Две женщины понимали друг друга на каком-то глубинном, невербальном уровне – результат всего, что они вместе пережили. Теперь они были семьёй.

– Это ещё одна причина, чтобы перестать тянуть время и перейти к тому, ради чего мы здесь собрались, – продолжила Блейз. – Причина, по которой я попросила о вашей помощи.

– «Сыны Тьмы», – пробормотал Флойд. Он согнул свою кибернетическую руку, разминая плечо. – Я знаю, они терроризируют город. У них хватило наглости попытаться пробраться сюда пару недель назад. Наша автоматическая защита их отбила, но потом я слышал про взрыв, как его... на химическом заводе в промышленном районе? Мерзкая история.

– Это было в новостях, – сказала Черри. – Я должна была написать об этом репортаж для курса журналистики.

Блейз кивнула. – Да, мы с Мерфи полагаем, они действуют ячейками.

– «Сыны Тьмы» здесь, в Вуд-Оук-Сити, – лишь одна из разветвлённой сети, опутывающей многие страны. По нашим данным, недавно они отметились в Мозамбике, промышляя контрабандой древних артефактов шиноби с раскопок Джомона, но у нас нет ресурсов на это.

– Комиссар Бернстайн не в настроении сотрудничать? – съязвила Эстель, не вставая со своего места. – Вот уж неожиданность.

– У него руки связаны, – ответила Блейз. – И ему нравится держать меня в узде. Поэтому я и решила обратиться к вам. Бернстайн хочет, чтобы я копалась в делах Вуд-Оук-Сити, а здесь, поверьте, есть во что вцепиться. Вам что-нибудь говорит имя Кообо?

– Кообо... – задумчиво протянул Флойд, прищурившись. – Мелкий уличный гангстер.

Блейз кивнула. – Мы с Мерфи несколько месяцев следили за его передвижениями. Он сеет семена «Сынов Тьмы» по всему городу, создает нездоровую атмосферу. Судя по записям с камер, он почти как робот, но умеет замечать следы, оставляя после себя лишь трупы.

– Возможно, я смогу кое-что разузнать, – сказал Флойд, бросив на неё взгляд. – У меня есть связи на улицах. В свете разговоров о «Сынах Тьмы» пара вопросов о них не покажется подозрительной. Может, удастся выудить хоть что-то.

Зан провёл рукой над сенсором, встроенным в стол. Зашифрованный сигнал для входа в систему был отправлен по беспроводной сети, и голографические излучатели ожили, озаря пространство трёхмерным изображением Земли, пронизанной зелёными линиями. Планета вращалась вокруг своей оси. Всплывающее текстовое поле поприветствовало его в ZanTech Systems звуковым сигналом и тут же исчезло, когда он взмахом руки, словно дирижёр, заставил голографический глобус стремительно вращаться и приближать изображение, повинаясь его командам. Он ввёл данные из поисковых параметров, заложенных в нейронную сеть, и в различных точках земного шара вспыхнули алые точки.

– Это последние данные о местонахождении преступных групп, действующих под личиной «Сынов Тьмы», – пояснил он. – Обновлённые глобальной разведкой менее пяти часов назад.

Блейз устремила взгляд на мерцающее изображение, искажённое перепадами напряжения. Красные точки покрывали все крупные континенты. – Мозамбик, – отметила она, когда изображение приблизилось. – Мерфи явно напал на след.

– Мы с Эстель можем наведаться туда, – немедленно предложил Адам. – До меня в последнее время доходят нехорошие слухи о Мозамбике от нужных людей. Возможно, это не простое совпадение. Если сочтёшь это необходимым, Блейз, я свяжусь с командованием. Специальная разведка и наблюдение на враждебных территориях – наш профиль.

Блейз кивнула. – Благодарю, Адам. У нас есть основания полагать, что там может

скрывать сам Уракабарамизель, глава культа.

– Я так и знал, – Адам кивнул, словно подтверждая собственные мысли.

– Кто? – Черри нахмурила брови.

– Уракабарамизель, – пробормотал Зан. Его руки вновь сотворили пасс, и на голографическом дисплее возникло тусклое изображение закутанной в балахон азиатской фигуры. Угольная иллюстрация, будто сошедшая со страниц древних манускриптов 9 века. Замысловатые японские иероглифы обрамляли проецируемый образ, висящий в воздухе призрачным отблеском прошлого, напоминающим о его рождении на истлевшем пергаменте. – Брат Самьязы. Два великих короля империи Дзёмон. Легенды шиноби гласят, что именно они даровали первобытным людям магию ниндзюцу, прибыв в Японию тысячи лет назад, чтобы воздвигнуть священный храм искусства, а затем таинственно исчезли. Или что-то в этом роде, в зависимости от того, какую версию этой сказки вы предпочтёте.

– О, короли шиноби, – протянула Черри, бросив взгляд на Флойда.

Тот лишь пожал плечами. – К сожалению, я не силён в истории. И не помню, чтобы смотрел этот эпизод 'Древних пришельцев'.

Блейз, с едва заметной ухмылкой, пристально посмотрела на него. – «Сыны Тьмы» внушают своим последователям, что Уракабарамизель принесёт человечеству новую эру просветления. Не более чем миф, доктрина, извращенная ими до неузнаваемости, дабы служить их гнусным целям, повторяя те же идеи, что мы не раз видели у Синдиката. Эта идея «революции», ниспровергающей цивилизованное общество. У этих культистов есть символ, которому они слепо следуют. Вероятно, вы видели его в граффити, разбросанных по всему городу.

Черри кивнула. – Конечно, видела. Но... погодите, вы хотите сказать, что этот... Орокобазамель – реальный человек? И он лидер этих «Сынов Тьмы»?

– Уракабарамизель, – поправила Блейз. – Марионетка, не более того. И я считаю, нам необходимо во всём этом разобраться. Нам нужно больше информации, прежде чем делать какие-либо поспешные выводы.

На лице Эстель расцвела её фирменная улыбка безумного гения. – Мы с Адамом займёмся Мозамбиком, Блейз. Остальным стоит сосредоточиться на Кообо.

Ирландский район

– Возможно, Синдиката больше нет, – провозгласил Кообо, – но мы собрались здесь, озарённые духом одного из краеугольных камней его наследия. Непреклонное видение Джорджа Ксетеуса о революции, о новом мире, где каждый сможет вкушать свободы, и, конечно же, его самоотверженный подвиг в качестве лорда Сохариса... они вымостили путь к реальности, куда более лучезарной, чем та, что окружала нас в момент его ухода восемнадцать лет назад.

Над трибуной, словно безмолвный свидетель, нависал огромный портрет Ксетеуса – сенатора Калифорнии в его лучшие годы. Накрахмаленный костюм цвета весенней листвы, галстук, вспыхивающий рубиновым пламенем, и неизменная сигара в зубах – закалённый ветеран Вьетнама, перешагнувший шестидесятилетний рубеж.

А рядом, в дорогой раме, блистал портрет лорда Сохариса, разительно контрастирующий с земным обликом Ксетеуса. Юный герой, облачённый в золотые доспехи, казался сошедшим со страниц древнеегипетских мифов. Под портретом, на бронзовой табличке с гравировкой "Лик дракона", зияла мерзкая отметина – символ Сынов Тьмы, нанесённый баллончиком с красной и зелёной краской.

В залитом лунным светом дворе особняка теснились представители модной панк-элиты Вуд-Оук-Сити, внимательно внимая речи робота и обмениваясь колкими репликами.

Яркие прожекторы выхватывали из тьмы величественный особняк во всем его современном великолепии, не выдавая ни единым намёком, что эта роскошная оболочка скрывает под собой прибыльную сеть туннелей, принадлежащую Кообо. Драгоценности искрились на дамах в дизайнерских платьях, непринужденно беседующих с членами самых отъявленных банд. Хрустальные бокалы наполнялись звоном шампанского. Официанты сновали в толпе, предлагая прохладительные напитки. Вечер был восхитительным, а погода – просто идеальной.

– Этот город пережил исторический перелом после трагических событий, связанных с проектом Y, – продолжал Кообо, восседая на трибуне. Моторизованные детали и сервоприводы издавали шипение и жужжание, когда он переставлял своё массивное, девятифутовое тело. – С уходом Сохариса Сыны Тьмы поведут нас в Новую эру! Его смерть ознаменовала их время!

Его слова утонули в громе аплодисментов. Каждый присутствующий, так или иначе, был связан с деятельностью Кообо и ощутил её плоды. Они следовали за ним, жадно внимая его рассказам о древних воинах-шиноби и мистическом Уракабарамизэле, ожидая щедрой прибыли от этого псевдорелигиозного фарса, которым он так гордился, выступая на этих регулярных собраниях. Всех поражало, как Кообо удалось за столь короткое время обрести такое влияние. Людям нужна была вера, и он с готовностью им её предоставлял.

– Я хочу поблагодарить вас всех за то, что вы пришли, – произнёс он, скромно принимая овации. – Мне сообщили, что Уракабарамизэль не смог присутствовать здесь лично сегодня вечером, но душой он с нами, позвольте мне заверить вас в этом.

"А может, его вовсе не существует, и мы все тут – просто марионетки, дергаемые за ниточки его хитроумного замысла?", пронеслось в голове Макса Стоуна, словно осколок льда. Семнадцатилетний юноша, затерянный в тени открытой гостиной, примостился на противоположной от помоста стороне сада, меж двух шеренг безупречно подстриженных голубых акаций. Карие глаза, спрятанные под непокорными прядями, выдавали смятение и клубок сомнений, терзающих его душу. Кообо владел здесь всем, что охватывал взгляд, и это не было случайностью. Годы, проведенные в тени материнских откровений, научили Макса двум непреложным истинам: не доверять слепо ничему, каким бы ослепительным оно ни казалось, и не бояться подвергать сомнению даже самые сокровенные чувства.

Ледяной комок подкатил к горлу при мысли об отце, Акселе Стоуне. Человеке, растворившемся вдали времён, не обронившем ни слова о причинах своего исчезновения. Макс прошёл долгий путь от наивного восьмилетнего мальчугана, ищущего утешения в материнских объятиях и гадающего о возвращении отца, до чего-то совершенно иного за те долгие годы, пока от Акселя не пришло известие. И вот, спустя целую вечность, он стоит здесь, озарённый фальшивой улыбкой, желая заглядеть вину, будто можно заклеить пластырем зияющую рану... не осознавая, сколько пота и слёз пролито, сколько бессонных ночей прожито, чтобы перековать мировоззрение, переосмыслить собственную жизнь и, как следствие, роль Акселя в ней – навсегда утраченную.

В памяти всплыли слова Адама, брошенные им за ужином накануне: "Он искренне любит тебя, Макс. Я знаю это наверняка. Он пытается поступить правильно."

– Макс...

Тёплый, проникновенный голос вырвал его из плена воспоминаний. Макс поднял взгляд и увидел, как к нему пробирается Галсия. Румянец, расплывшийся по щекам мужчины, выдавал несколько бокалов шампанского, а то и три... Крепко сбитый, излучающий решимость, с копной рыжих, явно самостоятельно покрашенных и залитых воском волос.

– Галсия.

Пожилой мужчина обвёл взглядом раскинувшуюся панораму. Безупречные лужайки, утопающие в зелени сады, украшенные изящными каменными фонтанами и скульптурами, служили идеальным фоном для этого светского раута. – Итак, ты намерен

представиться Кообо?

Наряд Макса, несмотря на отчаянные попытки выглядеть достойно, уже успел изрядно помяться. Он бросил взгляд на свою повседневную одежду и поморщился. Было время, когда мать тщательно следила за тем, чтобы он выглядел презентабельно на подобных мероприятиях. Но времена... и всё остальное – изменилось.

Он покачал головой, словно отгоняя назойливую муху. – И что? Выложить ему, что мои родители – те самые, кто хладнокровно оборвал жизнь лорда Сохариса? Сомневаюсь, что это подходящий момент, да и место.

Галсия едва сдержал кривую усмешку. Налитый кровью глаз, словно безумный уголёк, выпирал из орбиты, прожигая Макса насквозь. – Парень, если ты горишь желанием примкнуть к Сынам Тьмы, то вот он, твой шанс. Непусти его.

На возвышении Кообо разливался соловьём, вещая об Уракабарамизеле и о грядущем "Новом веке". Он обводил аудиторию цепким взглядом, собирая её внимание, словно опытный шоумен, плетущий захватывающую сагу о войне по имени Арик Мусаси.

Толпа разразилась восторженными аплодисментами, все, кроме Макса Стоуна. Он поднялся, безмолвно развернулся и направился прочь, к усыпанной гравием подъездной дорожке перед особняком. Там, словно хищники в засаде, выстроились длинной вереницей автомобили и мотоциклы Harley Davidson, ожидая своих влиятельных и/или богатых пассажиров. Он жаждал одного – как можно скорее вырваться из этого липкого болота.

Галсия, краем глаза провожая его, гадала, что скрывается за этим внезапным уходом. Что за мысли роятся в его голове?

5

Полицейский участок Вуд-Оук-Сити
Криминалистическая лаборатория
19 декабря

После изнурительных поисков помощи в ZanTech, Блейз Филдинг нашла странное утешение в возвращении в свою собственную лабораторию. Даже такое мрачное задание, как вскрытие новых жертв ограбления банка, зверски расстрелянных Сынами Тьмы два дня назад, казалось почти целительным.

Её умиротворяло уединение, знакомая тишина, нарушаемая лишь гудением оборудования. Лаборатория была её крепостью, где каждый инструмент лежал на своем месте, где она знала, к кому обратиться за помощью, за технической консультацией, к чьему опыту можно было безоговорочно довериться, если потребуется подтвердить найденные улики. Криминалистическая лаборатория полиции Вуд-Оука гордилась своей репутацией современного, профессионального учреждения, и это стало одной из причин, почему Блейз предпочла служить закону именно здесь. В своих многочисленных расследованиях Блейз и Мерфи полагались на криминалистическую экспертизу чаще, чем кто-либо до них, подчас доводя комиссара до белого каления своей маниакальной потребностью выжать максимум из каждой улики, какой бы незначительной она ни казалась.

Лабораторный комплекс представлял собой лабиринт взаимосвязанных помещений, спроектированных для тесного сотрудничества узких специалистов: химиков-токсикологов, экспертов по ДНК, баллистиков, специалистов по волокнам и взрывчатым веществам, экспертов по специальной фотографии и видео, детекторов лжи, специалистов по скрытым отпечаткам и анализу материалов. За годы службы в органах Блейз изучила этот сложный механизм до мельчайших винтиков.

Работа детектива всегда казалась ей призванием, хоть и не давалась легко.

Всё началось в 2015 году, когда она впервые переступила порог полиции Лос-

Анджелеса, став напарницей Акселя после побега из психиатрической лечебницы Эджмонта. Её обучение в академии было скомканным, а характер – юношески горячим и неукротимым. Многие в полиции Лос-Анджелеса считали её назначение нелепой шуткой, помня о ее бурной юности и проблемах с психикой. Она выслушивала десятки сексистских и невежественных комментариев, пока они с Акселем не разоблачили Синдикат. Именно их расследование выявило глубоко укоренившуюся коррупцию в полиции и городском правительстве, после чего они вдвоем (вместе с Адамом Хантером) покинули органы, чтобы бороться с системой самостоятельно. В течение нескольких лет они тесно сотрудничали с Мерфи в ФБР, пока не создали Международное детективное агентство Firestorm, официально признанное Новым мировым сообществом. После окончания войн Синдиката Firestorm был распущен, и Блейз вернулась к детективной работе в одном из участков Нью-Йорка, попутно получив должность государственного прокурора. В уголовных судах не знали, что с ней делать: предрассудки и недоверие к её репутации (некоторые протестные группы считали её "генетические способности" бесчеловечными) вынуждали её переходить из одной юрисдикции в другую. Взвесив все последствия, она согласилась на предложение Мерфи и в 2036 году перевелась в Вуд-Оук-Сити.

Блейз завершила вскрытие двух тел: Мартина Гонсалеса и Рида Макка, – тщательно упакованных и отправленных в лабораторию, с соблюдением всех предписанных процедур, благодаря услужливым сотрудникам офиса коронера Болса-Сэндс. Она пришла к выводу, что обе жертвы пали от рук одного убийцы и одного орудия. Четыре выстрела в лицо, один в шею, связанные верёвкой руки – почерк казни, до боли знакомый по жертвам Кообо.

Сжимая в руках пакеты с уликами, Блейз вошла в святая святых лейтенанта Барни, приёмную биологического отдела, где образцы проходили первичный осмотр перед отправкой на более углублённые анализы. Едва переступив порог, она ощутила удар зловония. Крупный, грузный директор лаборатории явно был не в духе.

– Филдинг, – рыкнул Барни, его голос рассёк воздух, будто Блейз лично была виновницей мерзкого запаха. – Неужели я требую слишком многого? У нас что, нет чётких, регулярно обновляемых инструкций по сдаче образцов? Неужели проще сделать как попало, чем по правилам?

Блейз крепче сжала пакеты с уликами, словно извиняясь, и вопросительно вскинула брови. – Простите?

Барни потряс старой памяткой, зажав край пальцами с такой силой, что казалось, бумага вот-вот треснет. Он взмахнул ею, словно пытаясь разогнать зловоние. – Не обращайтесь внимания. Один из детективов с верхних этажей, этот бестолковый Джейк Самнер, прислал мне печень на токсикологию, но упаковал её на отвяжись, не приклеил этикетку, и она пролежала здесь два дня. Теперь недели уйдут, чтобы вывести этот смрад.

Блейз сглотнула, надеясь смягчить гневную тираду. – Я хочу лично сдать образцы, соблюдая все процедуры, и заполнить бланки, – сказала она как можно вежливее.

Барни окинул её долгим, изучающим взглядом из-под прищуренных миндалевидных глаз. Наконец, разразился громopodobным смехом. – Прошу прощения, детектив Филдинг. Конечно. Это то самое двойное убийство у банка? Меня предупредили, чтобы я уделил вам особое внимание.

Блейз кивнула и протянула ему пакеты с образцами и аккуратно заполненные бланки.

Барни пробежал глазами документы. – Интересно. Очень хорошо, Филдинг. Я займусь этим и дам вам знать, что получится.

– Делайте, что можете, – ответила она и повернулась, чтобы уйти.

Он кивнул. Его покрасневшие, налитые кровью глаза говорили о бессонных ночах. – О, Филдинг. Один из парней обмолвился, что на ресепшене для вас сообщение. От

вашего бывшего. Он искал встречи. Пару раз мы с ним пересекались. Он... производит впечатление неплохого человека. Говорит о вас хорошо, хоть и сдержанно.

Она замерла, словно пораженная молнией, и сжала руки так, что побелели костяшки. Аксель Стоун пытался её найти? Где, чёрт возьми, он пропал? Собравшись с духом, она встретилась с ним взглядом, стараясь сохранить непроницаемое выражение лица. – Я думала, я его окончательно отвадила.

Барни пожал плечами. – Видимо, нет. Ну, просто подумал, вам будет интересно. – Он открыл картотечный шкаф и углубился в поиски нужной папки, бормоча номера дел себе под нос. – Хороший выдался денёк, правда, Филдинг?

Она развернулась и направилась к лифтам. У стойки администратора Блейз обратилась к секретарше, жующей резинку – эффектной азиатке по имени Диана, чьи чёрные волосы были уложены в замысловатые локоны. – Мой бывший муж здесь был? – спросила она, не до конца понимая, что сейчас чувствует. – Почему он просто не позвонил? Я пыталась дозвониться ему несколько дней...

– Да, мэм, – откликнулась Диана, покачивая длинными золотыми серьгами в виде христианских крестов. На смуглой коже лица был толстый слой макияжа, а ресницы казались непомерно длинными. – Он просил передать, что сегодня вечером ужинает с вами и Дженнифер, и что он потерял телефон. – Её глаза были широко раскрыты, но взгляд оставался непроницаемым, словно высеченным из камня, когда она передавала сообщение.

Блейз пришлось отвести взгляд – её захлестнула волна эмоций при мысли о наглой самоуверенности Акселя, его неизменном эгоцентризме. Она воспользовалась моментом, чтобы взять себя в руки. Глубокий вдох, затем кивок. Ответ должен быть выверен до мелочей. Лишние эмоции – и Диана может что-то заподозрить.

– Хорошо. Спасибо, Диана. Полагаю, сегодня вечером у меня ужин с Акселем.

– Что же все-таки заставило вас расстаться? – понизив голос, спросила Диана. – Если вам не трудно, конечно. Сколько это было, лет десять назад?

– Девять, – уточнила Блейз. Она заметила легкую, фальшивую улыбку Дианы. Скорее всего, просто ловила сплетни. Глаза никогда не лгут. За эти годы у людей сложилось собственное мнение о том, что произошло между Акселем и Блейз, но у каждой истории две стороны, и этой истории, похоже, суждено было получить продолжение. – Иногда люди просто оказываются на разных страницах, – ответила она, ставя точку в разговоре.

Диана проводила её взглядом, выдув мыльный пузырь, который с громким хлопком лопнул в воздухе.

Блейз решила, что сегодня ей стоит уйти с работы пораньше.

18:48

Аксель Стоун прошёл около сотни ярдов по Сьерра-Саммит-авеню, пока не остановился перед домом Блейз: номер 14532. Серебристый почтовый ящик поблескивал в лучах заходящего солнца, а на подъездной дорожке примостился "Додж Чарджер" 2035 года, словно футуристический зверь, готовый к прыжку. Оконные ящики, туго набитые миниатюрными хвойными деревьями и декоративной капустой причудливых мятно-зелёных и розовато-лиловых оттенков, создавали иллюзию живого, дышащего полотна. Ворота распахнулись плавно, словно подчиняясь невидимому приказу, ни единого скрипа не нарушило тишину.

Он прошёл по дорожке, выложенной чёрно-белыми плитками, к входной двери. Дерево, выкрашенное в насыщенный, глубокий красный цвет, манило и одновременно настораживало. Два витражных панно с геометрическим рисунком, словно осколки застывшей радуги, вносили ноту артистизма в строгий фасад.

Между ними, словно глаз, следящий за миром, располагался латунный глазок. Три замка – врезные сверху и снизу, и мощный накладной Vanham посередине – говорили о гордости за свой дом и маниакальной заботе о безопасности.

Аксель нажал кнопку дверного звонка, и короткий трезвон, раздавшийся в глубине дома, отозвался эхом в его собственной груди, заставляя сердце учащенно биться. Всю дорогу из мотеля у Карлодон-парка он сохранял ледяное спокойствие, но теперь, когда цель была так близка, пульс взбесился. "Пусть так," подумал он. "На этот раз не нужно сдерживаться."

Сквозь мутное стекло глазка он увидел, как из темноты коридора к двери приближается тень. Она подошла достаточно близко, чтобы рассмотреть лицо. Аксель глубоко вздохнул, медленно выпустил воздух и вытер вспотевшую правую ладонь о брюки. Он услышал щелчок снимаемой цепочки и звук отодвигаемого засова. Дверь отворилась.

Женщина, стоявшая перед ним, улыбалась, но в её глазах таилась глубокая печаль. Тёмно-карие радужки утопали в тенях, лежавших под ними на бледных, тронутых румянцем щеках. На ней были выцветшие синие джинсы и красный свитер, накиннутый поверх майки. Длинные каштановые волосы аккуратно лежали на левой стороне головы.

– Аксель, – произнесла Блейз Филдинг.

– Привет, Блейз, – ответил он, чувствуя, как щёки невольно заливаются краской. – Счастливого Рождества.

– Аксель, – тихо повторила она. – Я думала, мы больше никогда тебя не увидим. Входи. – Она шагнула к нему и крепко обняла. – Я так рада, что с тобой все в порядке. Я пыталась дозвониться до тебя несколько дней. Я давно хотела попросить о помощи. – Она отстранилась, пристально вглядываясь ему в глаза и оглядывая с головы до ног. – Где, чёрт возьми, ты был?

Аксель провел пальцами по волосам. – Прости. Это долгая история.

– И я хочу её услышать. Ты выглядишь ужасно. Могу я предложить тебе что-нибудь выпить? Чай? Кофе?

– Кофе, пожалуйста.

– Пойдём, поговорим на кухне. Там Дженнифер, у неё в понедельник домашнее задание.

Аксель последовал за Блейз, пересёк порог и оказался в узком коридоре. Одна из стен превратилась в пеструю мозаику из фотографий. Взгляд его задержался на свадебном снимке: 2021 год, Лос-Анджелес, они с Блейз выходят из церкви, ослеплённые солнцем и счастьем, а рядом – доктор Зан, Джо Мусаси и Тина Стоун. Блейз, запрокинув голову, улыбалась, из-под кружевной фаты виднелся букет белоснежных роз. Аксель, чуть смущённый, но невероятно красивый в своем прокатном костюме, с алой розой, приколотой к лацкану пиджака, улыбался кому-то за кадром.

На другом фото Блейз нежно прижимала к себе их крошечного сына, Макса. А вот и он, Аксель, щёлкнул их с Адамом Хантером в пустыне Мохаве. Запылённые, измученные палящим солнцем, они стояли, обнявшись, и в их усталых глазах плескалась тихая радость товарищества.

Аксель шагнул на кухню. За простым сосновым столом, склонившись над серебристым ноутбуком, сидела десятилетняя девочка. Она подняла глаза, когда вошли её мать и Аксель.

– Папа! – пронзительно вскрикнула Дженнифер Стоун. Оттолкнув стул, она бросилась к Акселю, обвила его руками и крепко прижалась, так, что перехватило дыхание.

– Она невыносима с тех пор, как ты пропал, – тихо сказала Блейз. – Вчера еле уложила её до полуночи. – В её голосе звучало терпеливое снисхождение, а улыбка обещала Акселью, что всё будет хорошо.

– Как дела, Дженнифер? – спросил он, когда девочка наконец выпустила его из объятий.

– Ну, пап, как ты знаешь, я в пятом классе. Я в школьном совете и капитан футбольной команды. Хочу стать юристом, как мама, когда вырасту. А так, знаешь, обычные детские дела.

– Рад слышать.

Дженнифер прищурилась и, наклонившись вперёд, впиалась в него пронизательным взглядом. – Мама сказала, у тебя новости. Это из-за того, почему ты исчез? Мама пыталась дозвониться по твоему спутниковому телефону, который, как ты говорил, всегда с тобой.

Аксель кивнул, подбирая слова. Блейз, конечно, не стала ничего скрывать от дочери. Он посмотрел в окно, потом снова на Дженнифер.

– Да. Да, это так, милая. Можно присесть?

Дженнифер поспешно вернулась к столу и пододвинула ему стул.

Пока Блейз колдовала над двумя чашками растворимого кофе и наливала яблочный сок для дочери, Аксель задавал Дженнифер ничего не значащие вопросы: какие предметы ей нравятся, как дела в команде, кто её учителя. Он выбирал темы, которые не вызовут у девочки ни неловкости, ни тревоги. Когда напитки были готовы и расставлены на столе, Аксель небрежно заметил Блейз:

– Смотрю, наша свадебная фотография всё ещё висит...

Блейз смотрела на него с недоверчивой грустью, из бездны, куда ему больше не было доступа. Затем взгляд её закаменел, словно годы ментальной дисциплины разом вернулись, и она отпила кофе. Она бросила взгляд на фотографию, потом снова на него. – Я благодарна тебе за то, что было, – произнесла она.

Она говорила с обезоруживающей простотой, без тени защитной брани. – Наш брак был – и остаётся – частью того, что сформировало меня, и я не вижу в этом ничего постыдного, несмотря на то, как всё закончилось и как изменились наши отношения.

Дженнифер опустила глаза, притворяясь, что не слушает.

– Ты никогда не умела отпускать прошлое, – прозвучало в его голосе с укоризной. Он избегал её взгляда, преследуемый призраками невысказанного.

– Всё меняется, – тихо согласилась Блейз, чувствуя отголоски его боли.

– Но я всё ещё испытываю благодарность, бережно храня светлые воспоминания, которые нас связывали. Дженнифер это полезно. Это лучше для её эмоционального развития, да и для моего, если уж на то пошло.

Он смотрел на неё, как на утраченное сокровище, давно похороненное в песках времени. Возможно, так оно и было.

Затем на её лице промелькнула тень, настороженность омрачила взгляд. Она задала вопрос, ответ на который искала мучительно долго. – Где ты был, Аксель?

Он снова бросил взгляд на Дженнифер, которая, с непроницаемым лицом, уставилась в ноутбук, делая вид, что корпит над непостижимой домашней работой. Задержав

дыхание, он перевёл взгляд на окно, где клочок лужайки обрамляли подстриженные кусты роз. Глубокий вдох, выдох. – Я отправился на поиски Кообо.

Губы Блейз сжались в тонкую линию, во взгляде промелькнула глубокая рана. – Один?.. Ты шутишь? Почему ты ничего не сказала? Что произошло?

Он не стал избегать её пронзительного взгляда, не уклонился от вопроса. – Всё закончилось... не очень хорошо, – промолвил он, поглаживая светлую бороду.

Блейз резко встала и шагнула из-за стола к Акселю.

– Подожди. Дженнифер, милая, может, ты закончишь с этим в своей комнате?

Девушка картинно закатила глаза. – Мам, ну что ты. Я уже не маленькая. Ты же знаешь, я могу всё слышать.

Лёгкая улыбка тронула губы Акселя при виде этой перепалки.

– Да, я знаю, что ты уже большая, и знаю, что тебе всё можно. Но просто сделай мне одолжение на этот раз, ладно?

Дженнифер выглядела разочарованной. – Ладно! Скажи мне, когда будет ужин. Это приказ. – Она собрала свой ноутбук, блокнот и ручки и, тяжело ступая, вышла из комнаты.

– Итак, что же там произошло? – спросила Блейз, как только звук захлопнувшейся двери Дженнифер подтвердил её отсутствие.

– Я шёл по следу банды сигнальщиков в Ирландском районе, – ответил он. – Но кто-то меня узнал. Вся та наносная ложь, что я им скармливал, всплыла наружу. Они поняли, что я лишь марионетка, дёргающая за ниточки в попытке выведать информацию о Сынах Тьмы. И разразился... ад.

Она лишь приподняла брови, удивляясь, почему её ни капли не трогает услышанное. Сложив руки на груди, она молча слушала его сбивчивый рассказ.

– Их было слишком много, – выдохнул он. – Один удар – и я уже барахтался в омуте беспомощности. Очнулся в клетке Кообо, того самого террориста, за которым вы охотитесь. Они несколько дней терзали меня, пытались сломать. Знали всё об Огненном Шторме, о моей роли в нём. Едва окрепнув, я вырвался из их лап с помощью одного старого приятеля. – Он скривился, потирая правый кулак. – Не думаю, что за это время я приобрёл новых друзей.

– Ты ранен? – спросила она, заметив в тусклом свете лампы багровый синяк на его щеке. – Пустяки, – отмахнулся он. – Поверхностные раны, ушибы. Выживу. Но я должен был предупредить вас как можно скорее. Всё, что ты знаешь о Кообо, – правда. Каждая мерзость, каждый кошмар.

Она поморщилась, словно от удара, осознавая всю глубину его слов. Защищала переносицу, крепко зажмурившись, пытаясь унять нарастающую головную боль.

Наконец, выдохнула. – Хорошо. Главное, что ты здесь, в безопасности. Позволь мне ввести тебя в курс дела.

6

Четвёртая База Синдиката
20 декабря

От скромного портала, едва заметного на фоне вулканического хребта, в ясные дни открывался вид на вершину Катлы, закутанную в объятия ледника Мирдальсйёкюдль. Бирюзовое небо, не замутнённое ни облаками, ни пеплом извержений, было зрелищем

редким даже в летние месяцы. Чаще всего здесь властвовали тяжёлые, серые тучи, похожие на пропитанную маслом вату, лишь изредка пропуская скупой солнечный свет. В окрестностях действующего вулкана царила адская жара, воздух был насыщен ядовитыми газами и летучим пеплом, отчего дышать было невыносимо. Исландское лето, вероятно, оставалось лишь сказкой для детей, живущих в низинных городах, и тем более в этом суровом и неприветливом месте в декабре. База представляла собой разветвлённый подземный комплекс, лабиринт туннелей и проходов, проложенных в пещероподобных магматических камерах под вулканом. Лишь два кирпичных здания, приютившиеся у взлётно-посадочной полосы, осмеливались возвышаться над скалистой поверхностью, становясь свидетелями редких моментов просветления в угрюмом небе.

Эти строения, словно осколки иного мира, казались реликвиями давно ушедшей эпохи. Вопреки кислотным дождям, безжалостно терзавшим вулканический ландшафт, они стояли нетронутыми. Кирпич и известковый раствор, защищённые тончайшим слоем полимеризованного промышленного алмаза, выдержали испытание временем и ядовитой атмосферой.

Человек, обосновавшийся здесь, любил мечтать о том, что через тысячу лет эти здания всё ещё будут стоять, в то время как остатки человеческой цивилизации превратятся в прах. В моменты тщеславных фантазий он представлял это место своим монументом. Бывший глава Нового Синдиката, он не считал это самонадеянностью, а лишь справедливым воздаянием, как и многие решения, принятые им за бурную, полную событий и противоречий жизнь.

Сорокалетний мужчина со змеиным взглядом и длинными, распущенными тёмными волосами носил на себе печать многочисленных битв, потерь и предательств. В его облике сквозило нечто, что близкие называли чувством превосходства. Он расхаживал по базе, словно по своим владениям, и, поскольку Синдиката, построившего её, давно не существовало, возможно, так оно и было.

Планы зрели, и время не ждало.

Онихиме, чей деловой костюм идеально подчёркивал фигуру, а безупречная укладка волос казалась неприступной крепостью, стремительно приближалась, её чёрные туфли цвета жука отбивали чёткий ритм по мозаичному полу приемного покоя. Он молча наблюдал за ней.

– Леон, – начала она, – все каналы связи установлены. Галерея ждёт вас.

Он удостоил её кивком – не более. Меньшего он и не ожидал.

Женщина едва заметно нахмурилась. – Кроме того... Вольфганг Дам подтвердил, что прибудет точно по расписанию на ваш...

– Я знаю, зачем он приезжает. – Вспышка раздражения была мимолётной, но даже намёк на подобную эмоцию казался настолько чуждым, настолько отталкивающим в его исполнении, что заставил женщину умолкнуть.

Он никогда не встречался с доктором Вольфгангом Дамом лично, но много лет пристально следил за его карьерой. Из тесной китайской тюремной камеры он узнал о стремительном взлёте Дама по научной лестнице, о том, как тот стал одним из самых выдающихся кибернетиков в мире, несмотря на тень, которую отбрасывала судьба его отца, покойного доктора Генриха Дама, навсегда запятнавшего себя в научных кругах после публичного разоблачения его роли ключевой фигуры в операции "Теневая Рука". Матерью Вольфганга была полковник Христенко, инсайдер Синдиката, работавшая в российских вооружённых силах, и трагически погибшая во время инцидента с Проектом Игрек.

Несмотря на трагическое наследие и нелёгкую юность, Вольфганг Дам заслужил репутацию человека пронзительного, даже хищного; он зорко следил за своими коллегами, выискивая признаки слабости, чтобы обратить их в свою пользу. Сегодняшний день, вне всякого сомнения, не станет исключением, ведь это его первая официальная встреча с Леоном Шивой.

Когда они подошли к дверям галереи, отделанным тёмными панелями, Шива впервые по-настоящему взглянул на восточную женщину с непроницаемым лицом и одарил её улыбкой, словно прощая её вынужденное вмешательство. – Спасибо, моя дорогая, – произнёс он, и в его голосе прорезались мягкие, выглаженные десятилетиями гласные, с лёгким привкусом родного японского акцента. – Ты свободна.

Она едва заметно кивнула, когда двери бесшумно закрылись за ней, и он услышал тихий металлический щелчок скрытого механизма в раме, словно ловушка захлопнулась.

Галерея утопала в полумраке, стены из дымчатого темного дерева сияли под приглушенным светом электрических ламп. Акварели, картины маслом, портреты, натюрморты, пейзажи – всё было развешено ровными рядами. Вдоль стен стояли глубокие кресла, обитые роскошной красной кожей, и он заметил, что его уже ждёт серебряный поднос с чашками и кофейником его любимого сорта, привезенного с острова Святой Елены. Он опустил в кресло и налил себе щедрую порцию, вдыхая густой аромат, в то время как лампы над семью картинами начали мерцать в унисон.

Перед каждой из работ возникли мерцающие цветные панели, хаотично меняющие узоры, переходящие от сложных интерференционных волн к неясным, почти человеческим лицам.

Призрачные бюсты – пять мужчин и две женщины – обрели обманчивую плотность, выплывая из потаённых голографических излучателей, замаскированных под медные светильники. Он салютовал им чашкой, и они кивнули в ответ, хотя он прекрасно знал, что никто из них не видит его настоящего лица, его истинной сути. Сенсор, сканирующий его черты, прибегал к сложному программному обеспечению, чтобы создать виртуальный аватар, предназначенный для их глаз – усовершенствованный алгоритм подбора шаблонов, скрывающий недостатки телосложения и сглаживающий акцент. Он являл им лишь те грани себя, которые им было необходимо видеть.

В углах каждого изображения мерцали теги с данными, указывая на их местоположение: Гонконг, Париж, Дубай, Вашингтон, Сингапур, Гонконг, Нью-Йорк.

Среди голографических призраков он видел протеже, политика, мыслителя и дельца, тех, кому он не доверял ни на йоту, и тех, кому доверял лгать. Он сделал ещё один глоток терпкого напитка "Святая Елена", поджал губы и отставил чашку. – Дамы и господа, приветствую вас. Предлагаю не терять времени и приступить к делу, не так ли?

Как он и ожидал, первым подал голос его протеже. – Текущий проект развивается в строгом соответствии с планом. Рад сообщить, что проблема с материалами вычислительной матрицы успешно решена.

– Прекрасно, – пробормотал он. – Что насчет развёртывания наших агентов-провокаторов в активную фазу?

– Оперативники размещены во всех ключевых точках, – прошипел политик, чьи слова искажались помехами "сибилэнса" на линии связи из американской столицы. – Мы значительно опережаем график. Каналы распространения информации полностью готовы к использованию.

Он перевёл взгляд на дельца. – СМИ?

Мужчина из Гонконга кивнул. – Контроль остаётся абсолютным. Подсознательные триггеры уже внедряются в многочисленные информационные потоки. Не буду утомлять вас подробностями.

Он удовлетворённо кивнул. Слегка повернувшись в кресле, он взглянул на трансляцию из Хэнши, Китай. – Как продвигается производство?

Лицо азиатки напряглось. – Тестирование оказалось... затруднительным. Я сделала всё, что в моих силах, но пока я не обновлю схемы для... – Прежде чем она успела договорить, сухой английский акцент учёного прозвучал из сингапурского канала связи. – Мы уже обсуждали это. Неужели нужно повторять? Это не точная наука. Именно поэтому нам пришлось привлечь к работе доктора Дама. Я предупредил с самого начала, что будут задержки. Работа представляет собой итеративный процесс. В любом случае, я планирую приобрести новые... ресурсы, которые ускорят прогресс.

Он поднял руку, призывая женщину замолчать, прежде чем она успела возразить. – Мы все понимаем сложившиеся обстоятельства. Но мы также осознаем исключительную важность проекта "Зулу". Уверен, никто из присутствующих не желает стать тем звеном, которое тормозит общие усилия.

Его глаза сузились, и он пристально посмотрел на учёного и женщину. – Решите возникшие проблемы и двигайтесь вперёд. Мы вложили слишком много времени и средств, чтобы терять позиции на столь позднем этапе.

– Разумеется, – сказала женщина. Учёный промолчал, лишь кивнул.

Шива ощутил необходимость высказаться, и поднялся. – Друзья мои. Возлюбленные мечтатели, – он снова улыбнулся, наслаждаясь звучанием этого слова. – Никто из нас не тешит себя иллюзиями относительно деликатности нашей работы. Бремя, которое мы несём, огромно, возможно, в этот исторический момент оно тяжелее, чем когда-либо приходилось нести любой из наших ячеек. Человечество уязвимо, и мы видим, как в обществе выстраиваются фронты. Сыны Тьмы, например. Знамя, под которым собираются те, кто ищет защиты. Культ, набирающий силу и популярность. И на то есть причина. Только мы видим то, что скрыто от других, и на нас, как всегда, лежит колоссальная ответственность. А значит, у нас должна быть единая цель, не так ли?

В ответ прозвучала череда согласных кивков. Они все понимали, что поставлено на карту. Группа стояла на пороге нового великого свершения, закладки очередного камня на пути, проложенном от дня основания первого Синдиката самим Джорджем Ксетеусом, до этого блистательного человека, живущего уже тысячу лет. Лёгкое, щекочущее волнение пробежало по кончикам пальцев; ведь многое из того, что они делали, чего достигли за двенадцать лет заточения Леона Шивы в Китае, происходило медленно, едва заметно, словно дуновение ветра, наполняющее паруса общества. Но он терпеливо управлял этим процессом, выжидая подходящий момент для триумфального возвращения. Он знал, что исподволь меняет траекторию развития человечества, что это бесконечно долгая игра, где ходы измеряются годами, десятилетиями, поколениями. Это величайший урок, полученный им от мистера Икс.

Он кивнул самому себе. Да, они – дыхание ветра в парусах. Но они же и руки, направляющие штурвал. Он бросил взгляд на безликую фигуру, застывшую в багряных лучах заката над башней Дубая. – И так... Сыны Тьмы, – начал он. – Полагаю, они хорошо послужили близнецам Игрек, но вряд ли нам стоит сейчас обсуждать планы на будущее. Детали я могу предоставить позже, согласны?

Стройная, подтянутая женщина с оливковой кожей, одетая в стиле панк-рок, с выбритыми висками и светлым ирокезом, кивнула. Гарнет.

– У меня всё под контролем, Леон, – сказала она, подчеркнув свой статус фамильярным обращением по имени. – Последние фигуры расставляются на доске, пока мы говорим. Кони готовы к прыжку, чтобы сокрушить слонов и ладей. – В её улыбке не было и намёка на тепло.

На мгновение воцарилось молчание, и он заметил, как они отводят взгляды. Он давно перестал размышлять о том, что ждёт его, если однажды человеческие или божественные силы призовут его к ответу за те средства, которыми он добился своего положения. За время своего пребывания на Земле он отдал приказ об уничтожении ядерным оружием Лондона... он был ответственен за гибель миллионов, разжигал вражду между нациями, начал Войны Синдикатов, разрушал и возвышал человеческие жизни, каждую из которых, по его мнению, использовал как средство

достижения высшей цели. Это был просто инструмент, способ достижения цели; так было всегда, и этот день не стал исключением. Леон Шива улыбнулся. Они творили историю в соответствии со своим замыслом, и мир станет лучше. Никто не сможет их остановить.

Вуд-Оук-Сити

Блейз припарковала свой автомобиль неподалеку от ZanTech Labs и оставшийся путь проделала пешком, пересекая обширную площадь, словно вступая на поле битвы.

По прибытии её взору предстала хаотичная толпа, змеей растянувшаяся вдоль периметра ограды. Запертые ворота, охраняемые лишь неприступной системой ключей-карт, преграждали путь на территорию комплекса. Эпицентром этого людского водоворота была двенадцатиметровая бронзовая статуя доктора Гилберта Зана, запечатлевшего себя более двух десятилетий назад, вскоре после того, как его брэнное тело впервые подверглось кибернетическому преобразению в стенах корпорации "RoboCy". Возвышаясь на шестифутовом бетонном пьедестале с лаконичной надписью "ГИЛБЕРТ", он застыл в героической позе, словно сошедший со страниц мифов. Его правая рука, простертая к небесам, с растопыренными кибернетическими пальцами, казалось, пыталась ухватить ускользающее восходящее солнце. Невозмутимые бронзовые глаза устремлены вперёд, в вечность, не замечая бушующей подножия страстей. Площадь разделилась на два враждующих лагеря, одинаково громких и яростных, размахивающих знаменами и плакатами на английском, испанском и вьетнамском языках.

Сторонники аугментации, трансгуманисты-активисты, люди, испытывавшие на себе новаторские разработки ZanTech в области наномолекулярных и кибернетических протезов, окружали скульптуру, словно она была иконой их веры, символом их стремления к абсолютной свободе над собственным телом. Их оппоненты, более многочисленные, требовали жёсткого регулирования кибернетических усовершенствований, размахивая плакатами с призывами: "Хватит играть в Бога!", "Защитим человечество!" и другими, уже ставшими клише, лозунгами. Символы гуманитарных движений встречались на каждом шагу.

Напряжение в воздухе было настолько плотным, что его можно было резать ножом, хотя демонстрация пока оставалась в рамках мирного протеста. Противостояния и столкновения из-за противоречивых научных разработок в области технологий расширения человеческих возможностей происходили всё чаще и чаще, благодаря новаторской работе Флойда Ирайи, протееже Зана. Блейз видела в новостях репортажи о протестах против применения технологии в военных целях в Вашингтоне, Токио и Шанхае, о том, как словесные перепалки в мгновение ока перерастали в ожесточенные драки. Такова была реальность их времени.

Она поплотнее запахнула свою чёрную кожаную куртку, словно возводя вокруг себя защитный барьер, не желая, чтобы её приняли за одну из них. Надвинув на глаза тёмные солнцезащитные очки, она принялась изучать ряды протестующих, внимательно наблюдая за языком их тела, пытаясь уловить малейшие признаки надвигающейся бури.

– Зан – дьявол! Зан – сатана! – вопил кто-то в мегафон, и слова эти, словно ледяные иглы, пронзили Блейз, заставив её двигаться вперёд, стараясь держать эмоции под контролем.

В то же время её терзали сомнения: насколько эффективны все эти усилия – все эти глобальные протесты, прокатившиеся по миру за последние месяцы – и каким будет будущее общества, в котором они живут?

Низко над площадью, выполняя заранее запрограммированный маршрут, проплыл по утреннему небу беспилотный дирижабль. Его брюхо было увешано камерами, а на двух тонких экранах транслировалась лента новостей из городской студии.

Блейз подняла глаза и увидела Лорну Лизу – воплощение элегантности. Репортёр и

ведущая, чуть за тридцать, Л.Лиза, как её знали в городе, была одной из самых ярких звёзд Вуд-Оука, и сотни тысяч людей доверяли ей роль рупора правды. Теперь, с высоты своих сорока шести лет, пережитых бурь и горьких откровений, эта вера казалась Блейз наивной детской сказкой. Козни синдиката Y были лишь вишенкой на торте разочарований, но, по крайней мере, это мрачное прошлое осталось позади.

Над площадью разнесся гладкий женский голос из громкоговорителя:

“Представитель полицейского управления Вуд-Оук-Сити сообщил "Центральным новостям", что взрыв на втором химическом заводе в промышленном районе города был трагической случайностью, ничем не связанной ни с аналогичным инцидентом шестимесячной давности, ни со зловещими слухами о культе "Сыны Тьмы", пустившем корни в Вуд-Оуке.” За спиной Л.Лизы разворачивалась картина хаоса – пожарные машины в отблесках пламени пожирающего здание. “Как помнят наши зрители, шесть месяцев назад взрыв уничтожил соседний химический завод, но виновные так и не были найдены. Это обстоятельство вызвало закономерные вопросы у городской прокуратуры, касающиеся, в том числе, и целесообразности привлечения к делу таких неоднозначных общественных деятелей, как прокурор Блейз Филдинг...”

Внезапный взрыв криков с обеих сторон заглушил голос Л.Лизы, растворив его в ревущей толпе.

Блейз проводила взглядом дрейфующий над головами дирижабль-беспилотник. В репортаже, продолжавшемся на фоне бушующего пожара, комиссар Бернстайн уверенно заявлял о полном контроле над ситуацией и обещал, что команда "Центральных новостей" будет "внимательно следить за развитием событий".

Нахмурившись, она засунула руки в карманы куртки. Правая ладонь нащупала прохладный прямоугольник карточки-ключа. Опустив голову, она пробиралась сквозь глумливую толпу протестующих, с весёлым ожесточением насмежавшихся друг над другом. Поймав момент, когда всеобщее внимание ослабло, она без колебаний вставила карту в считывающее устройство. Красный свет сменился зелёным, замок отщелкнулся, но тихий "клик-клак" утонул в оглушающей какофонии криков.

Она быстро скользнула в калитку и захлопнула её за собой.

7

Женский крик разорвал ночную тишину.

Аксель Стоун сорвался с места и помчался в конец улицы, залитой неоновым светом, в направлении отчаянного вопля. Мимо пронёсся искорёженный "Мазерати Гибли" 2039 года выпуска, словно взбешённый зверь, впечатавшийся в кирпичную кладку. Чёрный хищник, сорвавшись с близлежащего шоссе, встретил стену в лобовом столкновении. Подушки безопасности взметнулись белыми саванами, а передок машины превратился в груды металла, погребённую под обломками кирпича и штукатурки.

Аксель мчался, ведомый криком. Завернув за угол, отмеченный архаичными телефонными будками, он налетел на две тёмные фигуры, извивающиеся на тротуаре в схватке за сумку цвета запекшейся крови. Первым поднялся лысый, татуированный латиноамериканец лет двадцати с небольшим, с кожей, обожжённой солнцем, и темными очками, скрывающими взгляд (словно ночь могла что-то скрыть). Донован, как его звали, вырвал сумку из рук женщины.

На вид ей было около пятидесяти, одета в кремовое пальто и широкополую шляпу в тон – воплощение невинности, возможно, наивная туристка, забредшая не туда. Собираясь бежать, Донован всё же нашел время, чтобы развернуться и вложить апперкот в лицо Акселя, отправив его на тротуар.

Удар, внезапный и сильный, сбил Акселя с ног, но не нанёс серьёзного вреда.

Донован сорвался с места, как испуганный зверь, и бросился прочь, в сторону огромной строительной площадки, где, словно костяк гигантского зверя, возвышались многоэтажные жилые дома, оплетенные яркими, кричащими красными и жёлтыми строительными лесами.

– Это Louis Vuitton! – кричала женщина на английском, с заметным русским акцентом. – Верните её. Пожалуйста. Я вознагражу! – Аксель не имел ни малейшего представления, что такое "Луи Виттон", но подозревал, что оно стоит больше, чем всё, что было у грабителя вместе взятого. Он вскочил на ноги и бросился в погону за юношей. Его белые кроссовки Nike Maopa вряд ли были созданы для подобного спринта, но он был в отличной форме и готов спасти девушку, попавшую, по его мнению, в беду. Даже если эта девушка, скорее всего, была женой какого-нибудь олигарха и могла позволить себе заменить украденную сумку, не моргнув глазом.

Донован свернул прямо на строительную площадку, ныряя в лабиринт ограждённых строительными лесами проходов и туннелей, в надежде запутать преследователя. Аксель набирал скорость, но к тому моменту, когда он достиг входа на стройплощадку, Донован уже прорвался через занавешенный брезентом дверной проём на первом этаже ближайшего строящегося дома.

Когда Аксель достиг проёма, прочный пластиковый брезент сорвался, обнажив тёмный зев лестничной клетки, и до слуха донеслись торопливые шаги Донована, взбирающегося вверх.

Не теряя ни секунды, он рванул вперёд, перемахивая через три ступени одним махом, и на площадке первого этажа почувствовал, как дистанция между ним и грабителем сжалась до критической. Рисковать броском не хотелось, поэтому он выбрал выверенный выпад, профессионально подбив пятку вору неотразимым ударом.

Тот рухнул, мгновенно свернувшись в клубок и перекатившись, но цепко сжимая сумку в левой руке. Вскочив, он снова встал лицом к Акселю.

Аксель, задыхаясь от напряжения, протянул руку, словно требуя милостыню. – Отдай сумку. Сейчас же! – прорычал он.

Грабитель оскалился, как загнанный в угол зверь. – Да пошёл ты! – И тут же в его правой руке блеснуло сталью – длинное, узкое лезвие выскользнуло из рукояти с угрожающим щелчком. Тяжело дыша, с мертвенной бледностью на искажённом лице, он бросился в атаку.

Что было роковой ошибкой.

Аксель, полуобернувшись, перехватил запястье нападавшего обеими руками, завершил разворот и с яростной силой швырнул его через плечо на пол. Нож, вырвавшись из руки, запрыгал по доскам, описал дугу и замер, вращаясь, в центре прохода. Мгновение – и он уже был в руке Акселя.

Противник не собирался сдаваться. Вновь поднявшись на ноги, он перегнулся через край строительных лесов, нависших над лестничным пролетом. – Эй! Гудден! Зак! Сюда! Этот ублюдок меня грабит, пёс! – прохрипел он сорванным голосом, словно и не затихал вовсе. Затем повернулся к Акселю, спрятавшему нож в карман брюк. – Не стоило тебе соваться сюда, коп. Мы тебя выпотрошим, – процедил он, оскалив мелкие, золотые зубы, блеснувшие в полумраке.

Аксель услышал топот двух пар ног, приближающихся по лестнице. Он молниеносно прыгнул вперёд и ударил мужчину прямой рукой в лицо, так что тот отшатнулся, выпустив наконец проклятую сумку. Аксель снова подставил ему подножку, но на этот раз нагнул, схватил за запястье и резко потянул к краю помоста.

Схватив мужчину за лодыжки, он с силой толкнул его вперёд, так что тот рухнул вниз головой. Вопль оборвался, и фигура исчезла из виду.

Гудден и Зак подоспели вовремя, чтобы увидеть, как их дружок пропадает за краем. Расстояние было невелико, футов пятнадцать, может, чуть больше. Но они прекрасно

знали, что падение на голову даже с половины этой высоты гарантирует место в больнице. А полные пятнадцать – прямиком в морг. Остолбенев, панки остановились, выставив ладони вперед, словно пытаясь остановить невидимую силу.

– Ого! Дерьмо! Чёрт! – выдавил из себя долговязый Зак.

Это было всё, что он успел сказать, прежде чем оказался на земле, придавленный градом ударов Акселя. Следующим был Гудден, попытавшийся нанести серию тычковых ударов в солнечное сплетение, а затем мощный вертикальный удар ногой в лицо. Через несколько секунд оба потеряли сознание.

Аксель огляделся, гордо кивнул сам себе и поднял сумку. Раздался громкий звук "чинг-чинг", сигнализирующий о том, что требуемые цели были успешно достигнуты и уровень пройден.

– Хорошо, Зан, – сказал он, и его голос зазвучал глубже, чем раньше, более раскатисто, не просто благодаря его цифровому аватару, а благодаря его настоящему голосу, произнесённому его настоящим горлом. – Завершаем симуляцию.

Лаборатория ZanTech

Аксель распахнул глаза, словно вынырнул из глубокого сна. Свет, хлынувший в его зрачки, обжёг их, заставив прищуриться. Мир расплывался, пока знакомые очертания лаборатории медленно проступали сквозь пелену. С тихим шипением гидравлики шлем виртуальной реальности отделился от его головы, взмыв вверх. Сидя в тесной капсуле, Аксель отсоединил липкие проводки мышечных датчиков и энергично потер затекшие руки. Затем, переступив через край цилиндра из матового алюминиевого стекла, он спрыгнул на пол.

Зан уже подкатил к нему на своем гусеничном шасси. Аксель, чтобы разогнать кровь, несколько раз присел, вставая на носки, разминая онемевшие суставы.

– Пятнадцатый уровень, – произнёс Зан с гордостью, достойной отца, наблюдая, как данные о его результатах каскадом льются в его нейронную сеть. – Очень неплохая пробежка.

Аксель усмехнулся, натягивая куртку. – Спасибо. Слушайте, мне понравилась идея с «девушкой в беде» – довольно ловкий ход. Знаете, у вас получилась отличная тренировочная система. Отдаю вам должное, доктор. Ничего подобного я ещё не испытывал.

– Данные о ваших боевых действиях постоянно обновляются, – просиял Зан. Он указал манипулятором на модуль виртуальной реальности, украшенный логотипом ZANTECH LABS, выполненным изящным, полупрозрачным шрифтом глубокого синего цвета. – Обучающийся искусственный интеллект системы будет находить новые способы испытать вас, по мере того как вы будете прогрессировать. Если, конечно, вы продолжите к ней возвращаться.

Аксель улыбнулся и дружески похлопал старого андроида по плечу. Он знал Зана с тех пор, как корпорация "RoboCy" против его воли превратила его в киборга. Именно храбрость Зана тогда, во время последовавшего "Инцидента в проекте Y", помогла спасти мир от ядерного апокалипсиса. Сам Вуд-Оук-Сити стал трагической жертвой злодеяний Синдиката ещё в далеком 2017 году, когда взрыв ядерного оружия стёр с лица земли большую часть Старой северной части города. Мистер Икс планировал использовать управляемых роботами двойников политических лидеров и манипулировать мировыми событиями, чтобы установить глобальное господство. И Вуд-Оук был лишь первым актом в череде ядерных ударов, обрушившихся в последующие годы на Лондон, Англию и большую часть штата Флорида во время войн синдикатов. Всё это время Зан храбро и самоотверженно помогал Firestorm, и теперь, несмотря на преклонный возраст, подорванное здоровье и юридическую "смерть", он вошёл в историю как один из первых пионеров кибернетического трансгуманизма, расцветающего в середине двадцать первого века.

Аксель улыбнулся. – Мы будем с вами до конца, доктор Зан.

Наномышечные волокна искусственной лицевой структуры андроида изогнулись в ещё одной понимающей улыбке. – Вы мой хороший друг, Аксель. Я очень надеюсь, что эта неприятность с Сынами Тьмы скоро разрешится.

Черри Хантер сидела в лаборатории, рассеянно перебирая струны своей гитары.

Левая рука, словно сама по себе, находила и отпускала лады, послушная мышечной памяти, выкованной годами гамм. Стоило бы, конечно, уделить больше времени правой руке, чтобы не растерять ту виртуозную скорость, которой она покоряла немногочисленных поклонников на задних дворах (и в трансляциях на YouTube). Но сейчас хотелось просто расслабиться. К тому же, впереди сольный концерт для школьной аттестации, и нужно оттачивать выбранные композиции.

В мечтах маячил альбом с собственным материалом, но эта перспектива казалась туманной и далёкой. Ей всего шестнадцать, и впереди целая жизнь, чтобы сделать всё как надо. Отец когда-то сказал: "Всеми своё время, Черри. Шаг за шагом."

Пока её пальцы сплетали привычные узоры, дверь бесшумно скользнула в сторону, и в лабораторию вошёл Флойд, сжимая в кибернетической руке папку. Молча, он подошёл к столу и оживил консоль, набирая команды с помощью интерфейса, с той же уверенностью, что и она – свои гаммы. Черри наблюдала, как он, склонившись, сличал бегущие голографические строки с текстом на странице, помеченной вызывающими красными буквами: "СТРОГО СЕКРЕТНО". Нахмурившись, он что-то вычеркнул ручкой.

Черри оторвалась от гитары, Bilt Revelator ZX по-прежнему висел у неё на поясе, и направилась к нему. – Ну как, твои родители ещё здесь? – спросила она, пытаясь завязать разговор. Они всё ещё ждали от Акселя и Блейз решения по Кообо. Казалось, как только все детали будут согласованы, у Черри появится много свободного времени.

Флойд вернул секретную страницу в папку и аккуратно положил её на консоль. Повернувшись, он встретился с ней взглядом, спокойным и с едва заметной улыбкой. – Да, они рядом, – ответил он. – Я вырос в Новой Зеландии, в окружении племенных традиций, но моя семья иммигрировала сюда, в Штаты, когда мне было пятнадцать. Пришлось заканчивать школу здесь, в Вуд-Оук-Сити, пока не нашёл работу на стройке и не смог переехать жить самостоятельно.

– Они, должно быть, гордятся тем, чего вы с Заном здесь добились, – сказала она. – Несмотря на недавнюю шумиху в прессе. Протесты и всё такое.

Флойд едва заметно кивнул. Общественное мнение редко его беспокоило. – Да. Наверное, так и есть.

– Что заставило твою семью переехать сюда? – спросила Черри, лениво перебирая струны.

– Мои родители приехали по рабочим визам в 2028 году, а потом получили гражданство, – ответил он. – Отец работает финансистом в Fiquet Holdings в деловом районе. Ему пришлось побороться за это место.

Черри подцепила какую-то ноту, бросив взгляд на гитару. – Звучит круто. А как мама?

– Она преподаёт в классе для детей с особыми возможностями в начальной школе Карлодон-Парка, – ответил он. – Мои родители – замечательные люди, и они отлично справляются сами. Может, когда-нибудь вы познакомитесь.

Она кивнула, исподлобья глядя на него. Звучало заманчиво. – Конечно. Да.

В повисшей тишине ощущалось какое-то напряжение. Черри отвела взгляд, небрежным жестом откинув прядь волос, затем усмехнулась, словно её посетила тайная мысль. Она снова принялась наигрывать мелодию, тихо напевая припев.

Флойд направился к автомату с напитками в глубине лаборатории за газировкой. Когда он вернулся, Аксель Стоун и Блейз Филдинг уже стояли в комнате. Прежнее веселое настроение как ветром сдуло, сменившись выражением неподдельной озабоченности.

– Аксель, расскажи Флойд и Черри о нашем замысле. Я вся горю от нетерпения, – сказала Блейз, прежде чем подуть на дымящуюся чашку с чаем и оглядеть их всех по очереди поверх её края.

* * *

Они столпились вокруг стола Флойда. Черри опустила гитару на пол, прислонив её к стене, а Аксель откашлялся.

– Как вы, ребята, уже знаете, Кообо – это машина, робот, – начал Аксель. – Мы не знаем наверняка, кто его спроектировал и построил, и с какой целью. Но нам удалось собрать воедино некоторые зацепки. Этот криминальный авторитет действует из сети подземных туннелей, расположенных под особняком, принадлежащим некоему Эрику Труонгу, местному политику, в прошлом лидеру Тринадцатой бригады. Вам знакомо это название?

Флойд покачал головой, отпивая газировку. – По сути, это подразделение спецназа, подготовленное северокорейцами во время войн Синдиката, которое занималось систематической программой массовых убийств гражданского населения, пыток и интернирования. А теперь он гражданин США и позиционирует себя как умеренный республиканец, наш представитель здесь, в Вуд-Оук-Сити, как будто ничего этого никогда не было. Но это всего лишь маска. Ты же знаешь, что это за политики.

Он бросил взгляд на Блейз, в его глазах промелькнула тревога, на лбу залегли морщины. Она одарила его понимающим взглядом. – У меня и Мерфи есть доказательства, напрямую связывающие Труонга с "Сынами Тьмы" как спонсора Синдиката, – произнесла она, переводя взгляд с Черри на Флойда и обратно, её глаза потемнели, словно от капли крови. Затем она снова посмотрела на Акселя. – Продолжай.

– Он – крупная шишка в местной корпорации под названием "Koobo Industries", – Аксель вскинул брови, словно предлагая собеседникам разделить его удивление.

– Эти колонки! – Черри словно вдохнула воспоминание, её глаза расширились. – В канализации... от имени синдиката Y, транслировали концерт DJ K-Washi Armageddon! И точно... маркировка "Koobo Industries". Я отчётливо помню!

– Совпадения исключены, – отрезал Аксель. – Но поскольку он вознёс нынешнего президента к власти, совершать публичные ошибки ему непозволительно. Крепко держится на каждом избирательном цикле, купается в народной любви в своем округе – его вотчине.

Флойд сделал внушительный глоток содовой, взгляд скользнул по потолку, задержался на мерцающих дисплеях компьютеров и вернулся к Акселю. – Значит, мы выводим Кообо из игры и срываем маску с этого коррумпированного политика? Я уловил суть, – он перевёл взгляд на Блейз. – Для вас это обычное дело, верно?

Блейз кивнула, в тишине проступила тень воспоминаний о Джордже Ксетеусе и его сенаторском кресле в Калифорнии. Если бы только люди знали тогда, какие тёмные замыслы скрывались за его улыбкой... – Мы полагаем, что Труонг отмывает государственные деньги, чтобы наштагать своего друга-робота смертоносным оружием, которым тот терроризирует город, – объяснила она. – В то же время в округе люди умирают от голода. Дети гибнут от болезней, потому что у них нет прививок. Школы рушатся от недостатка финансирования. Вы знаете, как это – жить

в гетто, и отчаяние толкает людей в объятия сект. Устранение Кообо и тех, кто его поддерживает, – важный первый шаг, который даст нам передышку, необходимую для преследования Сынов Тьмы как организации и прекращения их влияния во всем мире.

Черри не отрывала взгляда от Блейз, её губы сжались в тонкую, решительную линию. Она кивнула, твердо и уверенно. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь.

– Я подготовила подробный брифинг, – Блейз отодвинула в сторону чашку с чаем. – Детальные карты особняка, досье на Труонга, все, что нам известно о Кообо и расположении его банд.

– А как насчёт поддержки на месте? – спросил Флойд.

– Мерфи предоставил в наше распоряжение всю полицию Вуд-Оук-Сити. Особняк и прилегающие территории уже под наблюдением. Мы не пойдём туда одни.

На лице Флойда Ирайя расцвела хищная ухмылка. – Отлично. Будем готовы, когда вы будете готовы.

8

– Всем на позиции! – прорычал Мерфи в рацию, превратив салон патрульной машины Фероччо в импровизированный штаб. Натянутый шнур микрофона врезался между приборной панелью и спинкой сиденья. – Каждому копу, на службе и вне её, явиться немедленно! Перекрыть все улицы! Живо!

Городские огни мелькали, расплываясь в единое полотно, пока Фероччо выжимал из машины все, на что она была способна. Стрелка спидометра неумолимо рвалась к заветной трехзначной отметке.

Мерфи, словно хищник в клетке, буравил взглядом окно, отбивая нетерпеливую дробь пальцами по потертой обивке. – Сегодня мы сделаем то, о чем комиссар Бернстайн и помыслить не мог, – пророкотал он.

– И что же? – спросил Фероччо, не отрывая взгляда от дороги.

– Мы уничтожим Кообо.

Фероччо хранил молчание. Возможно, Мерфи был прав. После нескольких недель, проведенных в ожидании, когда весь полицейский департамент Мира, отряженный наблюдать за особняком Эрика Труонга и окрестностями, томился в предвкушении, словно хищники перед прыжком, наконец-то появилась зацепка. Кообо, этот неуловимый король преступного мира, окутанный слухами о чудовищных взрывах на местных фабриках, лидер зловещих "Сынов Тьмы", был найден. Его кортеж мотоциклистов мчался по шоссе в сторону города, к особняку, словно мотыльки на пламя.

Рация ожила, захлёбываясь докладами. Блейз Филдинг была в курсе. Полиция Вуд-Оука поднимала все силы.

Волны патрульных машин, фургонов, мотоциклов, с ревом вклиниваясь в поток, устремились к шоссе. Вертолёты, словно гигантские светлячки, кружили в ночном небе, их прожектора выхватывали из тьмы убегающую дорогу. Даже кинологические подразделения были брошены в бой.

– Надеюсь, ты прав, – наконец, произнёс Фероччо.

Кообо вглядывался в расстилающееся перед ним шоссе.

Он бросил взгляд назад. Мигающие огни, воющие сирены – две чёрно-белые тени, хищно пробиваясь сквозь ночной поток, уже настигали его. Вертолёты нависали сверху, словно стая стервятников. Он поравнялся с мотоциклом Кр. Сигнала. Худощавый байкер с ирокезом на голове, покопавшись в сумке, висевшей на руле, поднял два пальца, показывая две гранаты.

Кообо коротко кивнул в ответ.

Три секунды – вихрь движений, в котором Кр. Сигнал правой рукой судорожно сжимает гранату, левой – удерживает взбесившийся мотоцикл. Чека вырвана зубами, словно у зверя, и руки вновь меняются местами, возвращая контроль над машиной. Мгновение – и левая рука с яростью швыряет гранату обратно в полицейский строй.

Взрыв разверзся за их спинами, извергая ослепительный поток энергии – свет, жар и оглушительный грохот.

Кообо обернулся, заморожено наблюдая, как взрывная волна швыряет полицейские машины в воздух, превращая их в жалкие, разлетающиеся во все стороны пластиковые игрушки. Мгновение триумфа, и все стихло. Мотоцикл Кообо, словно выпущенная стрела, рванулся вперед, оставляя Кр. Сигнала позади.

На его роботизированном лице промелькнула тень улыбки, недоступная для столь сложной мимики. Как и предвидел Кообо, дерзкий побег Акселя Стоуна вывел Блейз Филдинг и всю полицию Нью-Йорка прямо к его дверям. Он понимал, что рано или поздно ему придётся ответить за свои деяния, совершённые в городе, но до недавнего времени его оперативная секретность и дипломатический иммунитет служили надёжной защитой. И, возможно, клятвы, данные Сынам Тьмы, должны были укрепить его уверенность в собственной неуязвимости... хотя бы за последние месяцы. Если бы только его головорезы были достаточно компетентны, чтобы удержать Акселя Стоуна в заточении в его отсутствие. Впрочем, это уже не имеет значения. Сыны Тьмы так или иначе укажут этим благодетелям их истинное место в этом хаосе.

"Добро пожаловать обратно, Аксель Стоун", подумал он. "Я ждал, когда ты выйдешь из тени".

Он вскочил на бетонное ограждение и, словно акробат, помчался вниз по перилам, оставляя позади все более оживленное шоссе. У подножия склона его ждал спасительный мрак открытого дренажного туннеля.

Кообо оглянулся. Казалось, вся полиция Вуд-Оук-Сити собралась у него на хвосте. По шоссе с воем пронеслись вереницы полицейских машин, а в ночном небе, словно хищные птицы, кружили вертолёты, пронзая тьму лучами прожекторов и оглушая округу завыванием сирен.

Он усмехнулся про себя, предвкушая наслаждение от этого зрелища. Надо будет не забыть поблагодарить Акселя позже, когда придет время.

Не сбавляя скорости, Кообо исчез в зияющей пасти туннеля.

Аксель, Блейз, Флойд и Черри возникли из южной тени, словно призраки, ведомые решимостью.

От задней стены особняка до ограды простиралось не меньше пятидесяти футов – полоса тревожной открытости.

Они сорвались с места, и спустя мгновения их силуэты уже замаячили на гребне высокого деревянного забора. Скользнув вниз, они укрылись в плотном, прохладном объятии вечнозелёного кустарника. Над головой, заглушая их приближение, пронеслись два полицейских вертолёта, словно разгневанные небесные псы.

– Вот, – прошептала Блейз, извлекая из рюкзака предмет, от которого повеяло

холодом стали. – Возьми.

В её руке блеснул пистолет с глушителем, который она протянула Акселю. Он кивнул, принимая оружие, и сухой щелчок передёрнутого затвора нарушил тишину сада, возвестив о готовности. Блейз повторила его действия.

Черри наблюдала за ними со сложной смесью неловкости и тревоги. Они с Флойдом решили воздержаться от использования огнестрельного оружия в этой операции, полагаясь на свои уникальные навыки. В отличие от Акселя и Блейз, у них не было ни опыта, ни подготовки. Аксель и Блейз, закалённые в боях по всему миру, не испытывали подобных колебаний. Решение войти вооружёнными было принято ими без лишних слов.

Сквозь изумрудную сетку ветвей Аксель разглядел заднюю стену особняка. В отличие от парадного фасада, она казалась удивительно беззащитной. Ни охранных огней, ни решёток на окнах, ни свирепых псов, которые должны были бы уже поднять тревогу. Он убрал в ножны тактический нож, извлечённый из рюкзака Блейз. И, самое главное, ни единого охранника. Весь свет, казалось, был погашен, что, конечно, не гарантировало отсутствие людей внутри – у главного входа дежурили десятки панков-сигнальщиков, занятые столкновением с полицией, – но давало слабую надежду на то, что внутри царит спокойствие. Возможно, Кообо отступил в подземные туннели, готовясь к бегству.

– Что думаешь? – прошептал Флойд, не отрывая взгляда от темных окон.

– Здесь подозрительно тихо, – заметила Блейз, её слова повисли в воздухе, словно предчувствие.

Глаза Черри сузились, она затаила дыхание, собираясь с духом. – Давайте войдём.

Пригнувшись, они осторожно продвигались вдоль живой изгороди, огибая особняк с восточной стороны. Блейз скользнула вдоль стены и, нащупав ручку застеклённой двери, замерла.

– Заперто, – прошептала она одними губами. Затем извлекла из кармана набор отмычек, и тихий шелест металла возвестил о начале её работы. Остальные затаили дыхание, наблюдая, как она манипулирует тонкими металлическими крючками в сложном танце с замком. Спустя мгновения послышался едва уловимый щелчок, и дверь поддалась.

Они проникли внутрь, оказавшись в просторной кухне. Аксель мгновенно оценил обстановку, превратившись в тень, скользящую по периметру. Он прислушался у двери, ведущей вглубь дома. Блейз присоединилась к нему. Прижавшись ухом к прохладной, гладкой поверхности дерева, они обменялись едва заметными кивками.

– Вперёд, – прошептал Аксель, жестом подзывая остальных.

Когда они пересекли порог и ступили в соседний коридор, навстречу, словно лавина хохота, выкатилась группа мужчин – отъявленные сигнальные панки из авангарда дома. Завидев четверых незваных гостей, они замерли на мгновение, глаза их хищно расширились, а губы исказила звериная усмешка.

Не успели они осознать, что неприступная крепость их босса пала, как Черри Хантер, словно вихрь, обрушилась на них.

Воспользовавшись моментом внезапности, она вцепилась в рубашку ближайшего панка и дёрнула вниз, подсекая его. Его неуклюжее движение прервано точным ударом колена в челюсть. С сухим, хрустящим щелчком, его челюсти сомкнулись, и панк рухнул на пол, распростёршись бездыханно.

Остальные члены банды приняли боевую стойку. Флойд, находясь справа, принял удар на себя. Его кибернетические руки взметнулись вверх, подхватили тощего

Сигнальщика и швырнули его в стену, лишив чувств. Затем он развернулся и с гидравлической мощью обрушил обе руки на лицо следующего головореза. Хруст сломанного носа и тело, отброшенное назад. Один из панков попытался напасть на Черри. Она презрительно фыркнула, ловко уклонилась и, выгнувшись дугой, нанесла удар ногой прямо в лицо. Пока он, ошеломлённый, пытался восстановить равновесие, она схватила его за куртку, сбила с ног стремительным движением бёдер и принялась осыпать градом ударов по голове.

Двое оставшихся Сигнальщиков судорожно потянулись к оружию, спрятанному под куртками, в их глазах застыл животный страх...

...но Аксель и Блейз опередили их, открыв огонь. Четыре приглушённых хлопка, произведенных пистолетами с глушителями, не потревожили даже стёкла в окнах. Двойные попадания в торс не убили их, но мгновенно вывели из строя. Через две секунды они уже лежали на полу, погребённые под телами своих товарищей.

Они продолжили свой путь по коридору.

У подножия величественной лестницы в главном холле Блейз приложила палец к губам и вздёрнула подбородок. Из комнаты на площадке первого этажа доносилась музыка. Что-то восточное – пронзительные голоса, звон струнных инструментов и ритмичные удары ручных барабанов на фоне глубоких басов. Снова достав пистолет, Блейз начала подниматься по лестнице, широко расставляя ноги и ступая только на края ступенек, где меньше шансов, что дерево предательски скрипнет. Аксель следовал за ней, держа пистолет поверх левого плеча Блейз, контролируя пространство позади. Флойд и Черри замыкали группу.

Достигнув площадки, Блейз жестом указала Акселю занять позицию справа от двери. Он прислонился спиной к стене, держа пистолет обеими руками на уровне лица, дулом вверх. Блейз сжала левой рукой дверную ручку, поправляя хватку, палец за пальцем, обхватывая граненый стеклянный шарик.

Их взгляды встретились, Аксель кивнул.

Поворот, толчок, стремительный шаг вперёд, пригнувшись, оружие наготове.

Стандартный протокол входа в помещение.

За массивным деревянным столом в глубине огромной комнаты сидел Кообо. Аксель окинул его взглядом в долю секунды.

Робот был громаден. Титанически мощен. Сотни механизмов, сплетаясь в симфонию силы, управляли движением его металлического экзоскелета и хитросплетением нановолокон под ним, когда он вздыбился во весь свой рост. Его черепоподобное лицо искажала уродливая гримаса, хромированная голова сияла лысиной, лишь изящный пучок на макушке, перехваченный алой лентой, нарушал этот металлический минимализм. Он вызывающе вскинул руки, словно дирижёр, призывающий к хаосу оркестр насилия, которым стала эта комната.

Десятки панков, словно крысы, выскочившие из норы, заполнили просторное помещение. Брэш, ближайший к Блейз, словно хищник, готовый к броску, развернулся молниеносно и, присев на корточки, обрушил удар в правое колено Блейз. Хрустнув, нога подогнулась, из горла вырвался крик агонии. Не успела она снова поднять руку с пистолетом, как Брэш сокрушительным ударом костяшек пальцев по запястью выбил оружие, а затем, не теряя ни секунды, обрушил град ударов на глаза. Его пальцы сомкнулись на рукояти, он вырвал пистолет и замахнулся, целясь в Акселя.

Аксель, словно пружина, сжатая до предела, рванулся вперед, оттолкнувшись от земли, чтобы сократить дистанцию. Удар тыльной стороной ладони обрушился на подбородок Брэша, отчётливый щелчок сжавшихся челюстей эхом разнесся по комнате. Аксель перехватил пистолет за дуло и резко дернул влево, одновременно обрушив сокрушительный удар другой рукой в лицо противника. Блейз, скорчившись на полу,

закрывала глаза руками, из горла рвались стоны боли.

Тем временем, Черри и Флойд, словно вихри, сметали все на своем пути. Флойд, не зная жалости, отбрасывал противников в стороны, используя свои кибернетические руки как сокрушительные тараны, прокладывая себе путь сквозь эту давящую толпу. Ловкость? Не важно. Только результат, только скорейшее устранение препятствий на пути к цели.

Несчастному U-3, обменивающемуся ударами с Черри, выпала участь преградить путь Флойду. Флойд, не удостоив его даже взглядом, схватил его и, словно тряпичную куклу, отшвырнул в сторону.

U-3 издал истошный вопль боли. Музыка гремела все громче, словно подстегивая ярость. Блейз, приходя в себя, увидела, как Флойд, словно танк, прокладывает себе дорогу сквозь разъяренных наёмников и панков. Изувеченные тела валялись на обочине, разбросанные молодым человеком, чьи кулаки и ботинки, не переставая двигаться, обрушивали удары с безжалостной скоростью и точностью.

Блейз стиснула зубы и, словно мешок картошки, перебрала безмянного хулигана через плечо. Локтём она проломила живот другому нападавшему, а третьему отправила удар ботинком в челюсть. Пространство между ними и Кообо расчистилось, и они снова стояли лицом к лицу. Панки, словно прибитые к полу, неохотно расступались, пропуская эту четвёрку, стремящуюся к роботу через залитую кровью арену.

– Он мой, – прошипел Аксель сквозь стиснутые зубы, в которых клокотала ярость.

– Ты вернулся, – прогремел Кообо, и молочно-белые искусственные радужки его выпуклых биосинтетических "глаз" сфокусировались на Акселе Стоуне, напоминая ожившую марионетку из преисподней. Механическим пальцем он нажал скрытую кнопку на столе, мгновенно оборвав музыку. – Вернулся, чтобы умереть, сохранив своё наследие в этом городе.

– Нет, – процедил Аксель сквозь зубы, напрягая каждый мускул. – Я вернулся, чтобы остановить тебя.

"Тщетная надежда", мелькнуло в сознании Кообо. Он мечтал, чтобы Аксель, сломленный и беспомощный, наблюдал из своей подземной темницы за гибелью Вуд-Оука. Но судьба распорядилась иначе: Акселю суждено пасть здесь, этой ночью, от руки истинного наследника лорда Сохариса. Возможно, так даже лучше. Пусть сгинет вместе с надоедливой Блейз Филдинг, и да не разразится больше над миром пресловутый "Огненный шторм" прошлых лет.

Не видя смысла в пустых препирательствах, Кообо ринулся в атаку, обрушивая на Акселя град мощных ударов. Этот жалкий, списанный со счетов экс-полицейский и раньше с лёгкостью терпел поражение даже от своих же отбросов, но на этот раз Кообо не остановится, пока не раздробит его никчёмный череп в пыль. Убийство его сообщников станет приятным, хоть и ожидаемым бонусом. Он сможет предъявить знаменитый череп Блейз Филдинг в качестве трофея своим верным последователям – неоспоримое доказательство наступления Новой эры для Сынов Тьмы.

Аксель отбивался умело, не так безрассудно, как в схватках с уличной шпаной. Он уклонялся и изворачивался, избегая самых сокрушительных механических ударов Кообо, нанося при этом точные, как скальпель, удары в незащищённые места. За резким ударом в область бронированной груди почти мгновенно последовал удар локтём в ту же точку.

Кообо стоически принимал удары, словно не чувствуя боли. Его непроницаемое лицо не выражало ни малейшей эмоции. Этому ничтожному выскочке потребуется нечто большее, чем несколько царапин, чтобы сбить его с намеченного пути. Они дрались в центре комнаты, окружённые со всех сторон панками и остальными – Блейз, Флойдом и Черри, – которые, затаив дыхание, следили за поединком, готовые в любой момент прийти на помощь.

Кообо был впечатлен мастерством и выносливостью Акселя, особенно учитывая всё, что он уже с ним проделал. Ни один простой смертный не смог бы так ловко выбраться из туннелей под особняком, как это, должно быть, сделал Аксель. Теперь он понимал, что разглядел в этом человеке лорд Сохарис много лет назад. Но Кообо зашёл слишком далеко, чтобы позволить кому-то лишить его триумфа. Аксель Стоун должен умереть сегодня.

Он парировал атаку Акселя, а затем отбросил его назад градом стремительных ударов ногами и руками. Аксель отступал, тщетно пытаясь блокировать натиск робота голыми руками. Металлические ступни и кулаки Кообо обрушивались на броню противника, целясь в суставы и уязвимые места. Ему удалось схватить Акселя за шею, пытаясь задушить...

... но Аксель ослабил хватку, соединив ладони и нанеся удар снизу вверх, заставив руки Кообо развестись в стороны.

Несмотря на это, Аксель пошатнулся, переходя в глухую оборону, сдавая позицию за позицией. Кообо сжал свои огромные кулаки, напрягся и нанёс ещё один сокрушительный удар. Это был лишь вопрос времени.

Дверь в комнату распахнулась. Кообо поднял взгляд. В комнату вошёл юноша с тёмными волосами и с выражением ужаса на лице уставился на битву. Семейное сходство было очевидным.

«Отлично», подумал Кообо. Пусть их сын ещё раз увидит это великое огненное сражение. Это станет для него посвящением.

9

Макс Стоун услышал грохот битвы и шагнул в распахнутую дверь.

Картина, представшая его взору, заморозила кровь в жилах. Посреди комнаты, словно загнанный зверь, его отец в одиночку отбивался от Кообо, в то время как мать, Черри Хантер и Флойд Ирайя, казалось, застыли посреди моря бессознательных тел, глубина которого достигала колена. На лице матери читалась измождённость, словно её хлестали по щекам и телу, но в глазах не было и намёка на поражение. Она держалась, не дрогнув.

Блейз Филдинг судорожно вздохнула, поймав полный ужаса взгляд сына, устремлённый прямо на неё через комнату. В одно мгновение уголки её карих глаз прорезали морщинки тревоги, и на лице застыла тень невысказанной боли.

– Добро пожаловать, Макс, – произнёс Кообо нараспев, вкрадчивым тоном. Он отступил на несколько шагов, временно сдерживая натиск Акселя, наслаждаясь возможностью, которая, как он считал, представилась ему. Смаковал каждый миг. – Аксель, полагаю, ты ещё не успел познакомиться с моим последним рекрутом.

Взгляд Акселя метнулся от Кообо к распахнутой двери, где стоял юноша. На мгновение он оцепенел, не веря своим глазам. – Макс! – вырвалось у него. – Что ты здесь делаешь? Вопросы, противоречия, сомнения и надежда разом нахлынули на него. Это не могло быть правдой...

– Что я здесь делаю? – передразнил Макс. Он цедил каждое слово, словно обдумывая его вес и значение. Взгляд его стал ядовитым, а тон – язвительным. – Я мог бы задать тебе тот же вопрос, Аксель.

Черри Хантер шагнула вперёд, нахмутив брови. – Макс! Так вот куда ты пропал! Связался с Сынами Тьмы? Что бы сказал Адам?

Он слегка повернул голову и посмотрел на неё с отсутствующим видом. Казалось, её слова не затронули его. Затем, словно очнувшись, проронил: – Не думаю, что ты бы поняла, Черри.

– Что здесь происходит, Макс? – прошептала Блейз, потерянная в лабиринте непонимания.

Беспокойство накатывало на неё ледяными волнами. Это было совсем не то, чего она ожидала, когда они пришли сюда этим вечером. – Что ты от меня скрывал?

– Мам, я...

– У нас с юным Максом заключено соглашение, – перебил его Кообо своим раскатистым, громоподобным голосом. – Он принёс клятву верности Сынам Тьмы, мне, Уракабарамииэлю, и взамен я просто дал ему то, чего ему так не хватало в жизни. Любящий дом. Семью, которой не все равно, что он чувствует, чего он хочет. Чувство принадлежности, общей цели. Идеалы, к которым он всегда стремился, как и все мои ученики. Он широко развёл руки в отцовском жесте.

– Да пошёл ты, – прорычал Аксель. – У него есть семья. Я и Блейз...

– И это говорит тот, кто предал его десять лет назад? – Кообо вплёл в свой голос ядовитую насмешку. – Не думаю, что у тебя есть моральное право указывать, Аксель. Макс мне всё рассказал. Теперь он со мной.

– Хватит, – процедила Блейз, в её голосе зазвенела сталь. – Семейные дразги – не твоё дело, Кообо. Макс, иди сюда, встань рядом со мной. – Она умоляюще смотрела на сына, подрагивая подбородком и протягивая к нему левую руку, словно к тонущему. – Это не имеет к тебе отношения.

Макс Стоун взглянул на мать, и вся буря чувств, клокотавшая в нём, словно схлынула, оставив лишь пустоту. – Нет, – выдохнул он, словно освобождаясь от бремени.

Сердце Блейз рухнуло в бездну отчаяния.

Кообо расхохотался, его смех резанул, как осколок стекла. – Видите ли, детектив Филдинг, чего вы и ваш бывший супруг так и не смогли понять, так это того, что Макс – не такой, как вы, и никогда им не был. Все эти годы вы слепо отказывались видеть его настоящего, понять его взгляд на мир.

Макс приблизился к Кообо, заняв позицию плечом к плечу, образовав единый фронт против Акселя, Блейз и остальной толпы.

– Сыны Тьмы поняли его, приняли его, были рядом, когда никого из вас не было, – продолжал Кообо, прожигая Акселя взглядом. – Либо потому, что вы были слишком поглощены собственным горем, не в силах справиться с обломками своей жизни, – он перевёл взгляд на Блейз, – либо потому, что вы тонули в бесконечных делах, одержимые навязчивой идеей справедливости, продиктованной вашей личной трагедией. Сыны Тьмы видят его. Мы здесь, чтобы дать ему силу, чтобы взрастить в нём то, чем он должен стать, вместо того, чтобы калечить его душу, заставляя жить в вашей эгоцентричной, убогой реальности, которую вы, по своей глупости, называете "семьёй". Вы – лишь жалкие конформисты, платящие налоги, добропорядочные граждане этого гнилого городишки Вуд-Оук, чьё благополучие зависит от вашего эмоционального состояния. Это отвратительно. Он достоин большего. «Сыны Тьмы» – это его шанс выбрать свой путь, раскрыть свой потенциал, стать тем, кем он предназначен быть. Настоящей семьи у него никогда не было.

– Ты безумец, – прорычала Блейз, в её голосе клокотала ярость. – Я не собираюсь перед тобой оправдываться. – Первобытная ярость бушевала в ней, подчиняясь инстинкту. Её аура вспыхнула, воздух вокруг неё заискрился голубовато-белым сиянием квантовой энергии, словно невидимое пламя.

Первая...

Меня зовут Блейз, и я всё помню...

Она издала утробный рык, её глаза вспыхнули внутренним светом, и, собрав всю

свою волю, она направила сгусток накопленной энергии, пылающий огненный шар, прямо в Кообо.

Ударная волна швырнула Кообо назад, по его роботизированной броне пробежали трескучие разряды, словно предсмертные судороги системы. Аксель ринулся вперёд, обрушивая шквал ударов, каждый выверенный и смертоносный, встречая яростное, но уже отчаянное сопротивление.

Они сплелись в смертельном танце, Аксель и Кообо, ведомые лишь неукротимой волей к победе. Поражение было синонимом смерти. Аксель обрушивал на Кообо каскады ударов, вкладывая в каждый всю свою силу, всё отточенное годами мастерство. Ему не было дела до угроз, трюков, дешёвой бравады – лишь ярость, лишь один удар за другим.

Кообо издал хриплый стон, пытаясь удержаться, но ярость Акселя не сломила его, он продолжал сражаться, пока не сломит своего врага. Так или иначе, этот бой станет последним.

"Я сражаюсь за сына", пульсировало в голове Акселя. "Я сражаюсь за жизнь." Это должно быть достаточно. Очередная серия молниеносных ударов отбросила Кообо назад, но когда Аксель попытался развить преимущество, Кообо встретил его стремительным апперкотом, отбросив Акселя на спину.

В голове Макса Стоуна вспыхнул осколок прошлого.

"Старые добрые времена, старые друзья", – улыбнулась Блейз, чокаясь бокалом с остальными.

"Слышал, ты собираешься домой, Адам?" – спросил Аксель.

Адам кивнул. "Мама переехала в Иллинойс. На пару месяцев поеду в Детройт, в ежегодный отпуск, а потом вернусь в Вашингтон, округ Колумбия."

"Всё ещё работаешь в ФБР?"

"Да. Даже если Синдиката больше нет, всегда найдутся преступления, требующие внимания."

"Что ж, удачи тебе, друг, – сказал Аксель. – Не забывай звонить. И если повстречаешь доктора Зана, напомни ему, что он всё ещё должен мне пятьдесят баксов."

Адам рассмеялся и взял себе ещё лазаньи.

Блейз допила второй стакан виски и наполнила третий.

"Когда я вырасту, – сказал маленький Макс, – я хочу быть бойцом ФБР! Ты научишь меня, Адам?"

"Конечно, – сказал Адам. – Если мама не будет против."

Блейз улыбнулась. "Конечно, нет."

После ужина Тина помогала Блейз мыть посуду, а Аксель вытирал. Пока они были вместе, Адам, словно заправский иллюзионист, развлекал Макса фокусом с исчезающими пенни. Каждый раз, когда мальчик разжимал ладонь, в ней оказывалось на одну монету меньше. И вот, остался последний пенни: "Держишь крепко?" – спросил Адам с лукавой улыбкой. Когда Макс открыл ладонь, вместо медной монетки там лежал блестящий десятицентник. "Как ты это сделал? Мама, как он это сделал?" – восторженный вопль Макса донёсся из прихожей.

Блейз подала ему пальто. "Спасибо, что зашли", – сказала она с лёгким румянцем

на щеках, вызванным виски.

"Вы мои лучшие друзья", – Адам с теплотой улыбнулся и по-мужски крепко обнял Акселя. – "Буду по вам скучать". Он нежно поцеловал Блейз и Тину в щеку, а затем, без лишних слов, сел за руль своей машины.

Блейз, Аксель, Макс и Тина махали ему вслед, пока его машина не скрылась за поворотом.

"Ладно, ребят, пора домой", – сказал Аксель. – "Уже поздно..."

– Нет, – твёрдо произнёс Макс Стоун. – Так неправильно. Я этого не хочу.

Кообо уставился на него. – Сыны Тьмы всегда будут защищать тебя, Макс. Ты же знаешь. Аксель Стоун должен умереть здесь и сейчас, оставив после себя лишь прах своих неудач. Этот момент запомнится нам надолго.

Он занёс руку для смертельного удара.

– Папа! Нет! – закричал Макс и бросился на Кообо, сбив его с ног.

Флойд, увидев это, ринулся в атаку, обрушив свои кибернетические руки на лицо Кообо, отбросив его назад.

Акселю Стоуну хватило мгновения, чтобы подняться и нанести свой коронный апперкот.

– ГРАНД АППЕРКОТ!!!!!!

И вдруг из изуродованного, словно череп, лица Кообо вырвался стон. Звук, в котором сквозила настоящая боль. Из его нагрудника посыпались искры, а изо рта, сквозь стиснутые зубы, повалил густой чёрный дым. Каким бы стойком он ни пытался казаться, роботизированные системы взвыли от боли. Внутренняя диагностика не оставляла сомнений.

– Сыны Тьмы ещё покажут вам... – прохрипел он, и, когда он снова попытался поднять свой кулак в знак непокорности, рухнул навзничь на пол, превратившись в груды искорёженного металла. Он отчаянно пытался пошевелиться, но смог лишь слегка повернуть голову и замер. Мучениям пришёл конец.

– Прощай, Кообо, – тихо сказала Блейз Филдинг. Она протянула руку и нежно коснулась щетинистого лица Акселя, на котором был высечен отпечаток боли, которую он вынес ради всего, что ему дорого. Он заплатил за этот момент высокую цену – и продолжает платить до сих пор. Воспоминания о крови и ярости захлестнули его, и, увидев её взгляд, он понял, что она всё понимает.

Макс Стоун смотрел на них, а Черри Хантер обняла его за плечи, и он устало улыбнулся.

Полицейский участок Вуд-Оук-Сити
48 часов спустя

– Я вижу, как Вуд-Оук-Сити, словно феникс, восстанет из этой пепельной пропасти, – торжественно произнесла Блейз, сидя в полумраке своего офиса, где на стене мерцал зловещим светом плазменный экран, транслирующий новости Л.Лизы. Бегущая строка кровоточила словами: "КОРРУПЦИЯ ТРУОНГА РАЗОБЛАЧЕНА: Полицейское управление отрицает причастность к культу". Мерфи, словно тень, примостился за своим столом, погребённый под лавиной бумаг, накопившихся после кошмара в особняке.

На мгновение Блейз погрузилась в бездонный омут личной скорби. – Это лишь начало кошмара", – вырвалось у неё, возвращая Мерфи к реальности. – Возможно, Кообо низвергнут во тьму в Вуд-Оук-Сити, но щупальца секты простираются далеко за пределы этого города, отравляя мир. – Она выключила экран, и в тусклом свете офиса проступила фотография – поверженное тело Кообо, запечатлённое перед тем, как его унесли в ледяные объятия морга.

Официальные заявления о коррупции в Сити-Холле и её тайной связи с деяниями Кообо оставались за семью печатями. После ареста Труонга и штурма особняка, бульварные газеты захлебнулись в потоке скандальных домыслов, но комиссар Бернштейн, словно каменная глыба, хранил молчание, твердя, что расследование продолжается, и общественность не нуждается в лишних деталях, пока его детективы не закончат свою кровавую жатву.

"Слишком много душ поглотила ненасытная тьма, воцарившаяся во время правления Кообо", подумала Блейз. Она видела боль в глазах родных жертв, говорила с ними. Большинство из них жаждали лишь одного – забыть и жить дальше, похоронив прошлое под грудой бесчисленных трагедий. Но для неё это было непозволительной роскошью. Слёзы, словно кипяток, обжигали её лицо. Блейз выглядела измученной, сломленной, гораздо более хрупкой, чем когда-либо видел её Мерфи. Глядя на неё, он мог лишь смутно представить, что творилось в душе этой женщины, узнавшей, что её собственный сын чуть не стал жертвой культа Сынов Тьмы. Судя по её собственному отчёту о событиях той ночи, это был момент невыносимой семейной драмы. Мерфи поднялся и осторожно коснулся её плеча, словно боясь разбить хрупкую тишину.

– Мне очень жаль, Блейз, – прошептал он. – Всё наладится. Мы поступили правильно, уничтожив Кообо. Это важный, хоть и первый шаг, верно?

Её плечи, обычно прямые и гордые, содрогнулись от горя, выплескивая наружу то, что она так тщательно скрывала. Затем она глубоко вздохнула, вытерла слёзы тыльной стороной ладони, собирая осколки воли. С трудом усвоенная ментальная дисциплина возвращалась к ней, словно доспехи, защищающие от тьмы. Она оценила дружескую поддержку Мерфи, но у неё будет время оплакать утраты позже. – Верно. Мы должны двигаться вперёд. Продолжать идти. – Она кивнула сама себе, словно давая себе приказ.

Он приблизился к ней, понизив голос.

– Есть какие-нибудь новости от Адама Хантера и Эстель Агирре?

Она отрицательно покачала головой и посмотрела на него.

– Нет. Пока нет.

– Ну, они бы постарались сделать всё возможное в Мозамбике, – сказал Мерфи, нахмурившись. – Знаешь, мне бы не помешал перерыв в бумажной работе. Это займёт недели.

Блейз Филдинг изобразил понимающую улыбку. Её тревога сменилась оптимизмом.

– Обычно они хорошо разбираются в сути вещей, – сказала она. – Адам скоро свяжется со мной.

Преклонив колено рядом с бездыханным телом Эстель, Адам Хантер вперил взгляд в измученное лицо культиста. Смуглая кожа его была испещрена десятками V-образных шрамов, словно клеймом варварского племени. Золотые зубы оскалились в хищной усмешке, блеснув в тусклом свете. В руке дрожал потёртый "Макаров" – советский пистолет, пережиток ушедшей эпохи.

– Время истекло, спецназовец. Твоя шлюха мертва. Поднимайся, – прошипел культист, нервно взмахнув оружием, отступая.

Не будь проклятой раны, Адам в два счёта сократил бы дистанцию и обезоружил его. Проще простого. Нужна лишь готовность действовать мгновенно и бесстрашно. Но кровь, горячей струей стекавшая по бедру в ботинок, сковывала движения, превращая каждый шаг в муку. Он поднялся, стиснув зубы от пронзительной боли, простреленная нога горела огнём.

– Вы должны отвести меня к своему боссу, – прохрипел Адам, стараясь говорить как можно тверже. – За меня дадут хороший выкуп. Солидный.

– Для тебя – лорд Уракабарамизель! – плюнул культист в ответ, нанося удар тыльной стороной ладони по виску. Мощный, расчётливый удар, лишивший Адама равновесия и заставивший перенести вес на раненую ногу. – Я сражаюсь за него на своей земле. "Сыны Тьмы" – это моё право по рождению. Не то что ты. Очередной тупой западный свинопас, приехавший в Мозамбик убивать африканцев за деньги.

– Вы меня не поняли, – выдохнул Адам, стараясь скрыть гримасу боли. – Я приехал сюда, чтобы найти лидера безжалостной секты убийц, стремящейся промыть людям мозги.

– Ха! Ты подтверждаешь мои слова. Здесь у тебя нет друзей, американец. Это священная земля для нас, потомков Дзёмона. Истинные Сыны Тьмы понимают важность работы лорда Уракабарамизеля здесь.

Внезапно в позе культиста появилась какая-то расслабленность, агрессия отступила на пару градусов, дуло "Макарова" слегка опустилось.

– Так вы выкапываете древние артефакты шиноби? Насколько это может быть важно?

– Дзюцу Миджина показало, что такие вещи способны даровать величайшую силу. Разве ты не знаешь, что это было единственным источником магической технологии вашего собственного Синдиката? Лорд Уракабарамизель был великодушен, позволив близнецам использовать их в своих целях. Но теперь мы собираем их вместе вновь.

– Похоже, они будут хорошо смотреться в витрине, – сказал Адам, попытавшись выпрямиться, несмотря на обжигающую боль. Ему нужно было сравняться с культистом, как физически, так и психологически.

– Только сам лорд Уракабарамизель достоин владеть этими артефактами. Но я полагаю, они могли бы...

Адам заметил, как улыбка на лице культиста сменилась задумчивым выражением. Тот прикусил нижнюю губу. Рука с пистолетом опустилась ещё на дюйм или около того. "Ещё мгновение, и ты мой", подумал Адам.

Культист вдруг расхохотался. Резкий, циничный звук.

– Хватит отвлекаться. Скоро ты присоединишься к своей мёртвой подружке. Но напоследок ты сам увидишь, как ошибался во всём, что когда-либо знал, невежественный поросёнок. А теперь – марш!

Ствол "Макарова" вновь угрожающе дёрнулся, целясь Адаму прямо в живот. Подгоняемый оружием, Адам двинулся вперёд, прихрамывая, к поляне, где их ждала банда вооружённых до зубов культистов. Возраст – от мальчишек шестнадцати лет до мужчин тридцати с небольшим. В руках каждого – автомат Калашникова, грубо сработанный из лакированной фанеры и штампованной стали, но достаточно надёжный, чтобы десятилетиями служить боевым оружием в десятках стран и сотнях ополчений по всему континенту и далеко за его пределами. Эти советские винтовки, казалось, комично громоздкими в руках юных фанатиков, но Адам слишком хорошо знал, как африканские военачальники лишали своих пленников личности, превращая их в бездушных солдат, готовых не только носить оружие, но и использовать его без

малейших угрызений совести. Так они удерживали еду в желудке, а одежду на спине.

И, что самое главное, кровь в венах. На бёдрах у каждого культиста висело мачете. Но внимание Адама приковал высокий, поджарый мужчина с экстравагантной причёской афро, удерживаемой полоской ярко-алого атласа. В его руках – ручной пулемёт, с казённой части которого свисал патронный пояс с длинными латунными гильзами. Ещё два ремня крест-накрест пересекали его торс. Заметив, как Адам рассматривает оружие, он ухмыльнулся и окликнул:

– Нравится? Моя малышка. Не это русское дерьмо. И не китаянка. Знаешь, кто она?

Адам, обладавший фотографической памятью на пехотное оружие, независимо от производителя, предпочел промолчать. Мужчина, явно наслаждаясь произведенным эффектом, приблизился и ткнул дулом пистолета Адаму в лицо.

– Южноафриканка. Как тебе такое? SS-77. Семь и шестьдесят две сотых.

– Впечатляет. Неожиданный выбор оружия для сектанта. Где вы её достали?

Мужчина расхохотался. Звук был низким, утробным рокотом. – Может, испытать её на тебе? Что скажешь?

– Я скажу, что живой я для вас ценнее, чем мёртвый. У меня есть связи... в правительстве США.

Высокий мужчина, всё больше походивший на их лидера, на мгновение замер. Преувеличенно театрально почесал подбородок, надул губы и посмотрел вверх, словно обдумывая философский вопрос. Затем снова взглянул на Адама. Потом опустил взгляд на его ногу.

– Это что, один из наших АК? Должно быть, больно, а?

– Бывало и хуже. В Бразилии меня как-то отмузузили хулиганы. Вот это было действительно больно.

Мужчина наклонился и ткнул длинным пальцем в повязку, заставив Адама вздрогнуть. – Ну вот. Нельзя позволить тебе говорить, что мозамбикские парни не умеют как следует стрелять, а? – Затем, без всякого предупреждения, он отступил назад и со всей силы пнул Адама по ране.

Адам издал хрип, словно раненый зверь, и обрушился на землю, судорожно вцепившись в бедро. Багровая волна расползлась по ткани брюк, пропитывая её насквозь, предвещая неминуемую гибель. На этот раз смех, сорвавшийся с глоток мучителей, был неподдельным, звенящим триумфом. Палач отвесил издевательский поклон, утонув в громовом рёве аплодисментов, свисте и топоте ботинок.

Реальность меркла, распадаясь на осколки. Боль обжигала мозг, взрываясь каскадами света, а смех превратился в зловещий гул, доносящийся из бездонной пропасти.

"Вставай, Хантер. Не умирай без боя."

Пулемётчик, словно хищник в клетке, нарезал круги вокруг жертвы, подбадривая своих приспешников взмахами рук. SS-77 зловеще свисал с его плеча на самодельной перевязи из грубой кожи. Двое громил сжимали в потных ладонях рукоятки своих мачете, готовые к кровавой жатве. Адам, не разжимая пальцев на кровоточащей ране, нашарил в голенище сапога рукоять своего верного друга – чёрного керамического тактического ножа. Этот клинок прошёл с ним сквозь огненные шторма, взбирался на ледяные вершины Гималаев, сеял смерть в цитадели мистера Икс, когда рухнула империя Синдиката. Он знал, что обречён. Но за свою жизнь он заплатит дорогой ценой.

Выждав момент, когда палач, завершив свой круг, вновь окажется в пределах досягаемости, Адам одним молниеносным движением извлек нож из потайных ножен.

Лезвие, словно смертоносная молния, рассекло воздух, нацелившись в ахиллесово сухожилие врага.

Раздался жуткий хруст рвущихся тканей, и вопль агонии разорвал тишину. Одновременно с этим удар перерезал заднюю большеберцовую артерию. Фонтан алой крови хлынул из раны, окатив Адама и ближайших культистов багряным дождём.

Собрав последние силы, Адам поднялся, навис над поверженным врагом и вонзил нож ему прямо в глаз, пробивая кость черепа и устремляясь в мозг. Раздался отвратительный хлюпающий звук лопнувшего глазного яблока, и струя мутной жидкости брызнула Адаму в лицо. Тело культиста содрогнулось в предсмертной конвульсии, спина выгнулась дугой, а затем обмякла, безжизненно рухнув на окровавленную траву.

Двое или трое других культистов, обезумев от ярости, бросились вперёд, выхватывая пистолеты, вскидывая "Калашниковы" и обнажая свои мачете. Но внезапный, пронзительный крик заставил их замереть. Все взгляды обратились к источнику звука.

Сквозь колючие заросли, словно видение, возникла Эстель Агирре. Живая. По бокам её головы зияли выбритые участки, а на макушке красовались десятки заплетённых в тугие косички ярко-жёлтых прядей. Она была поразительно красива: смуглая кожа, чувственный рот, завораживающие золотисто-карие глаза и прямой нос с трепещущими ноздрями. Кровь струилась по одной стороне её лица, выдавая свежую рану на голове.

– Хватит! – взревела она и, словно танцующая смерть, обрушила летящий удар, отправив половину сектантов в объятия земли.

Адам, воспользовавшись замешательством, издал утробный рык и впечатал кулак в чужое лицо. Но взгляд его метнулся вверх, пронзая тишину. Он услышал это. Низкий, зловещий гул, который мог издавать лишь один хищник небес.

Боевой вертолёт "Апач".

Эстель проследила за его взглядом. – Чёрт! – выплюнула она, её голос потонул в нарастающем рокоте. – В укрытие!

Она оттолкнула его к спасительным деревьям, в то время как оставшиеся культисты, обуянные безумием, палили в небо из своих АК-47. Каждая трассирующая пуля, словно предательский маяк, указывала цель встроенной системе теплового наведения.

Огромная, угловатая тень материализовалась над верхушками деревьев. Адам, затаив дыхание, различил маркировку на борту и выдохнул с облегчением. Свои!

Но времени на раздумья не было. "Апач", словно разъярённый сокол, накренился вперед, и второй пилот открыл огонь из 30-миллиметрового пулемёта M230. Тысячи раскалённых пуль, словно рой адских шершней, обрушились на деревья, укрывавшие сектантов.

Высокие пальмы и лиственные гиганты обратились в щепки за секунды. Ветви, словно сломанные кости, рухнули на землю, погребая под собой несчастный взвод культистов. Адам и Эстель, пригнувшись к земле, перекатились и поползли прочь из ставшего смертельной ловушкой укрытия. Он знал, что они в безопасности: наводчик, вероятно, использовал инфракрасное программное обеспечение для наведения, возможно, даже с наведением 30-миллиметровой пушки на его шлем. Главное – лежать неподвижно.

Казалось, прошла целая вечность, хотя, скорее всего, всего десять секунд, прежде чем пулемёт затих. Адам нашёл огромный обломок сгнившего бревна на краю высохшей глинистой стены и спрятался за ним. Он чувствовал, что экипаж "Апача" ещё не закончил свою кровавую жатву. И он был прав. С одного из креплений под короткими подкрыльевыми пилонами сорвалась ракета. Со свистящим рёвом, словно предвестник

апокалипсиса, ракета класса "воздух-земля" стоимостью в сотню тысяч долларов, оставляя за собой белый дымный след, устремилась к центру уничтоженной рощи и взорвалась с убийственно громким грохотом.

Вспышка была такой яркой, что Адам на мгновение ослеп, даже несмотря на то, что прикрывал голову руками. Мелкий дождь из щепок, грязи и красных ошметков испарившейся плоти пронёсся над местом взрыва и покрыл его липкой, отвратительной массой, прилипшей к его вспотевшей коже. В воздухе витал тошнотворный запах: горелая плоть, стоячая вода и гниль.

Сегодня сектантам лорда Уракабарамизля не суждено было никого взять живым.

Мужской голос, голос американца, усиленный и искажённый громкоговорителем, прогремел над поляной. Голос исходил из "Апача". – Оперативный сержант Адам Хантер, сержант Эстель Агирре, назовите себя. Это лейтенант морской пехоты США Джексон Слейтер. Повторяю. Оперативный сержант Адам Хантер, сержант Эстель Агирре, назовите себя.

Адам, преодолевая боль, поднялся на ноги. Он ухватился за обломок шестифутовой ветви, словно за спасительную соломинку, и, используя её как грубый костыль, поковылял к центру поляны. Мгновение спустя появилась Эстель, отчаянно жестикулируя в сторону "Апача". Адам, подняв свободную руку, помахал ей в ответ. В её взгляде читалась изнуряющая усталость, а затем она прикрыла глаза от вихря пыли и песка, взметенных в воздух лопастями винта. Широкие пальмовые листья трепетали в нисходящем потоке, добавляя свой шелест к грохочущей какофонии вертолёт.

"Апач" замер в воздухе, не касаясь земли. Громкоговоритель всё ещё был включен, и до Адама донеслись обрывки переговоров между пилотом и командным центром. Затем второй голос, с густым тexasским акцентом, прорезал дымную тишину поляны.

– "Аллигатор-три", это "Синий-один". Визуальное подтверждение: с ними всё в порядке. Высылаем вертолёт для медицинской эвакуации.

– Вас понял, "Синий-один". Оpozнание обоих объектов – Адама Хантера и Эстель Агирре – положительное. Вертолёт для медицинской эвакуации в пути. Обеспечиваем прикрытие. "Аллигатор-три" на связи.

– Вас понял, "Аллигатор-три". "Синий-один" на связи.

– Вы слышите? – проревел голос пилота, теперь в нём звучала неприкрытая тревога.
– Вас эвакуируют. Готовьтесь.

Адам снова помахал рукой и, прихрамывая, вернулся к своему бревну, чтобы сесть и ждать.

– Мистер Хантер, сэр. Вы меня слышите?

Адам открыл глаза. Рёв винтов санитарного вертолёт без шлема был оглушительным. Ему пришлось запрокинуть голову, чтобы расслышать слова американского майора. От него сильно пахло одеколоном, резкий лимонный аромат которого выделялся на фоне запаха авиационного топлива, машинного масла и затхлости, исходившего от металлических конструкций и брезентовой обшивки военно-транспортного средства.

– Как Эстель? – спросил он.

– С вашей напарницей всё будет в порядке. У неё несколько серьёзных ушибов. Наш медик только что закончил зашивать ей рану на голове. Вытащил немного коры. Лёгкое сотрясение мозга. Без свинцового отравления, надеюсь? – Майор расхохотался, обнажив ряд безупречно ровных белых зубов, сверкнувших под усами.

Адам попытался приподняться на локтях, но дородный офицер, словно придавив его

огромной ладонью-блюдецм, уложил обратно на пол вертолѐта.

– Мне нужно её увидеть, – прохрипел Адам.

– Тогда поверни голову. Вот она.

Адам повиновался. Эстель лежала, щекой прижавшись к полу, чтобы он мог видеть её лицо. Веки сомкнуты, на макушке – грубая полевая повязка. Адам видел едва заметное колыхание груди. В памяти всплыл кошмарный случай, когда он едва не отправил живого человека в могилу.

– Хорошо, что ты не гробовщик, Хантер. Ты бы похоронил её заживо.

– А как насчет меня? – спросил он, вытягивая шею, чтобы взглянуть на своё бедро.

– Вот почему тебе нужен покой. Артерии целы, но вряд ли тебе хочется бегать с калашниковым патроном в бедре, верно?

– Как вы нас нашли?

– Эстель передала по радио запрос на подкрепление, плюс вы активировали свои персональные GPS-навигаторы. Ближайшими оказались морпехи, им и передали ваши координаты. Поисково-спасательные операции, конечно, ваша специализация. Но они были не против поучаствовать в реальных учениях, тем более, с таким известным ветераном Firestorm.

Адам устало улыбнулся и кивнул.

– Мы доставим вас в казармы Миканго. Там отличная команда травматологов. Подлатают тебя, и как только ты встанешь на ноги... что дальше?

– Нужно связаться с нашими. У нас ещё остались незаконченные дела здесь, в Мозамбике. То, ради чего мы вообще ввязались во всё это. Уракабарамизель.

– Эти сектанты хорошо организованы. Желаю удачи тебе и твоим друзьям.

С этими словами майор поднялся и направился к пилотам, оставив Адама под бдительным присмотром санитаров.

В военном госпитале, в стенах казармы Миканго, судьба на время разлучила Адама и Эстель: её повели на сканирование мозга, а его – на экстренную операцию, укрощать рану, зияющую в бедре, словно багровая пасть. Вынырнув из омута наркоза, Адам рывком сел на койке, стон сорвался с губ, эхом отозвавшись в голове, затуманенной лекарствами, и он снова рухнул на подушку.

– Эй! – позвал он настойчивым шѐпотом. – Эстель. Ты в порядке?

Она вздрогнула, словно отмахиваясь от призрачного насекомого, ползущего по щеке, и пробормотала:

– Что? Это ты, Адам?

– Да, это я. Господи, я думал, что потерял тебя.

– Я тоже... Тебя, в смысле. – Она приоткрыла один золотистый глаз и сфокусировала взгляд на расстоянии в ярд, разделявшем их койки. – Их было так много... Наверное, меня приложили по голове. – Она потянулась и коснулась повязки на макушке, болезненно вздрогнув, когда кончики пальцев инстинктивно нащупали пульсирующую боль под бинтами.

– Считают, что просто сотрясение, – сказал Адам.

– А ты?

Он потянулся под одеялом к перевязанной ноге, затем повернул голову к прикроватной тумбочке, где, словно миниатюрный медный обелиск в стеклянной чашке Петри, покоился патрон от Калашникова, опалённый его собственной запекшейся кровью.

– Я в порядке. Просто немного не в себе. Небольшая такая колющая боль, вот и всё. На самом деле, такое чувство, будто носорог протаранил ногу рогом, но, полагаю, ты и без меня это видишь...

– Не надо сказок. Я всегда чувствую, когда ты врёшь. – Ничего, вихрь в камере Aias всё исправит, когда мы вернёмся к цивилизации, – он понизил голос до хриплого шепота. – Теперь, когда мы знаем, что происходит, нужно связаться с Блейз и остальными.

– Согласна. Мы вместе сотрём Уракабарамизля в порошок и развеём к чертям всё это дерьмо с Сынами Тьмы.

– Молю Бога, чтобы ты была права. Потому что у меня сейчас и без того головная боль размером с материк, и мне действительно нужно поспать.

– Тогда спи. У меня есть план, но он может подождать, пока ты не будешь готов его выслушать. – Голос Эстель звучал откуда-то издалека, пропитанный вселенской усталостью.

– Хорошо. У тебя всегда есть план. Расскажешь позже.

Через несколько мгновений она уже тихо посапывала. Адам откинулся на подушку, устремив взгляд на медленно вращающийся над головой вентилятор. Когда они снова встанут на ноги, им предстоит серьёзная битва.

И он провалился в сон.

11

Четвёртая База Синдиката

Операционный зал вздымался узким колодцем, стены которого оплетали хитросплетения компьютерных консолей. На каждой поверхности мерцали тонкие экраны, а сверху, словно жуткие трофеи энтомолога, нанизанные на невидимые булавки, свисали голографические проекторы, напоминающие растопыренные лапки насекомых. Откидные сиденья между пультами управления и связи намекали на возможность размещения множества людей, но сейчас в этом кибернетическом коконе обитали лишь две фигуры.

Шива колдовал над панелью, вдыхая жизнь в голограмму. Неподалеку, Яша, излучая небрежную незаинтересованность, словно ленивая кошка, теребила свободный конец пояса, свисавшего с её полукафтана, расшитого треугольными пластинами брони. Она, как тень, сопровождала Шиву на базе, исполняя роль личного ассистента, и он был рад этому устоявшемуся порядку. И всё же, его не покидало ощущение, что за этой показной расслабленностью скрывается пристальный, оценивающий взгляд.

Смуглокожая восточная красавица удостоила его прохладного кивка, на долю мгновения высвободив из-под каскада иссиня-чёрных волос взгляд тёмных, как омут, глаз. Яша и её сестра-близнец, Онихиме, казались ему танцовщицами, окутанными аурой грации, той неуловимой лёгкости, что скрывает смертоносную остроту, отточенную десятилетиями опыта.

Её кибернетические ноги, творение DahmCo, обнажённые и скрещенные перед ней, поражали своей красотой и функциональностью. Длинные, идеально отполированные, они напоминали каркас гоночного мотоцикла, изогнутые и сбалансированные до

совершенства.

Стоя, она словно балансировала на невидимых пуантах, грациозная кибер-балерина. Идеальная замена утраченным человеческим ногам, отнятым жестокими войнами Синдиката много лет назад.

Приглушённый звук пробуждающейся голограммы вырвал Шиву из плена размышлений. В воздухе перед ними возникла векторная модель здания в стиле модерн, изящно вращающаяся вокруг своей оси. Леон Шива шагнул к краю лазерного сияния, и цветные блики отбросили резкие тени на его волевое лицо.

– Разведка засекла одну из наших приоритетных целей, – начал он. – Здесь. Крепость Уракабарамизэля. Мозамбик.

Он коснулся панели управления, и изображение расплылось, трансформируясь в череду призрачных кадров. На нескольких из них запечатлен человек в декоративной маске, скрытый глубоким капюшоном.

– Это он. Лорд Уракабарамизэль, мировой лидер культа Сынов Тьмы.

Яша лишь удивленно приподняла бровь, храня молчание.

– Этот... человек, – продолжил Шива. – О его истинной личности известно немного, но артефакты шиноби, которые мы ищем, очевидно, являются источником его силы. Близнецы Игрек знали об этом, но их методы были небрежными, недальновидными, и они боялись завладеть ими. Нейтрализация Уракабарамизэля и возвращение этих артефактов – критически важный шаг к успеху проекта "Зулу". С этими артефактами в руках, ничто не сможет помешать нам осуществить глобальный когнитивный сдвиг по моему замыслу, и культ Сынов Тьмы канет в Лету. Само их существование – зияющая рана на теле глобальной стабильности, прямая угроза проекту "Зулу". С ними необходимо покончить. Ты понимаешь это, Яша?

– Это означает... их тотальное устранение? – уточнила Яша, стараясь говорить предельно ясно.

Шива кивнул. – Не сомневайся. Мы имеем дело с опаснейшим человеком. Лорд Уракабарамизэль опутал своими щупальцами целую сеть культистов по всему миру, стремящихся к тотальному контролю над разумом. Это не мальчик из церковного хора.

– Я и не думала.

– Разумы людей больше не должны быть затуманены сказками ничтожных существ. Как единственный homo universalis, я займу положенное мне по праву место – место истинного бога человечества. – Шива выдержал паузу, давая словам проникнуть в сознание Яши. – Этого достаточно? – тихо спросил он.

Она встретила его взгляд. – Как всегда, Леон. Мы с сестрой преданы тебе более двадцати лет, с тех самых пор, как мы впервые клонировали тебя, вернув из мёртвых.

Уголки его губ тронула едва заметная улыбка. – Действительно, Яша. Сегодня утром я встречался с доктором Дамом. Он так похож на своего отца... Его инженерные таланты будут бесценны в грядущие годы, если мы сумеем сохранить нашу тайну.

Она кивнула. – Когда придёт время, мы выйдем из тени, подобно вернувшимся богам древности. Возможно, титан Кронос наконец пробудился от сна в недрах Тартара.

Шива оценил аналогию, ощущая прилив восторга от того, что до этого дня они были в безопасности здесь, у подножия дремлющего вулкана. Его жизнь несоизмеримо длиннее жизни обычного человека. Его наследие будет жить вечно. – Наша работа станет предметом легенд. В этом нет сомнений. – Яша замолчала на мгновение, её взгляд задержался на голографическом изображении лорда Уракабарамизэля. – Ты присоединишься к нам в Мозамбике? – спросила она.

Он положил руку ей на плечо. – Ты же знаешь, что я буду там. Эти артефакты шиноби не должны попасть в чужие руки. С подобными вещами нужно разбираться лично.

Шива вглядывался в экраны, выхватывая взглядом детали из досье Уракабарамиеля, подтверждающие его связи с японскими преступными синдикатами, включая Zeed. Перед его глазами мелькнула фотография его старого коллеги, Руки.

– Данные по заданию загружаются в ваши персональные планшеты, – произнес Шива. – Возьмите оружие для скрытной операции в арсенале и через пятнадцать минут – сбор на взлётной полосе.

Субашири, Япония
29 декабря

Джо Мусаси, скрестив руки на груди, погружённый в думы, медленно прохаживался по тесному двору. Предрассветный холод пронизывал его до костей, заставляя плечи невольно сгибаться, а тело тосковать по знойному дыханию лета. Пятьдесят лет, Вознесённый Мастер Оборо Додзё, один из самых почитаемых учителей – годы оставили свой отпечаток на его лице, но не сломили дух. На нём было кимоно цвета дымчатых сумерек, подчеркивающее его статную фигуру, и пара мечей. Короткий вакидзаси притаился за оби, а длинная катана, чьи ножны из чёрного лакированного бамбука зловеще выступали за спину, намекала на скрытую мощь. И даже в этом почтенном возрасте старый мастер-шиноби находил время для безупречного внешнего вида – его длинные волосы были тщательно собраны в традиционный самурайский промасленный пучок на макушке, ни единая прядь не выбивалась из строгой причёски.

На противоположном конце сада тень, словно призрак, скользнула по стене и бесшумно растворилась в ветвях старой вишни, не потревожив даже листву.

Мусаси, погружённый в свои мысли, прошёл мимо пруда с карпами, не удостоив их даже мимолётным взглядом. Слишком рано, слишком темно, чтобы разглядеть их яркие, живые цвета.

В дальнем конце сада он опустился на колени перед древней статуей, изображавшей Арика Мусаси – одного из его далеких предков из племени Дзёмон. Колени погрузились во влажную землю, и он склонил голову в искренней молитве.

Тем временем тень кралась выше по стволу вишни. Мокрые от дождя листья и скользкая кора представляли опасность, но для шиноби препятствий не существовало. Его руки и ноги находили опору там, где простой смертный видел лишь гладкую поверхность.

Над тропинкой, соединяющей пруд с карпами и дом, нависла толстая ветвь. Ассасин, словно пантера, растянулся на ней всем телом, сливаясь с окружающей тьмой. Он двигался, не сбив ни единого листа, становясь частью ночи. И там, в засаде, он замер в ожидании.

Минуты тянулись бесконечно. На востоке небо начало алеть, предвещая скорый рассвет.

В пруду плеснула рыба, нарушив тишину сада нежным всплеском. Губы Мусаси беззвучно шептали слова молитвы.

Из-под капюшона шиноби, словно угли, мерцали чёрные глаза.

С первыми лучами рассвета Мусаси завершил свою утреннюю молитву. Он поднялся, стряхнул с кимоно прилипшие листья и, нахмурившись, заметил темные влажные пятна на коленях. Махнув рукой, он кивнул статуе в знак прощания и повернулся к деревянному дому, своему личному пристанищу.

Дыхание шиноби замедлилось, и даже складки его тёмно-синей туники замерли.

Мусаси, не останавливаясь, прошёл мимо пруда. Как только он ступил под нависшую ветвь вишни, убийца прыгнул на тропинку с легким треском ломающейся ветки и невесомо коснулся его плеча.

Издав сдавленный крик, Джо Мусаси мгновенно развернулся, инстинктивно выхватывая катану из ножен и нанося стремительный удар.

Руки шиноби взметнулись в защитном жесте, и лицо старого мастера сначала напряглось, а затем смягчилось, словно он узнал своего противника.

– Морицунэ! – воскликнул Мусаси, опуская меч. – Сколько раз я должен тебе повторять? Есть время и место для тренировок. Не хотелось бы, чтобы ты случайно лишился головы.

Чёрные глаза под капюшоном сверкнули. – Я перестану делать это в тот день, когда не смогу тебя удивить, отец.

Мусаси нахмурился и убрал меч обратно в ножны. – Ты опять всю ночь где-то пропадал? Я думал, ты должен был сегодня утром присмотреть за лошадьми своей матери?

Морицунэ опустил ткань, закрывавшую его рот, и откинул капюшон на плечи. Ему было около двадцати, и он был поразительно красив – вылитый молодой Мусаси, тренировавшийся когда-то под руководством самого Харады Маэдзуми. – Я не отвечаю на подобные вопросы, помнишь? Я пришёл передать сообщение. Блейз Филдинг пытается связаться с тобой по голосети. Говорит, это срочно.

Воспоминания вихрем пронеслись в голове Мусаси. Блейз Филдинг... Её имя было эхом давно ушедшей эпохи. Он знал её с тех времён, когда одолел Нео Зида в далеком 2018 году. Нео Зида, чья жестокость оборвала жизнь Харады и бросила в темницу его юную невесту Наоко. Какое это было безумное приключение! Рука, Повелитель Драконов... Сколько врагов пало в те дни, и Блейз всегда была рядом, плечом к плечу. Войны синдикатов – кровавая, безжалостная вакханалия, оставившая незаживающие раны на теле мира. Но после её свадьбы с Акселем Стоуном, на которой он лично присутствовал в Лос-Анджелесе в 2021 году, от неё не было ни слуху ни духу. Если она обратилась к нему сейчас, значит, стряслось нечто из ряда вон выходящее. Что-то, глубоко укоренившееся в их прошлом.

– Прекрасно, – произнёс он, отгоняя наваждение. – Я воспользуюсь компьютером в своём кабинете, чтобы связаться с ней.

– Уракабарамизель, – прошептал Мусаси, опуская взгляд.

Голографические излучатели в комнате передавали в воздухе чёткое, мерцающее лазурью лицо Блейз Филдинг. Высокое разрешение трансляции, казалось, позволяло разглядеть каждую пору её кожи, каждую морщинку вокруг глаз. Она вела репортаж в прямом эфире из своего кабинета в Вуд-Оук-Сити, где работала в лаборатории ZanTech. В выражении её лица сквозила надежда, смешанная с печалью. Глаза, некогда лучистые и полные задора, теперь потемнели, храня в себе груз забот и тревог, неведомых Мусаси два десятилетия назад.

– По нашим данным, Сыны Тьмы ведут активные поиски древних артефактов шиноби, проводя раскопки на поселениях эпохи Дзёмон по всему миру, – вещала Блейз. – Мы уже знаем, на что способны эти артефакты. Один из них, Дзюцу Миджина, стал основой для технологии контроля сознания, которую использовал Синдикат Игрек. И, конечно, мы оба помним, какую силу таит в себе сущность дзюцу.

– Уракабарамизель был лидером древних Дзёмон, – пояснил Мусаси. – Согласно легенде, великие короли прибыли в Японию из далекой страны и одарили наш народ

магией ниндзюцу, передав нам вместе с ней и артефакты. Говорят, эти артефакты – живые реликвии самих богов.

Блейз кивнула, нахмутив брови. – Этот миф известен всем. Скорее всего мы имеем дело с самозванцем, с искусным манипулятором, играющим на извечной человеческой потребности верить во что-то. Он выдаёт себя за мифическую фигуру, используя магию ниндзюцу, заключённую в артефактах, чтобы убедить людей в своей "силе". Именно это придаёт Сынам Тьмы ореол таинственности и привлекательности, объясняя их растущее влияние во всём мире. То, как его идеи распространяются по городам, словно зараза, достигли Вуд-Оука, искажая умы и привлекая толпы последователей, больше нельзя игнорировать.

Джо Мусаси глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Последствия... они были поистине ужасающими. – Если всё, что вы мне рассказали – правда, вам понадобится моя помощь в борьбе с Уракабарамием, – задумчиво произнёс он. – Вы поступили мудро, обратившись ко мне, мисс Филдинг. Я благодарен, что время не затуманило ваше восприятие. – На его губах скользнула едва заметная улыбка.

Голографическое изображение замерцало, когда Блейз энергично кивнула. Казалось, её плечи покинул тяжкий груз. – Я рада, что вы так считаете, мастер Мусаси. Я полагала, что это напрямую касается додзё Оборо, учитывая вашу историю и связь с древними Дзёмон и артефактами. Я надеялась, что вы захотите принять участие в штурме вражеской крепости. Ваш опыт в магии ниндзюцу не имеет себе равных.

Мусаси склонил голову в знак согласия. Она, безусловно, была права.

– Я немедленно начну подготовку, чтобы присоединиться к вашей команде в Мозамбике, – сказал он. И тут его захлестнула волна ностальгии. – Должен признаться, буду рад снова увидеть вас всех.

Блейз искренне улыбнулась. – Куда летит время, не правда ли? Сколько всего произошло с тех пор, как мы виделись в последний раз, мой друг. Так много...

Он ответил ей улыбкой. – Я выслушаю все ваши истории при встрече. Я свяжусь с вами в свое время. А пока – до свидания, Блейз.

– До встречи, мастер Мусаси.

12

Мозамбик
25 часов спустя

Boeing Vertol CH-75 Titan крался над предгорьями, словно хищный зверь, скользя над самыми верхушками деревьев – казалось, ещё мгновение, и посадочные полозья зацепятся за голые костлявые ветви.

За два часа до рассвета непроглядная, чернильная ночь проглатывала даже тот приглушенный шёпот, что издавали винты, рассекающие воздух, превращая полёт в безмолвное скольжение тени.

Этот приземистый призрак не издавал ни звука. Внутри глухого, лишённого окон кокона, пилот управлял машиной, ориентируясь по потоку данных с множества датчиков, лазерного дальномера и глобальной спутниковой системы слежения ZapTech, рисующей в его сознании живую картину ландшафта, проносящегося внизу. Скользя ниже любого порога обнаружения радаром, вертолёт крался, словно зверь, припадая к земле, неумолимо приближаясь к своей цели.

Над металлическим полом грузового отсека, словно живая, парила голографическая карта, созданная Эстель Агирре. Аксель Стоун, державший проектор в руке, слегка повернул изображение, изучая расположение сторожевых башен, окружающих крепость культистов. Старая привычка – теревить короткую, взъерошенную бороду – выдавала

его глубокую сосредоточенность. Он всматривался в светящуюся красную проволочную сетку, словно надеясь, что виртуальное пространство вдруг откроет ему новый ключ к миссии.

– Пять минут до цели, Акс, – Адам Хантер подтолкнул его локтём, повышая голос, чтобы перекрыть ровный, утробный гул двигателей.

Аксель кивнул, бросив взгляд на своего старого друга. Они были как братья, хотя и являли собой разительный контраст. Высокий и жилистый Адам, с его мускулатурой, отлитой словно из стали, всегда казался стесненным в тесных объятиях транспортного вертолета или бронетранспортёра. Аксель, напротив, был коренастым, среднего роста. Адам был прирожденным атлетом, а Аксель скорее напоминал уличного бойца, но в такой заварухе, как эта, он не хотел бы видеть рядом с собой никого другого.

Аксель знал Адама ещё с тех пор, когда тот был зелёным юнцом, только поступившим в полицейскую академию Лос-Анджелеса в далёком 2008 году. С тех пор они прошли долгий путь, обзавелись друзьями и боевыми товарищами. Каждый член их команды был личностью, слепленной из разных осколков жизни. Блейз Филдинг, настоящее имя которой было Лез, эквадорка, стала жертвой секретного эксперимента Синдиката, который они разоблачили в 2015 году. Флойд, маори, получил в дар от доктора Зана кибернетическое оружие. А Черри, дочь Адама, была, пожалуй, самой одарённой воительницей из всех их детей.

Эстель не стеснялась слова "наёмник". Она считала это просто констатацией факта – тем, кем она была, тем, кем она стала, пройдя через все тяготы своего детства, проведённого где-то у подножия Пиренеев. Теперь Эстель зарабатывала на жизнь, служа в сердцеvine американского спецназа, предпочитая называть себя "военным подрядчиком". Звучало это, по её мнению, хоть немного мягче, учитывая опыт, который она хранила за семью печатями. Адаму Хантеру, её напарнику, всегда импонировала эта стальная закалка, выкованная годами тяжёлой работы и эмоциональных перегрузок. В отличие от Акселя, Адам был воплощением субординации и незыблемости принципов, ставшим для Макса Стоуна этакой стабильной отцовской фигурой в годы отсутствия Акселя на Аляске. Мысль о гражданской жизни просто не приходила ему в голову. Он находил себя именно здесь, в эпицентре событий, невзирая на боль и бесконечные командировки; это было его призвание.

Когда зловещая стрелка таймера миссии, маячившая в углу поля зрения Акселя, отсчитала последние четыре минуты, Адам кивнул остальным, и команда синхронно приступила к финальной проверке оружия и снаряжения.

Эстель с профессиональной грацией взвесила в руке штурмовую винтовку AACNoney Badger, висевшую на груди, машинально убедившись, что карусель с боеприпасами надёжно зафиксирована и поставлена на предохранитель. Закрыв глаза, она провела кончиками пальцев по гранатам и снаряжению, прикрепленным к разгрузочному жилету, словно совершая безмолвную переключку.

Флойд, не теряя ни секунды, запустил диагностическую программу для своих кибернетических рук. Каскад зелёных точек, рассыпавшихся по его расширенным зрачкам, свидетельствовал о полной боеготовности. Он сжал кулаки, ощущая прилив адреналина.

Блейз глубоко вздохнула. – Итак, дамы и господа. Время пришло. Готовьтесь к инъекциям. Не хочу никого видеть трясущимся или захлебывающимся кровью в самый разгар веселья. – Она извлекла из кармана шприц-ручку, напоминающую элегантный стержень, и помахала ею перед лицами товарищей.

В ответ её встретил строй хмурых взглядов и решительных кивков. Команда повторила её действия, введя себе дозу в запястье правой руки. Едва ошутимое покалывание пробежало по венам, когда в кровь хлынул коктейль из полевых лекарств – панспектральных антигенов, призванных противостоять любым стандартным боевым токсинам, противомаларийным препаратам и мягким боевым стимуляторам. Флойд ввёл себе инъекцию в бедро, поскольку руки были недоступны.

Аксель, воспользовавшись затишьем, сделал глоток тепловатой воды из фляжки, висевшей на поясе, и прополоскал рот. Он бросил взгляд на Черри Хантер, самую юную участницу команды. Ей было всего шестнадцать, но она уже успела доказать свою ценность, сыграв ключевую роль в уничтожении Синдиката Игрек, а затем и Кообо. Она была прирождённым бойцом, настоящим Хантером, как и её отец.

Сегодня им предстояло отработать своё жалованье по полной программе.

Операция носила кодовое имя "Жар-птица" – многослойный удар возмездия. Воздушный шквал обрушился на передовые посты культистов на севере, а стаи дронов взрывали плацдармы ополчения в джунглях юга, вздымая к небу огненный столб, видимый даже из Хай-Хая, далекого города на горизонте. Но у команды Блейз была и личная, тайная цель, лежащая за гранью "прямых действий".

Они летели напрямик к крепости Уракабарамизэля, чтобы превратить её в пыль и навсегда погасить пламя Сынов Тьмы. Джо Мусаси должен был встретить их там, загадочно намекая на свои "собственные методы" достижения цитадели.

Блейз собрала этих людей не случайно. Это были её самые верные соратники, прошедшие сквозь огонь и воду, чья преданность была закалена бесчисленными испытаниями. Между ними, несмотря на различия и шрамы прошлого, теплилась искра истинной привязанности, делавшая их больше, чем командой – семьёй, способной на невозможное. Возможно, "Огненный Шторм" как официальная организация и угас, но его дух, его идеология, жила в их сердцах.

Комиссар Бернштейн назвал бы это самосудом. Блейз ощущала тяжкий груз ответственности, каждый раз, когда задумывалась об этом. Она взвешивала последствия своего выбора, обдумывая, как объяснить и загладить случившееся, когда всё будет кончено.

В памяти всплыл Мерфи, оставшийся в Вуд-Оук-Сити, с его маниакальной любовью к бумажной работе. Но это было их общее решение, и, честно говоря, она следовала велению сердца. До сих пор её интуиция ни разу не подводила.

Тени близнецов Игрек замаячили в её мыслях, и Блейз отвела взгляд от остальных. Она так долго погрязла в этой войне, перебрасываемая из одной горячей точки в другую – Соединённые Штаты, Бразилия, Афганистан, Германия, Турция, Исландия, Япония, Гималаи... Дни слились в бесконечный калейдоскоп насилия. Войны синдикатов. "Огненный Шторм".

Миссии... Миссия за миссией, пожирающие её жизнь, удерживающие её там, где она могла делать то, что умела лучше всего – вырывать с корнем зло, пустившее метастазы в сердца людей...

– Блейз...

"Я ненавижу тебя..."

– Блейз? – голос Флойда вырвал её из омота воспоминаний.

Она с трудом сфокусировала взгляд на молодом бойце, прогнав тень задумчивости.

– Что случилось? – спросила она, машинально проверяя затвор своей винтовки.

Флойд провёл кибернетической рукой по коротко стриженным волосам, подчеркнув тёмные, словно застывшее вино, линии замысловатого племенного орнамента, рассыпавшегося по вискам.

– Эти культисты, они же реально отмороженные, да?

– Мы имеем дело с людьми, которые...

Она не успела договорить, как вертолёт резко накренился, сбросив команду с ног. Блейз застонала, почувствовав, как переборка вдавливается в её спину, а ремни безопасности впиваются в тело, вытесняя воздух из лёгких.

На табло обратного отсчета горели цифры: 1:26. До точки высадки оставалось ещё много времени. В следующее мгновение грузовой отсек наполнился оглушительным воем сирены. Сквозь этот звук каждый член команды расслышал в голосе пилота панический крик в коммуникаторе:

– Дроны!

Холод сковал сердце Блейз. Низкий и быстрый полет должен был уберечь вертолёт от ракет "земля-воздух", но дроны – это совсем другая история. Автономные беспилотники, расставленные культистами по периметру цитадели, ждали в спящем режиме, готовые атаковать всё, что не соответствовало их запрограммированной библиотеке дружественных силуэтов.

Но этот сектор вылизали до блеска в поисках беспилотников. Блейз доложили о безупречной разведывательной сети ZapTech Labs. Ни единого дрона. Чисто, как слеза. Прямая, как удар хлыста, атака.

– Что за чертовщина?! – прорычал Аксель, озвучивая смятение Блейз.

Она едва успела повернуться, когда первый из чудовищных снарядов, выпущенных ударным дроном, пронзил обшивку. Аксель рухнул вниз, чудом избежав мгновенной гибели, пока бронебойные заряды высверливали в фюзеляже дыры размером с кулак.

Едкий дым заполнил лёгкие Акселя Стоуна, и он почувствовал, как гравитация превращается в безжалостного палача, влекущего вертолёт к земле. Удара Аксель не почувствовал.

За мгновение до того, как вертолёт врезался правым бортом в землю, грузовой отсек затопило жёлтой, смердящей химией ударной пены. Жидкость окатила его, мгновенно затвердевая при контакте с воздухом. Он задохнулся, кашляя, когда часть едкой субстанции попала в рот и ноздри. Она душила его, обволакивая липким саваном.

Машина рухнула и разлетелась на куски, оставив на фоне леса зияющую черную борозду выжженной земли, крылья и несущие винты разметало взрывом высокооктанового пламени. Кто-то отчаянно кричал. Кабина пилотов превратилась в груду искорёженного металла, фюзеляж зиял распоротой утробой.

Акселя швырнуло на импровизированную подушку из пены, и долгие секунды он балансировал на грани небытия, не в силах сфокусировать взгляд. Он застонал, борясь с подступающей тьмой, и с последним мучительным скрежетом истерзанного металла обломки флайера замерли, перевернутые, наполовину погребенные в рыхлой земле, вздыбившейся вокруг носового обтекателя.

Волна испепеляющего жара окатила Акселя сквозь затвердевший кокон ударной пены, и он почувствовал, как она плавится под его руками, словно расплавленный воск. Просунув левую руку, он нащупал рукоять тяжёлого охотничьего ножа, лежавшего в кобуре поверх наплечника. Он рванулся вперёд, перерезая заклинившие ремни безопасности, удерживавшие его в кресле, а затем и толстый поролоновый материал.

Правой рукой он отодрал свернувшийся ком пены. Ему в лицо ударил порыв горячего, смрадного воздуха. Приторный, тошнотворно-сладкий запах горелой плоти и едкий аромат пролитого авиационного топлива заставили его закашляться и сплюнуть густую кровь.

На него обрушилось пекло; грузовой отсек зиял чёрной дырой в ночь, часть фюзеляжа вырвало с корнем. Остальное пространство было заполнено удушливой гарью и пляшущими языками пламени. Сиденья, когда-то пристёгивавшие мужчин и женщин, теперь представляли собой бесформенные обугленные комья.

Дым сгущался с каждой секундой, и он хрипел, проклиная всё на свете, выкрикивая их имена, разрезая ремни, всё ещё удерживавшие его вниз головой. Нож перерезал последний, и он рухнул вниз, оглушительно ударившись. В бедро вонзился осколок боли, и он завыл от нестерпимой муки.

Пламя уже плясало на нём, и Аксель чувствовал, как с хрустом опалются волосы его жёсткой, светлой бороды. Спотыкаясь, он брёл вперёд, хватаясь за обугленные обломки стальных балок, ища точку опоры, чтобы выбраться из этой огненной утробы. Раскалённый добела металл шипел, обжигая ладони сквозь прожжённые красные боевые перчатки. Едкий дым душил его, заполняя лёгкие пеплом, вытягивая жизнь. В груди словно ворочались кинжалы.

Схватившись за обугленные лонжероны, Аксель выкарабкался на обломки фюзеляжа, не чувствуя ноющей боли там, где зубчатые края металла рвали его торс и руку. Затем мир померк, и он рухнул на пыльный, бурый суглинок, вздыбленный крушением. Нащупал флягу – чудом она всё ещё висела на ремне. Сорвал крышку и сделал жадный глоток... воды, которую тут же с отвращением выплюнул. Тяжело дыша, он, пошатываясь, отошел на несколько шагов от дымящихся останков. Черри и Блейз, прихрамывая, ковыляли к ближайшему дереву, Флойд помогал им, хотя и сам едва держался на ногах. Лишь кибернетическая мощь и мгновенная, самоотверженная реакция Флойда спасли им жизни. Блейз, собравшись с силами, слабо махнула Акселю, но это движение заставило её стиснуть зубы от боли.

"Где Адам и Эстель?"

Поросший лесом склон тянулся вдаль, становясь все круче и обрываясь к крепости Уракабарамизля, призрачно мерцающей в сотнях метров внизу. В ночное небо взметнулась чёрная стрела дыма. Почти полный штиль делал её похожей на зловещий указатель, точно указывающий на место крушения.

Он замер, обуздывая рвущийся адреналин, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Они не могли здесь оставаться. Сбивший их дрон наверняка вернётся, чтобы осмотреть место падения, и если они будут здесь...

Перед глазами вновь возникли лица Адама и Эстель, и Аксель сорвался на хриплый проклятие. Он оглянулся на пылающий остов. Неужели они единственные, кто выжил?

– Адам? – прокричал он сорванным голосом. – Эстель, отзовитесь!

Сначала он услышал только зловещее потрескивание пожирающего пламени, но затем раздался чей-то слабый, раненый голос, совсем рядом. Он повернулся на звук.

Обломки были разбросаны по роще тонких, сломанных деревьев, небольшие костры лизали пятна пролитого топлива. Из-под обломка крыла показалась рука, и он, пригнувшись, бросился к ней, подставляя плечо под рваный край металла.

Ухватившись за глыбу камня, Аксель с трудом сдвинул её, и в ответ раздался стон боли. Из-под груды грязи на него смотрел Адам, его смуглое лицо было исцарапано. Он неуклюже лежал на Эстель, прикрывая её своим телом; скорее всего, их выбросило из вертолёта при столкновении с деревьями, и чудом они оба выжили.

– Адам... – прошептала Эстель, в голосе сквозила тревога. – У тебя кровь.

– Это потом, – отмахнулся Адам, и Аксель, подхватив их обоих под руки, помог подняться на ноги. Адам болезненно застонал, перенося вес на правую ногу. Аксель нахмурился, оценивая его состояние.

– Идти можешь?

– Всё в порядке, – последовал короткий ответ, полный упрямства.

– Откуда, чёрт возьми, взялся этот дрон? – Эстель растерянно огляделась, часто моргая. – Где... где Блейз и остальные?

– Здесь, – донесся приглушённый голос Флойда.

Блейз молчала, но её тихий кивок был красноречивее любых слов, подтверждая, что с ней всё в порядке.

– Нам нужно уходить, – твёрдо сказал Аксель. – Оружие у тебя есть?

Адам покачал головой, и Аксель, не теряя ни секунды, выхватил из кобуры на поясе тяжёлый, вороненый кольт "Питон" 357-го калибра и вложил его в руки Адаму. – Этот дрон... он вернётся.

Адам кивнул, оглядывая поле боя, усыпанное обломками.

Он потерял свой "Медоед" при крушении, но в вертолёте были ящики с запасным оружием для операции "Жар-птица". Заметив один из них поодаль, он направился к нему, хромая.

"Жар-птица". Миссия была обречена ещё до того, как они добрались до цели. Адам лихорадочно перебирал в уме возможные варианты, словно судорожно пытаюсь найти выход из лабиринта.

Он подошёл к оружейному ящику и попытался открыть замки, но они намертво заело. Достав из ножен нож, он с силой вонзил его острие в сломанный механизм. Металл взвизгнул.

– Разведданные... – произнёс Адам вслух, и его мысль эхом отозвалась в голове Акселя и Блейз. – Разведданные по миссии были... ложными.

– Нет, – выдавила из себя Блейз.

– Нет? – повторил Адам её слово, и тон его голоса стал резче. – У нас был чистый коридор, Блейз! Ты видела данные. Никаких дронов в радиусе двадцати миль. – Замок, наконец, щёлкнул, и он распахнул кейс. – Должна быть какая-то ошибка...

– ZanTech intel никогда не ошибается! – отрезал Флойд, закашлявшись.

Черри бросила на него сердитый взгляд. – Не говори так, Флойд, – жёстко сказала она, сделав акцент на его имени. Затем её тон смягчился. – Ребята, главное, что мы выжили. Мы все целы.

Адам вдруг словно протрезвел, в его глазах мелькнуло осознание. Он поднялся и направился прямо к Черри, чтобы обнять её по-отечески. Она прижалась к нему, издав тихий, полный отчаяния смешок прямо ему в грудь.

– Папа...

– Всё хорошо, малышка, – прошептал он ей спокойным, успокаивающим голосом.

Аксель выдохнул, нахмурившись, словно собирался прорвать взглядом пелену тумана в голове. – Двигаемся дальше.

– Принято, – отозвался Адам, возвращаясь к раскрытому чемодану. Из ложа пенопласта он извлёк патронташ и тяжёлый плечевой гранатомёт. "Полузащитник", как его окрестили американские вояки, был способен изрыгать полдюжины 40-мм осколочно-фугасных снарядов в мгновение ока. Адам с хрустом открыл барабан и принялся забивать его патронами, размером с банку газировки. Едва закончив, он уловил низкий, зловещий вой винтов над головой.

– В укрытие! – заорал Адам, спотыкаясь, ринулся к ближайшей груде обломков.

Аксель вскинул голову и заметил мелькнувшее движение: что-то угловатое и стремительное описывало круги над ними. Крылья дрона, словно перепончатые крылья летучей мыши, сложились в обтекаемый силуэт, и машина хищно спикировала вниз.

Черри и Флойд сорвались с места, перемахивая через поваленные стволы, словно акробаты, лишь за миг до того, как шквал крупнокалиберных пуль изрешетил землю, где они стояли.

Блейз взревела, выплевывая огненный шар кикоушо, её дыхание клокотало в груди. Чувствительные сенсоры дрона ослепила вспышка яростного синего света. Квантовый энергетический шар, разветвляясь молниями, врезался в корпус машины, словно раскалённый нож в масло. Дрон, потеряв управление, задел крону высокого дерева и, закрутившись в смертельной спирали, рухнул вниз, рассыпаясь на куски, породив новый костёр из искорёженного металла. Взрывная волна сбила всех с ног.

Едва поднявшись, Аксель рывком повёл отряд вниз по склону, используя стволы деревьев как щит. Следующая цель: крепость Уракабарамизля.

13

С вершины лесистого склона, словно наблюдатели-тени, Морицунэ и Хоцума следили за разворачивающейся внизу кровавой симфонией. Почти сотня шиноби из клана Оборо Додзё, ведомые древним искусством ниндзюцу, медленно, но неумолимо продвигались к клямкам центральной цитадели Уракабарамизля.

Морицунэ замер, рукавом вытирая пот, выступивший на лбу, и вновь прильнул к окулярам бинокля. – Хоцума, сколько кунай-бомб ты ему отдал?

– Три кунай-бомбы и "чёрную пороховую змею". Больше ничего не осталось, – отозвался Хоцума, его голос был тих, но крепок.

"Этого должно хватить", пронеслось в голове у Морицунэ. Эта дерзкая вылазка на восточной стороне цитадели сковала основные силы врага, этих фанатиков из культа "Сынов Тьмы", на долгие часы. Теперь же каждая минута могла стать роковой или, напротив, подарить жизнь их отцу, Джо Мусаси, одному из самых почитаемых шиноби клана Оборо Ига. Его задача была проста и смертельно опасна: проскользнуть сквозь кордон культистов и проникнуть в самое сердце вражеской крепости, в одиночку, пока сыновья отвлекают внимание противника снаружи.

Сперва силы культа, ослеплённые собственной гордыней, даже не заметили приближения армии шиноби. Их внезапное появление и скрытность позволили легко нейтрализовать многих. Но череда оглушительных взрывов всполошила сотни культистов, и шиноби оказались в отчаянной схватке за выживание. Обманчивая партизанская тактика, мастерски применяемая на изрезанной местности, позволила им продвигаться далеко, оставаясь незамеченными, но они понимали, что час открытого столкновения неизбежен. К счастью, каждый из них был закалён в боях, лучшие из лучших.

Этот день станет для клана Оборо днём триумфа или днём окончательной гибели.

Шиноби уже успели нанести сокрушительный урон наступающим культистам. Сражения были яростными, каждый метр отвоёвывался кровью. "Сыны Тьмы" натыкались на хитроумные ловушки и внезапные засады, отвечая грубой силой. Порой, целые группы культистов погибали, преследуемые невидимыми тенями шиноби. Проклиная их как трусов, враги и не подозревали, что именно шиноби насмехаются над их слепой верой и отсутствием чести. Морицунэ и Хоцума были живы, а склон горы усеян телами глупцов, без разбора скошенных огнём.

Хоцума глубоко вздохнул. Ветер трепал его длинные волосы, а лёгкие горели от дыма сражения. – Отец почти достиг цели, я чувствую это. Но культисты не отступят.

Громыкнуло!

Братья одновременно направили бинокли вниз, где, укрывшись за деревьями, обрамляющими крепость Уракабарамизля, скрылся их отец. Джо Мусаси, очевидно,

использовал кунай-бомбу, чтобы отвлечь внимание.

– Как думаешь, старик справится без нашей помощи? – спросил Морицунэ, приподняв бровь.

Хоцума закрыл глаза. На его изрезанном шрамами лице, которому едва исполнилось девятнадцать, промелькнула тень скорби. – Если кто и сможет, то это отец. – Открыв глаза, он посмотрел на брата ясным, решительным взглядом. – Не будем медлить. Он дал нам задание, и мы исполним его беспрекословно.

Шиноби, несмотря на потери, продолжали неуклонно продвигаться к крепости. Хоцума, проницательный тюнин, умело руководил своим старшим братом и оставшимися бойцами. Один шиноби отвлекал на себя внимание, заманивая культистов в погоню, а остальные, словно тени, обходили их с флангов, обрушиваясь с яростными атаками с тыла и сверху. Ключом к их успеху было повторение нетрадиционных и дерзких тактик. Как учил отец..

Сектанты накатывали, словно неумолимые волны на скалистый берег. Десятки отрядов шиноби, рассыпанные по холму, словно осколки разбитого зеркала, запутывали врага, отвлекая его от цитадели и даря Мусаси драгоценные мгновения для восхождения.

Бум! Эхо кунайской бомбы разорвало тишину. Старик, наверняка, уже укладывал последних стражников, прокладывая себе путь на стены крепости.

Хоцума одарил мир широкой улыбкой, предвкушая, как отец использует свои смертоносные дары, созданные с любовной тщательностью.

Хоцума владел всеми искусствами шиноби, но сердце его навеки покорило каякудзюцу – таинство огня и взрывчатой мощи. Кунай, этот скромный кинжал с ромбовидным лезвием и кольцом для верёвки, в руках Хоцумы превращался в оружие апокалипсиса. Рукоять, укрытая цилиндрической оболочкой, вмещала в себе адский коктейль из чёрного пороха и стальных осколков. Все это герметично запечатывалось смолой и снабжалось фитилем. Смертоносный метательный снаряд, взрывающийся от малейшего прикосновения. "Впечатляет, – обронил однажды отец, наблюдая за тренировкой Хоцумы на соломенных манекенах. – Ты почти достиг совершенства, сын мой."

"Я докажу тебе, отец," – с жаром ответил тогда Хоцума.

Продираясь сквозь густой подлесок, Хоцума с удивлением ловил в воздухе череду взрывов. Сколько же стражников успел уложить старик?

– Подними ноги, брат, – подбодрил Морицунэ. – Лети, словно ветер! – Это была их давняя игра, привычка, впитанная с молоком матери. Наоко, их мать, воспитывала их в Субашири в строгости и стойкости. Даже само имя "шиноби-но-моно", сокращенное до "шиноби", означало "терпящий".

– Ты будешь ветром, Морицунэ, а я – огнём, что следует за ним по пятам.

Хоцума рыкнул, предвкушая бой.

Морицунэ едва заметно улыбнулся. Он был рад разделить эту битву с братом, даже служа под его командованием. В грубом юморе Хоцумы чувствовалась сила, способная наполнить сердце решимостью. Морицунэ был старше Хоцумы всего на год, но они всегда относились друг к другу с почтением, как сыновья Джо Мусаси – узы, что невозможно разорвать. Их уникальные таланты, сплетённые воедино, делали их сильнее, как любил говорить их отец.

Бах!

Со стороны крепости донёсся оглушительный грохот – взрыв чудовищной бомбы из чёрного пороха, за которым последовал звук, напоминающий обвал скалы.

Глаза Морицунэ расширились. Он бросил взгляд на Хоцуму. – Насколько же велика была последняя бомба?

Хоцума осклабился от удовольствия. – Думаю, достаточно, чтобы оставить приличную вмятину в каменной стене. Но ты же знаешь отца. С ним всё будет в порядке.

Оглушённый, с болезненным звоном в ушах, эхом отдающимся после взрыва, Джо Мусаси застыл, зачарованный зрелищем: каменный водопад обрушивался со стены цитадели, погребая культистов внизу под тоннами обломков. Густое облако земли, словно саван, поглотило место бойни. Долгая тишина воцарилась, и пыль, подобно благословию древних богов, осела на Мусаси.

Он опустил на колени, сосредоточившись, собирая свою ци в единый поток. Три чётких, выверенных движения пальцами, как в привычной медитации, и он бесшумно поднялся в клубящейся пыли, натягивая капюшон, готовясь к проникновению в крепость.

Сократив дистанцию до вытянутой руки, Флойд Ирайя небрежно хлопнул гиганта Абадеде по левому плечу. Когда стареющий экс-босс Синдиката обернулся, Флойд молниеносно присел и ударил его коленом в пах, одновременно прижимая к стене своей левой кибернетической рукой. Правая рука, словно гидравлический дротик, вонзилась хромированными пальцами в податливую плоть под адамовым яблоком.

Индеец черноногий с татуированным лицом, бывший боец, издал беззвучный крик агонии. Флойд почувствовал это по слабому потоку воздуха, просачивающемуся сквозь кибернетические пальцы, зарегистрированному встроенными наномолекулярными тактильными датчиками. Беззвучный, но яростный. Флойд ослабил хватку, и Абадеде рухнул на колени, судорожно хватаясь за растерзанное горло.

Флойд отступил на шаг, затем обрушил на голову поверженного чудовищный удар ногой. Даже босой ногой этот удар был бы смертельным. Но на Флойде были эксклюзивные ботинки Wolverines со стальным носком, изготовленные на заказ в дорогом ателье в Вуд-Оук-Сити, всего в сотне ярдов от лаборатории ZanTech. Обувь высшего класса. Тяжёлая кожаная подошва с хрустом врезалась в мускулистый череп, словно бита для крикета по мячу. Он упал и затих. Всего пять секунд потребовалось, чтобы нейтрализовать этого великана.

– Куда дальше? – пробормотал Флойд, поворачиваясь к Акселю.

Каменный зал, неприметный и утилитарный, напоминал внутренности замка. Одно из множества подобных помещений, через которые им предстояло пройти, чтобы добраться до ядра цитадели. Холодный ветер проникал сквозь трещины в древних стенах.

Словно отвечая на вопрос Флойда, деревянные двери в конце каменного коридора с грохотом распахнулись, вышибленные с той стороны. Внутрь ворвались культисты, с яростными криками бросаясь в атаку.

Аксель Стоун пожал плечами и ускорился. Сердце забило быстрее, но недостаточно быстро – семьдесят пять, может быть, восемьдесят ударов в минуту. Перенеся вес тела вперёд, он шагнул и зацепил носком ботинка первого культиста. Тот, выкрикнув ругательство, начал падать, и Аксель помог ему, подтолкнув между лопаток.

Второй культист развернулся и нанёс Акселю удар кулаком в горло. Воздух перехватило, глаза вылезли из орбит, он попытался поднять руки, но согнулся пополам, и его вырвало, когда Аксель уклонился назад и со всей силы ударил его ногой в живот.

Блейз, Адам и Эстель, не теряя времени, вступили в бой с остальными культистами, по глупости бросившимися вперёд. Кулаки и ноги мелькали в воздухе, сея хаос и разрушение.

– Что ты творишь, чёртов выродок? – прохрипел второй культист, скрючившись на земле и с силой обернувшись через плечо к Акселю. Он попытался подняться, но Аксель придавил его коленом к земле и вонзил кулак в левую почку, вызвав вопль, полный нестерпимой боли. Теперь культист стоял на четвереньках, изрыгая на промёрзшую землю тонкую, тягучую струю жёлтой желчи.

"Слишком легко", промелькнуло в голове у Акселя. Он перешагнул через корчащегося мужчину и нанёс сокрушительный удар по шее. Точка удара – воображаемая мишень, нарисованная на коже чуть выше нервного узла, которую его отец, Локк, сначала называл базальным ганглием, а потом просто "хорошим местом, куда можно врезать, когда не хочешь, чтобы засранец встал на ноги" (отечески подмигнув, с нежностью вспомнил Аксель).

Тем временем двое мужчин в багряных церемониальных одеяниях приблизились. На их лицах больше не было самодовольных ухмылок. Но и в безумную атаку они не бросились. Они готовились к схватке.

Это было их ошибкой.

Когда ближайший из них вскинул кулаки для удара, Аксель молниеносно нырнул под руку, развернулся на опорной ноге и со всей силы ударил ногой в челюсть. Хруст сломанных костей отозвался в воздухе, когда его подошва достигла цели, и культист рухнул на пол, извергая предсмертный крик. Второй культист прыгнул вперёд, пытаясь сомкнуть свои мясистые предплечья на горле Акселя. Вместо того, чтобы вырваться, Аксель нарочито позволил себе упасть. Под действием силы тяжести нападавший инстинктивно ослабил хватку, чтобы удержаться на ногах. Это была роковая ошибка. В тот же миг локоть Акселя с силой обрушился ему в пах, вырвав хриплый стон и освободив его от мёртвой хватки.

Черри Хантер развернулась вихрем, отвела ногу назад и со всего размаху обрушила её на колено противника. Жестокий, но действенный приём. Хруст разорванных крестообразных связок отозвался эхом в воздухе, и, пока культист завывал от боли, Аксель полоснул его по горлу лезвием своей руки. Тот рухнул на землю, захлёбываясь собственной кровью.

Двое или трое других культистов набросились на Черри, но они были дилетантами. Или, возможно, когда-то и были профессионалами, но время превратило их в жалкие тени самих себя. Руки царапали её лицо, ноги вязли в земле. Один из ударов достиг цели, и на мгновение перед глазами Черри вспыхнули звёзды. Но лишь на мгновение.

Адреналин хлынул в кровь, но она сохраняла хладнокровие. "Держись", приказала она себе. И методично расправлялась с нападавшими культистами, нанося точные удары по самым уязвимым местам.

Горло, пах, солнечное сплетение, почки. Аксель сражался рядом, прикрывая её спину.

Они разделались с последним из культистов меньше чем за десять секунд и присоединились к Адаму, Флойду, Блейзу и Эстель у распахнутого дверного проёма.

– Вперёд, ребята, – произнес Адам твёрдым голосом. Его лицо покраснело от напряжения, всё тело ныло от боли. – Мы почти у цели. Войдём в тронный зал и покончим с этим раз и навсегда.

– Ладно, ладно. Пошли, – ответил Флойд, вызывающе сжимая кулаки.

И они двинулись вперёд.

– Итак, они пали, все Сыны Тьмы, – произнёс Джо Мусаси, стоя над бездыханным телом культиста. Кровь капала с его сверкающего клинка.

Мусаси было пятьдесят лет, но его тело говорило о долгих годах занятий ниндзюцу. Его мышцы были тонкими и жилистыми, а кожа – упругой.

На лице культиста застыла гримаса, а его твёрдая челюсть была покрыта белой и чёрной щетиной. Резким движением Мусаси стряхнул кровь с катаны, затем достал квадратный лоскут ткани и тщательно вытер лезвие, прежде чем убрать его в ножны.

Он услышал голоса впереди и понял, что приближается к Блейз Филдинг и её команде.

Он двинулся вперёд, скрываясь в тени.

14

Пространство открытой планировки поражало своими размерами: не менее тридцати футов в длину и двадцати в ширину. На каменном полу уютно расположились коричневые коровьи шкуры и пушистые циновки из овчины. Витражные окна, словно драгоценные камни, окрашивали комнату в тёплые оттенки тёмно-красного и жёлтого, щедро пропуская лучи восходящего солнца. В одном из окон зияла брешь, открывая захватывающий вид на лазурное небо, затянутое дымкой от недавней битвы на холме.

Мебель представляла собой эклектичное сочетание антиквариата и современной классики. Вдоль одной стены выстроились элегантные кресла "Барселона" из чёрной кожи и хрома, а напротив них – уютный диван "Честерфилд" глубокого бутылочно-зелёного цвета, чья кожа хранила на себе отпечаток времени в виде изящных трещин. Из динамиков, искусно встроенных в старомодный сосновый шкаф, лились чарующие звуки классической музыки. В углу, на полу, красовалась хрупкая стеклянная ваза от Lalique, вмещавшая в себя две дюжины райских птиц – экзотических цветов. Их оранжевые соцветия и сине-зелёные прицветники были единственным ярким акцентом в этой комнате, утопающей в мрачных тонах.

Аксель, стремительно двигаясь вперёд, почувствовал какое-то движение. Из-под прикрытия каменного коридора, уходящего в непроглядную даль, словно из чернильной лужи, отделилась тень. Шестифутовая тень, принявшая очертания человека, двинулась по диагонали навстречу Акселю и его команде.

Сердце Акселя заколотилось быстрее, и он инстинктивно сократил дистанцию между собой и Блейз. Тень разделилась, словно амёба, породив из себя троих: мужчину и двух женщин. Расстояние между ними не превышало тридцати ярдов. Аксель принял боевую стойку.

Трое противников. Никаких признаков оружия... или нет? Из правых рук женщин, казалось, выдвинулись длинные, зловеще поблескивающие предметы, скользнувшие почти до самой земли. Дубинки? Нет, бейсбольные биты.

– Прикройте меня, – бросил Аксель своим. – Я разберусь с ними.

Три фигуры неторопливо вышли на свет.

Вспышки жёлтого света отразились от их талий.

Отражения. Сталь. Аксель потянулся за пистолетом, его взгляд сузился, когда он узнал их.

– Никогда не думал, что снова встречу вас, – прошептал Аксель, глядя в дуло своего пистолета.

Леон Шива уверенно вышел на свет, сопровождаемый Онихиме и Яшей, на которых,

похоже, появление Акселя не произвело никакого впечатления. Они ухмылялись, держа свои отполированные бейсбольные биты наготове, подобно верным псам, готовым сорваться с цепи по приказу хозяина. Шива жестом остановил их.

– Я тоже рад снова видеть тебя, брат, – сказал Шива, и на его изрезанном лице расцвела улыбка чеширского кота. Его чувства казались искренними, даже теплыми, хотя, возможно, это и была лишь дьявольская уловка. Они остановились в нескольких ярдах от Акселя, не сводя с него глаз, и с пистолета, направленного в их сторону.

– Хотя, возможно, ты забыл, что я сказал тебе при нашей последней встрече? – продолжил Шива. Он пренебрежительно покачал головой, не дождавшись ответа Акселя. – Должен сказать, я был в восторге, услышав о том, как вы все вместе расправились с близнецами Игрек. Кстати, вы, должно быть, гордитесь своей отличной работой. Эти сопляки заслужили это. Полагаю, наша встреча была неизбежна.

Блейз Филдинг не понимала, что здесь происходит, но ей это совершенно не нравилось. – Что тебе здесь нужно, Шива? – прошипела она сквозь стиснутые зубы. – Тебе следовало бы...

– Гнить? В тюрьме? Я здесь по той же причине, что и вы, мисс.

Шива повернул голову, и в его взгляде читалось довольство. Воспоминания о ней, о тех крупицах мудрости, что он почерпнул за годы знакомства, согревали его.

– Чтобы уничтожить Уракабарамизэля и его базу власти здесь, в Мозамбике, разумеется. Сыны Тьмы – досадная помеха моим тщательно выверенным планам, если это ещё не очевидно. Впрочем, в детали вдаваться не стану. Возможно, у наших команд найдутся точки соприкосновения...

Она нахмурилась.

– Весьма сомнительно. Вы планируете присвоить артефакты шиноби – это очевидно. Что вы намерены с ними делать?

– Мне незачем посвящать вас в суть проекта "Зулу". Так или иначе, Блейз, к тебе это не имеет ровным счетом никакого отношения. Мои мотивы не могут быть...

Аксель не дал ему закончить. Стремительно наклонившись вперёд, он поднял свой пистолет и с силой обрушил его на левый висок Шивы. Тот пошатнулся, прижимая ладонь к рассеченной коже, по которой стекала кровь.

Онихиме и Яша бросились в атаку. Черри с яростью набросилась на Онихиме, осыпая её градом ударов по голове, а затем, вцепившись в тугий пучок чёрных волос, заплетенных в косу, с силой ударила её головой о каменный пол. Тело обмякло.

Яша замахнулась бейсбольной битой на Эстель, но оружие казалось неуклюжим, движение – замедленным. Эстель легко уклонилась, изящно развернув бёдра, и нанесла сокрушительный удар ногой в лицо Яше. Та отшатнулась, пытаясь контратаковать, но Флойд был уже рядом. Его кибернетические кулаки обрушились на её голову и правое плечо, как молоты.

Шива лихорадочно шарил рукой за поясом, но Аксель предвидел это. Едва правая рука Шивы выхватила пистолет 1911-й модели, Аксель нанёс упреждающий удар своим пистолетом по его запястью. Хватка Шивы ослабла, и пистолет выпал из его пальцев, покотившись в угол комнаты от пинка Акселя.

Аксель нанёс удар ногой в левое колено Шивы, вызвав крик боли, когда нога подломилась, и Шива рухнул на землю. Падая, он перекатился и умудрился зацепить правым ботинком лодыжку Акселя, ударив его коленом и лишив равновесия. Аксель отшатнулся.

Возможность была мимолётной, но Шива воспользовался ею. Поднявшись на

полусогнутых ногах, он обрушил массивный кулак на руку Акселя, сжимавшую пистолет, между запястьем и локтём. От ошеломляющего удара хватка Акселя ослабла, всего на долю секунды.

Шива был готов к бою. Он молниеносно вырвал ствол из рук Акселя. Инстинктивно отпрянув назад, Аксель нанёс удар ногой по руке Шивы. Пистолет, описав дугу в воздухе, врезался в стену и исчез за диваном, обитым засаленной коричневой тканью.

Шива взревел, вскочив на ноги, его лицо исказила гримаса ярости. Тяжёлое дыхание вырывалось сквозь стиснутые зубы. – Ты, чёрт тебя дери! Ты труп! – Он ринулся вперёд, целясь ребром ладони в горло Акселя.

Аксель попытался заблокировать удар, но это была лишь обманка. Шива, развернувшись в прыжке, обрушил обратный удар ногой в живот.

– Финальный удар!

Целью было солнечное сплетение, но из-за повреждённого колена Шива потерял равновесие. Удар пришёлся вскользь, не лишив Акселя воздуха, не свалив его на пол, где он, скрючившись, ждал бы добивающего пинка.

Аксель обрушил на лицо Шивы сокрушительный удар кулаком. Хруст костей отозвался в тишине, и Шива взвыл от боли.

– Я долго этого ждал, – прорычал Аксель, растягивая губы в хищной усмешке.

Шива отступал, пытаясь увеличить дистанцию. Аксель наседавал, стремясь воспользоваться моментом. Но Шива ещё не был сломлен. В замедленной реальности Аксель анализировал стиль боя противника, понимая, что Шива неустанно тренировался, вкладывая всю свою мощь в каждый мускул. Этот человек, закалённый годами, был, пожалуй, самым опасным противником Акселя. Долгое заключение в китайской тюрьме ничуть не притупило его мастерство.

Шива пригнулся, бросившись на Акселя. Внезапно он нанёс удар коленом снизу вверх, целясь в живот. Мощный кулак врезался в висок Акселя, вызвав головокружение и заставив отступить. Шива, не теряя ни секунды, ударил здоровой ногой в бедро Акселя. Боль была такой, словно пуля прошла ногу. Аксель рухнул на колени, обхватив повреждённое бедро. Он стал лёгкой мишенью для удара сапогом. Шива торжествующе ухмыльнулся, занося ногу для завершающего удара.

Аксель нанёс удар кулаком в живот Шивы. Потеряв равновесие, Шива зашатался, закричал и рухнул навзничь. Аксель выхватил нож и, прежде чем тот коснулся пола, набросился на него. Упершись коленями в грудь Шивы, он приставил остриё ножа к яремной впадине. Его дыхание было прерывистым.

– Держу пари, ты не думал, что всё так закончится, Леон, – прошипел Аксель. Он надавил на нож. Лезвие вонзилось в плоть, и по шее Шивы потекла струйка крови.

– Пошёл ты... – прохрипел Шива, содрогаясь всем телом. В тот же миг его окутало сияние, квантовая энергия затрещала вокруг него, словно электричество, образуя светящуюся фиолетовую ауру, подобную той, что исходила от Блейз. Мгновение спустя Шива швырнул огненный шар кикуюшо, заставив Акселя отлететь в сторону, а сам уклонился влево, наблюдая, как лезвие ножа впивается в пол.

Аксель, застигнутый врасплох, быстро пришёл в себя. Шива, подхватив со стола настольную лампу, обрушил её дугу на голову Акселя. Тот проскользнул под рукой Шивы, избежав удара. Вскочив, Аксель обрушил удар ногой в грудь Шиве, отбросив его назад.

– Мои способности homo universalis делают меня вершиной эволюции в этом мире, – прорычал Шива, стиснув зубы от боли. – Ты тратишь время зря, Аксель. Эти артефакты – мои. – Он вскинул руки, вновь призывая свою ауру.

Блейз Филдинг, сжав губы в решимости, призвала свою собственную силу. Она отдалась потоку эмоций, и лазурная энергия заискрилась вокруг неё, сплетаясь в причудливый фрактальный узор, окутывающий её тело словно сферический щит.

...Тамаши Аге...

В уголке зрения вспыхнул синий свет, раздался нарастающий рев, и накопленная энергия взорвалась.

Шива выпустил в неё огненный шар, но тот был поглощён аурой Блейз, а его самого отбросило назад. Он пролетел через всю комнату и ударился головой об острый угол соснового шкафа; короткий хрип – и он потерял сознание.

– Не сегодня, Леон, – прошептала Блейз, когда её глаза вновь обрели привычный карий цвет. Что-то щелкнуло в её сознании, и она обратилась к остальным: – Нужно закончить это дело. Вперёд.

Подавляя кратковременный прилив адреналина, Аксель Стоун спрятал нож в карман, когда в комнату вошёл Джо Мусаси – высокий, облаченный в полное боевое облачение шиноби, увешанный разнообразным японским оружием, поверх поношенных лодочных ботинок со спущенными шнурками. Его тёмно-карие глаза смотрели тяжело и вопросительно. Он провёл рукой по влажным каштановым волосам с проседью, собранным в самурайский пучок.

– Аксель, Блейз. Рад вас видеть. Адам Хантер. И вы привели своих коллег. Эстель Агирре. Флloyd и... Черри, верно? Превосходно. У Уракабарамизэля не будет ни единого шанса, не так ли? – В его голосе звучал сильный японский акцент.

Флloyd, Эстель и Черри подошли поприветствовать его. Блейз улыбнулась, чувствуя уверенность, исходящую от Мусаси. Его помощь в этом деле будет бесценна.

Она приблизилась, протягивая руку для приветствия. – Рада видеть тебя вновь, старый друг.

Он крепко пожал её ладонь. – Блейз. Я бесконечно благодарен, что мы здесь, вместе. И вновь я должен возблагодарить Оборо Додзё за то, что удостоили меня чести участвовать в этой миссии. Древние артефакты Дзёмон, похищенные и оскверненные лордом Уракабарамизэлем, – законное наследие Оборо, принадлежащее нам, жителям Субашири по праву крови.

Блейз кивнула. – Для этого и существуют друзья, мастер Мусаси.

– Для меня огромная честь познакомиться с вами, – вновь обратилась к нему Черри. – Отец всегда рассказывал о вас невероятные истории. О том, как вы сокрушили Новый Синдикат. И, конечно, о событиях в Нео-Лондоне, в конце войны.

Мусаси улыбнулся одними глазами. – Да... славные времена, хоть и щедро оплаченные кровью и потом. Но, полагаю, нам не стоит придерживаться формальностей, не так ли? Просто Мусаси.

Черри кивнула. – Как скажете, мастер Мусаси.

Согласно картам и данным разведки ZanTech Labs, "тронный зал" Уракабарамизэля располагался в конце коридора. Аксель, подгоняемый нетерпением, скользнул по каменному полу, достигнув выхода из комнаты. Адам и Эстель не отставали, за ними следовала Блейз и остальные.

Тяжёлая деревянная дверь была украшена резной панелью, изображающей символ Сынов Тьмы, расписанный в вызывающих, почти гротескных тонах. Аксель прильнул ухом к двери, стараясь унять дыхание. Тишина за дверью была почти осязаемой, зловещей. Они наверняка знали об их прибытии.

Он обхватил рукой полированную стеклянную ручку, с силой прижал её к замку, стараясь свести шум к минимуму, и осторожно повернул против часовой стрелки. Замок поддался.

"Вот и всё", подумал он. Внутри шевельнулось беспокойство, всплыло воспоминание о сыне, Максе, так легко поддавшемся лживым речам лидера культа.

Он решительно подавил нарастающую тревогу, зная, что она легко может перерасти в неуправляемую ярость. А ярость он умел использовать эффективно.

Аксель почувствовал, но не услышал, как язычок замка отделился от защелки. Он осторожно приоткрыл дверь, ослабляя давление на ручку, позволяя стеклянному шару вернуться в исходное положение.

Что бы их ни ждало, они встретят это вместе.

15

Короткий марш каменных ступеней низвергался в зал аудиенций, где мраморные скамьи, словно высеченные из самой души земли, ждали своих незваных гостей. В десяти метрах впереди, на ступенчатой платформе, словно алтарь, возвышался трон Уракабарамиеля. На стене за ним зиял вырезанный символ Сынов Тьмы, словно злобещая печать. Радужный луч, пронзая тьму под потолком, падал на призму, установленную над троном, окрашивая всё вокруг в призрачные цвета. Сам трон парил над возвышением, а на нём, облаченный в чёрное, словно сама ночь, восседал лорд Уракабарамиель. Капюшон скрывал часть его лица, оставляя лишь проблеск металлической маски, скрывающей истинные черты.

Его голос, пробиваясь из-под металла, звучал устрашающе приглушённо, почти шепотом, но акустика зала превращала его в злобещую симфонию.

– Добро пожаловать, Джозеф Мусаси, – произнёс лорд Уракабарамиель. – Наконец-то ты предстал предо мной. Веками я ждал этого мига.

Мусаси презрительно опустил взгляд.

– Ты самозванец. Искусная имитация. Уракабарамиель – древний миф, который вы извратили, чтобы послужить своему... делу.

Пульс Блейз Филдинг зачастил, а глаза наполнились слезами, когда призрачная фигура лорда Уракабарамиеля поднялась во весь рост, откинула капюшон и приблизилась к ним на шаг.

– События действительно завершили свой круг, как я и предполагал.

Похожая на шлем маска Уракабарамиеля, словно луна в ночи, сверкала в радужном свете. Она напоминала посмертную маску древнего короля Дзёмона, легендарного правителя из мифов шиноби, отлитую из чистого золота и инкрустированную полудрагоценными камнями. Глаза, словно бездонные омуты, были сделаны из обсидиана и кварца. И всё же, во внешности маски было что-то ещё, что-то потустороннее, словно она несла на себе отпечаток вечности.

Это не могло быть просто копией. Она дышала подлинностью, как тот артефакт, что Мерфи показывал Блейз неделями ранее.

– Сыны Тьмы – опасный культ, – произнесла Блейз Филдинг, оставаясь на своем месте и не скрывая своей готовности к отпору. – Вы используете украденные артефакты, чтобы промыть людям мозги и втянуть их в это... повествование об Уракабарамиеле. Почему бы тебе просто не перестать притворяться и не снять маску, чтобы мы могли поговорить как люди?

– Люди? – Уракабарамиель, казалось, усмехнулся от удовольствия. – Что это значит

для тебя, Блейз Филдинг? Homo Sapiens? Человек Высший или Человек Универсальный? Только такая самонадеянная дура, как ты, могла бы подумать, что меня можно отнести к какой-либо из этих нелепых категорий. Благодаря моему колоссальному опыту, я являюсь чем-то совершенно иным. И артефакты Дзёмона, о которых ты говоришь, не были украдены. Они были разбросаны миллионы лет назад во время войны, о которой давно забыли в ваших западных учебниках истории. Я просто возвращаю свою утраченную собственность, и вас это не должно касаться. Но, возможно, вы мыслите в терминах другого "повествования", вашего собственного "повествования".

– Они принадлежат клану Оборо, – предостерег Мусаси, его пальцы побелели, сжимая рукоять катаны, покоящейся в ножнах. – Истинным потомкам древнего рода Дзёмон. Артефакты шиноби – наше право по крови, дарованное рождением.

Уракабарамизель обернулся, взгляд его был полон невозмутимого презрения. Он сделал ещё один шаг, приближаясь. – Я создал эти артефакты, Мусаси, как и Дзёмонов. Как создал тебя и твой ничтожный клан.

Эстель Агирре вскинула оружие, в голове её лихорадочно роились варианты. – Возможно, ты одурачил членов этого культа своими лживыми речами, но нас тебе не провести. Кто ты на самом деле? Я требую ответов!

Уракабарамизель хранил ледяное молчание. Вместо ответа он едва заметно повёл правой рукой в сторону шлема-маски. Словно повинуюсь невысказанному приказу, поверхность маски пришла в движение, ожила зловещим шёпотом древних механизмов. Изнутри раздался глубокий, резонирующий гул, а затем шипение, подобное змеиному. Маска начала распадаться, металлические пластины отслаивались и втягивались в недра громоздкого устройства. И там, в зияющей пустоте, открылось зрелище, от которого кровь стыла в жилах: вместо человеческого лица – лишь пульсирующий, зловещий горизонт событий, своего рода квантовая пространственно-временная граница, поглощавшая окружающий свет в свою ненасытную сердцевину. Тёмная, искажённая аномалия заговорила голосом, от которого содрогалось само естество: звук, поначалу неразличимый без фильтров шлема Дзёмон, обрел тембр и качество искажённого, нечеловеческого шёпота.

– Я – Уракабарамизель.

Джо Мусаси не знал страха, лишь стальную решимость. Клинок его катаны, словно молния, вырвался из ножен, и он бросился на демона с единственной целью – уничтожить. Взмах меча, быстрый и смертоносный, рассёк воздух по диагонали, но встретил непреодолимое сопротивление. Взрыв пламени, вырвавшийся из тела демона, змеёй пополз по лезвию катаны к Мусаси, отбросив его назад сокрушительным ударом. Меч с глухим звоном отлетел в сторону.

Искажённое, пульсирующее "лицо" Уракабарамизеля скривилось в подобии гримасы, являя миру чёрные, бездонные провалы глаз без намёка на радужку. Длинный, словно кинжал, нос и рот, полный острых, как бритвы, зубов, изогнулись в жуткой, нечеловеческой ухмылке.

– Кто ты такой?! – взревел Мусаси, поднимаясь на ноги. – Что это за чертовщина?!

Демон разразился низким, раскатистым смехом, от которого содрогнулась земля, и его голос заставил грудную клетку Мусаси содрогнуться от первобытного ужаса.

– Я тот, кто открыл тебе глаза, чтобы ты мог видеть, моё человеческое дитя. Другой истории не существует. Я – последний король Дзёмон. Сыны Тьмы – вот твоё истинное наследие. Твоя семья. Прими это, или умри слепым.

Мысли Мусаси метались в хаосе сомнений, когда он поднял свой меч и медленно вложил его обратно в ножны. Неужели это существо – и есть Уракабарамизель из легенд шиноби? Он заворожённо наблюдал, как энергетическое пламя, охватившее тело демона, залило всё вокруг ослепительным оранжево-жёлтым светом. Пламя образовало кольцо, окружавшее Уракабарамизеля, и он, вознесясь в воздух, устремился к Блейз Филдинг и остальным.

Аксель Стоун рванулся вперёд, тревога вскипела яростью, превратившись в слепой, всепоглощающий гнев.

Остановить это чудовище – любой ценой! Он бросился в прыжковом скольжении, молниеносно взметнул правую руку, кулак напрягся, бицепс вздулся стальным узлом, и обрушил на противника сокрушительный апперкот, вкладывая в удар всю свою исполинскую мощь.

– ГРАНД АППЕРКОТ!!!!!!

Уракабарамизель разразился хохотом, и языки пламени взметнулись, образовав вокруг него непроницаемый щит, отражающий атаку. В ответ, словно разряды молний, электрические плети хлестнули Акселя, отбросив его на шесть шагов, с оглушительным треском швырнув в сторону.

– Зачем вы пытаетесь остановить меня? – невозмутимо спросил демон. – Сыны Тьмы даруют людям веру. Этот мрачный мир – ничто без мифов, без общих историй об идентичности, под сенью которых обретаются его обитатели. Без этого его поглотит хаос. Кто теперь укажет им, во что верить – истинно, а во что – ложно? Эти homo sapiens? Они вольны сами решать. На каком основании вы, в рамках этой повествовательной структуры, посягаете на мою власть?

По щекам Блейз катились слёзы. – Кем бы ты ни был, во что бы ни превратился... ты не имеешь права диктовать людям, что думать. Упорство – вот что позволило нашему виду выжить. Нам не нужен ни король, ни бог, чтобы указывать нам путь.

– Ты и сама распространяешь своё мнение, Блейз Филдинг. Члены моего культа, мои последователи – воплощают свои мечты, становятся теми, кем им предназначено быть, освобождаясь от оков "мнений" тех, кто их презирает. Если ты считаешь себя выше этого, то чем ты отличаешься от лорда Сохариса?

Воспоминания о мистере Икс вспыхнули в её сознании, словно раскаленные угли. – История полна тех, кто возомнил себя властелинами мира, стремясь контролировать других, – произнесла она. – Ничем хорошим это никогда не заканчивалось.

– Посмотрим, – промолвил Уракабарамизель.

Флойд Ирайя, выслушав достаточно, шагнул вперёд, обрушив на демона удар своего кибернетического кулака. Удар пришёлся в огненный щит Уракабарамизеля, но даже сквозь эту защиту волна энергии сбита Флойда с ног, отшвырнув через всю комнату к мраморным скамьям. Крик утонул в рёве пламени, исходящего от ауры демона, и мир перевернулся для Флойда вверх дном. С глухим стуком он рухнул на каменный пол, оцарапав кожу, и острая боль пронзила его насквозь.

Уракабарамизель взмахнул рукой, и из его ладони вырвался гигантский сгусток энергии, разметав команду в стороны. Огненный шар, разрастаясь в геометрической прогрессии, закружился в вихре оранжевого и жёлтого света, а затем взорвался, обрушив шквал взрывающихся осколков энергии и горящих углей. Демон разразился зловещим, каркающим хохотом.

Блейз, покачнувшись, поднялась на ноги, отчаянно пытаясь прийти в себя, сосредоточиться на своих чувствах. Жар опалил её, заставив закашляться, дым и смрад горячей плоти разъедали лёгкие. Глаза вспыхнули голубым светом её собственной ауры, и она издала крик, полный отчаяния и боли.

Макс...

Перед её глазами, пылающими неземным, лазурным огнём, вихрем пронеслись воспоминания о сыне. Стиснув зубы, она собрала воедино свою ауру, квантовую энергию, обволакивающую её, и метнула огненный шар кикоушо, словно сгусток самой ярости, в Уракабарамизеля.

Синий адский сгусток врезался в его щит. Взметнулась багровая вспышка

столкновения, и Уракабарамизэля отбросило назад, как марионетку, чьи нити оборвались. Облачённая в плащ фигура рухнула на каменное возвышение в нескольких футах, и демон, заскрежетав, опустился на колени.

Аксель, словно хищник, почувствовавший запах крови, ринулся к поверженному Уракабарамизэлю. Два молниеносных удара левой перчатки обрушились чуть ниже рёбер демона, и тот зашатался, тщетно пытаясь удержать равновесие.

Аксель снова бросился в атаку. Ещё несколько ударов в живот, каждый из которых отдавался гулким эхом в каменном зале. Когда Уракабарамизэль поднял руки, намереваясь соткать очередной огненный шар, Аксель нанёс сокрушительный удар правой в грудь. Раздался хруст ломающихся костей, и Аксель с удовлетворением отметил, как вздрогнули Адам и Эстель.

Лицо Уракабарамизэля, похожее на зыбкую, живую ртуть, исказилось от боли, словно его терзал ураган. Он попытался отступить, но Аксель был неумолим. Ярость, копившаяся в его душе с того самого дня, когда они расправились с Кубо, требовала выхода. Он помнил, как его собственного сына чуть не вырвали из жизни из-за культа этой чудовищной твари, как его, мужчину, чуть не лишили самой его сути.

Нет... Он не позволит этому случиться.

Аксель обрушил град ударов на мягкий живот Уракабарамизэля, скрытый под плащом, выбивая из него последние остатки жизни. Демон, оглушённый этой яростной атакой, ослабил бдительность. Аксель отступил на полшага, словно пружина, готовящаяся к броску, и нанёс жестокий, выверенный апперкот, который пришёлся демону в область плеч.

– ГРАНД АППЕРКОТ!!!!!!

Удар достиг цели, сокрушив металлический каркас, удерживающий шлем-маску Дзёмона. Уракабарамизэль издал предсмертный стон и рухнул на каменный пол. Аксель, не давая ему опомниться, нанёс сокрушительный удар наотмашь, поймав противника в момент падения. Удар пришёлся в верхнюю часть позвоночника, сломав что-то жизненно важное.

В тот же миг Джо Мусаси шагнул вперёд и одним стремительным, элегантным движением извлёк из ножен свою катану. Звук рассёк оглушительную тишину, придав моменту леденящую реальность смерти. Он поднял меч двумя руками, готовясь к смертельному удару, а затем вонзил катану глубоко в живот Уракабарамизэля. Издав глухой боевой клич, он отвёл меч назад и взмахнул им с чудовищной силой, обезглавив монстра одним ударом. Безжизненное тело Уракабарамизэля обмякло, а его "голова", представлявшая собой зыбкую жидкость, рассыпалась, превратившись в ядовитый газ.

Каменный пол мгновенно покрылся огромной лужей чёрной крови, которая медленно расплзлась, а тело демона, наконец, замерло в неподвижности.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь их разгорячённым дыханием. На мгновение все стояли ошеломлённые, пытаясь осознать случившееся.

Черри подошла обнять отца, и тот тепло обнял её в ответ. Они стояли, не говоря ни слова, просто крепко держась друг за друга.

Наконец, Черри нарушила молчание. – Что, чёрт возьми, это было?

Мусаси встретился взглядом с Блейзом. Вытерев кровь с клинка, он убрал катану в ножны и произнёс: – Возможно, это был эксперимент, проведённый в глубокой древности. Многие из того, о чём говорится в древних свитках, сегодня подтвердилось. Правитель Дзёмон или нет, Уракабарамизэль был злобной силой, и его необходимо было остановить.

Блейз кивнула и взглянул на Черри. – Мы поговорим об этом позже. Сейчас нам

нужно вернуть остальные артефакты шиноби и вывести наши войска отсюда, пока мы не спровоцировали международный скандал с правительством Мозамбика.

Никто не стал спорить с этим.

Аксель вперил взгляд в безжизненное, обгаренное кровью тело врага, пока остальные осматривали окрестности. Пустота обволакивала его, словно саван. В смерти Уракабарамизэля не было ни грамма катарсиса, лишь гнетущее оцепенение. Сыны Тьмы уничтожены, их лидер мёртв, но долгоиграющие последствия этой миссии, особенно то, через что им пришлось пройти с Максом, их сыном, оставались туманными и требовали времени для осмысления.

Но в настоящий момент день склонялся к победе.

В вышине, над кронами деревьев, зазвучал рокот несущего винта – асинхронный ритм, пульсирующий эхом в голове Адама Хантера. Подняв глаза, он увидел зелёную стрекозу вертолёта, заходящую на посадку с запада. Он узнал его мгновенно – Sikorsky HH-60 Pave Hawk. За годы службы в "Файрштурме" и спецназе США он избородил на подобных машинах небо от Гималаев до Балкан, будь то высадка в кипящие точки или эвакуация после завершения операции, после сбора разведданных. Пилот выполнил идеальную трёхточечную посадку, приземлив машину точно в центре поляны. Из распахнутой задней двери выпрыгнул высокий темнокожий мужчина в оливковом летном комбинезоне. Он стремительно направился к Адаму. Вблизи он оказался не просто высоким, а настоящим гигантом – ростом далеко за шесть футов и сложенным, как скала. Его лицо венчали пышные, густые усы. Он протянул руку Адаму, и тот пожал ее.

– Оперативный сержант Хантер? Майор Дайм Кеннеди. Служу в армии Замбии и выполняю, скажем так, гуманитарную миссию. – Он подмигнул. – Мы здесь, чтобы эвакуировать вашу команду. – Тёплый, обволакивающий голос с лёгким британским акцентом исходил из широкой груди майора.

– Не знаем, как вас благодарить, майор, – ответил Адам, кивнув в сторону Эстель, помогавшей Флойду и Черри упаковывать остатки снаряжения в чемоданы.

– Пожалуйста. Не стоит благодарности. Моя страна в неоплатном долгу перед "Файрштурмом" за события во время войн Синдиката. Передайте мои наилучшие пожелания Верховному Главнокомандующему Петрову при следующей встрече.

– Обязательно. Даю слово.

– Отлично, – улыбнулся майор. – Я организовал ваш перелёт на базу ВВС Монтон, как вы и просили.

Аксель, Блейз и Мусаси издали наблюдали за приготовлениями к отъезду.

– Итак, я полагаю, ваше пребывание в Мозамбике не прошло впустую? – Блейз произнесла это небрежно, словно речь шла о погоде. Она повернулась к Мусаси.

– Даже более плодотворно, чем я надеялся, друзья мои, – ответил он с улыбкой. – Благодаря вам, эти артефакты шиноби будут благополучно возвращены в Субашири, где их возьмет под надёжную охрану клан Оборю. Там их законное место. Там им и надлежит быть.

Она кивнула в знак согласия. – Хорошо, я рада. Было приятно снова поработать вместе, мастер Мусаси. Вы уверены, что не хотите прокатиться с нами на вертолёте? Мы далеко от границы.

Он хитро улыбнулся, обнажив в коварной ухмылке передние зубы. – Благодарю, Блейз, но у нас с сыновьями другие планы, – твёрдо заявил он. – Желаю вам

счастливого пути обратно в Америку.

16

Полицейский участок Вуд-Оук-Сити
14 января 2040 года

Комиссар Джозеф Бернстайн, словно каменный идол, восседал за своим массивным столом, барабанил пальцами по идеально выровненным бланкам, лежащим перед ним, как сакральные скрижали. Он даже не пошевелился, когда Блейз Филдинг вошла в кабинет, словно тень, скользящая по порогу.

"Обычно это предвещает бурю", промелькнуло в голове Блейз. С другой стороны, Бернстайн столько раз испытывал её терпение, что она решила не тратить силы на его перевоспитание. Этот крупный, седовласый мужчина был либо самым преданным другом, либо самым изощрённым врагом. Бернстайн владел информацией и делился ею с Блейз лишь тогда, когда считал это жизненно необходимым.

Сейчас Блейз жизненно важно было сохранить благосклонность Бернстайна. Она совершила рискованную вылазку в Мозамбик за его спиной, презрев его категоричный приказ "сосредоточиться" на Вуд-Оук-Сити. Но после того, как Кообо и его приспешники прекратили своё кровавое шествие, она надеялась доказать, что уничтожение Уракабарамизля, подобно разгрому Синдиката Игрек, станет ключевой операцией, защитившей Вуд-Оук-Сити и, возможно, весь мир от грядущего нашествия культа.

Бернстайн изучал её сквозь стёкла очков в строгой металлической оправе, взгляд – как лезвие бритвы.

– Детектив Филдинг, боюсь, вы не до конца осознаёте, в какую зыбкую ситуацию себя загнали.

Блейз стояла, вытянувшись по струнке перед столом начальника, лицо – непроницаемая маска. Она устремила взгляд на приколотые к рамке фотографии мрачного дома. Затем перевела взгляд на суровые портреты президента и генерального прокурора, висящие на стене. – Я достаточно часто бывала в этом районе, чтобы понимать, что делаю, сэр. Я намерена действовать с должной осмотрительностью. И это найдёт подтверждение в суде. Можете не сомневаться.

Бернстайн едва заметно кивнул, давая понять, что уже просчитывал этот вариант.

– Тогда проследите, чтобы так и было. Что касается полицейского управления Вуд-Оук-Сити, дело "Сынов тьмы" в настоящий момент закрыто, за исключением расследования преступлений, совершенных последователями Кообо против наших граждан. Я хочу, чтобы вы вернулись к этой работе и довели её до конца, чтобы мы могли навсегда похоронить эту историю.

На её губах промелькнула лёгкая улыбка. – Спасибо, сэр.

Он поднял палец, словно предостерегая. – Но не забывайте о деликатности ситуации, учитывая участие организаций, находящихся за пределами нашей юрисдикции. Правительство Мозамбика болезненно реагирует на любое вмешательство наших официальных лиц на их территории, особенно на тайные операции. Не нужно напоминать вам, что в это замешан Новый мировой порядок

– Уверена, всё будет в порядке, сэр, – с непоколебимой уверенностью ответила она. Она знала, что Адам Хантер и верховный главнокомандующий Петров окажут ей поддержку, так или иначе.

Бернстайн взял стопку разрешений и других юридических формуляров. Он передал их Блейз через стол, и она приняла бумаги, отметив про себя, что все подписи уже проставлены. – С этого момента, Филдинг, я ожидаю строгого соблюдения протокола,

– отрезал Бернштейн. – Вы меня слышите? Настоятельно рекомендую вам придерживаться определенной линии в этом расследовании до его завершения. И никаких больше самовольных вылазок 'Огненного шторма' в другие страны.

– Да, сэр.

– Если вы проявите неуважение к кому-либо из высокопоставленных лиц, вам придётся отвечать не только передо мной, но и перед Государственным департаментом. В случае, если вас не отправят в иностранную тюрьму.

– Я постараюсь избегать подобных ситуаций в будущем, сэр.

Блейз взяла документы и положила их под мышку.

– И ещё кое-что, Филдинг, – сказал Бернштейн с невозмутимым видом, направляясь к двери в дежурную часть. Она обернулась и посмотрела на него. – Я рад, что ты вернулась.

На её лице появились морщинки, и она понимающе улыбнулась. Затем она тихо закрыла за собой дверь, покидая кабинет.

Лаборатория ZanTech

– Теперь вы меня здесь, наверное, будете видеть гораздо чаще, – с неподдельным энтузиазмом воскликнула Черри. – Эта программа-симулятор виртуальной реальности просто бомба!

– Рад слышать, что вы оценили её по достоинству, мисс Хантер, – отозвался Зан из-за своего пульта управления, возвышавшегося в центре комнаты. Его монитор в режиме реального времени транслировал все перипетии её многочасовой тренировки.

Капсула бесшумно открылась, и Черри выбралась наружу, разминая затёкшие мышцы.

– Тридцать седьмой уровень, – произнесла она с гордостью в голосе. – Догоняй, Флойд!

Флойд, развалившись на складном стуле у подножия своей капсулы, небрежно листал веб-страницы на планшете. Услышав её слова, он улыбнулся, отложил устройство и озорно прищурился. – Ну, понеслась, крошка!

Черри хихикнула и хлопнула Зана по плечу. – Серьёзно, спасибо, доктор Зан, что всё это организовали.

Андроид едва заметно наклонил голову в знак благодарности. – Не за что. Я посчитал, что вам необходимо быть готовыми к любым угрозам, которые могут возникнуть в будущем. Вуд-Оук-Сити порой являет свою неприглядную сторону.

Черри кивнула. – И не говорите.

Выходя из комнаты, она дружески ткнула Флойда в бок и озорно показала ему язык, затем направилась по коридору в сторону главной лаборатории, пребывая в отличном расположении духа.

Войдя, она увидела, что ее отец оживленно беседует с Эстель.

– Мы прочесали всю базу-крепость после уничтожения Уракабарамизэля, – докладывала Эстель, – но не нашли ни единого следа Леона Шивы или его двух очаровательных приспешниц.

– У меня предчувствие, что это не последняя наша встреча, – задумчиво произнёс Адам. Заметив Черри, он просиял и распахнул объятия в приветственном жесте. Она подошла и крепко обняла его. – Привет, пап.

Выражение лица Эстель оставалось серьёзным. – Шива упомянул проект “Зулу”.

Адам помрачнел, а Черри отступила на шаг. Его личная история с Леоном Шивой была долгой и тернистой. Он знал наверняка одно: этот человек способен на всё. – Это то, на что нам стоит обратить особое внимание в дальнейшем. Если он появится снова, то, вероятно, будет представлять куда более серьёзную угрозу.

– Мы будем готовы, пап, – уверенно заявила Черри. – Мы Охотники. Это наша работа.

Чувство гордости переполнило его, и он улыбнулся. – Верно, Черри. Это, безусловно, то, чем мы занимаемся.

Кофейня "Данк"
Вуд-Оук-Сити

Когда Мерфи вывел её из здания полицейского участка, Блейз терзалась смутными предчувствиями, почти так же сильно, как боялась этой кофейни, куда он её тащил. Даже его небрежное "я угощаю" не смогло унять тревогу.

Они прошли сквозь бдительное око металлодетектора, выпорхнули из дверей и ступили на гранитные ступени, ведущие в бурлящую жизнь улицы. В штатском. На каждом углу этого монументального восемнадцатизэтажного здания грозными стражами стояли полицейские, отсекая уличную шпану и прочий сброд.

Мерфи и Блейз скользнули мимо них, не обращая внимания на встречный поток пешеходов. Большинство прохожих облачены в строгий деловой дресс-код, привычный для финансового сердца Вуд-Оук-Сити, но по понимающим взглядам полицейских в форме Блейз поняла – они узнали своих. Проходя мимо, она едва заметно кивнула одному из охранников в знак благодарности.

Вокруг вздымались элегантные, ультрасовременные небоскрёбы, словно соперничая в роскоши и величии – архитектурная бравада, свойственная центру Вуд-Оук-Сити. На верхних этажах этих стеклянных гигантов гнездились многочисленные консалтинговые и технологические фирмы, юридические конторы и влиятельные лоббистские организации. Внизу ютились кафе, закусочные и газетные киоски.

Мерфи распахнул стеклянную дверь кофейни "Данк".

– Мерфи, почему ты так одержим этим местом? – спросила она, окинув взглядом немногочисленных посетителей. В районе Новой Италии многие корейские семьи открывали подобные заведения – обычные, добротные кафетерии, кофейни и ресторанчики. Но владельцы "Dunk Coffee Shop" с маниакальным упорством имитировали посредственную американскую кухню, добиваясь лишь удручающего результата.

– Мне нравится это место, – пожал плечами Мерфи. – Здесь кофе подают в таких красивых, больших пластиковых стаканах.

Блейз без дальнейших препирательств вошла внутрь. У них были дела поважнее... да и есть ей совсем не хотелось. На белой доске, прислоненной к мольберту рядом с большой пыльной шелковой фабрикой, кривым почерком были начертаны сегодняшние спецпредложения. Рядом с кассовым аппаратом возвышался холодильник, забитый бутылками воды и газировкой. Львиную долю кофейни занимал пустой паровой стол; в обеденное время владельцы предлагали дешёвый – и, по отзывам, весьма сомнительный – ланч-буфет из американизированных блюд восточной кухни.

Мерфи водрузил свой портфель на один из свободных столиков и устремился к кассе, присоединяясь к очереди за кофе. Блейз заняла место.

– Тебе что-нибудь принести, Блейз? – спросил он.

– Только кофе, – ответила она вопреки здравому смыслу.

Он удивлённо вскинул брови.

– У них на завтрак отличная яичница с картофельными оладьями.

– Только кофе, – повторила она.

Мерфи вернулся с двумя огромными пластиковыми стаканами. Блейз уловила дразнящий аромат ещё до того, как он поставил её стакан на стол. Она обхватила его обеими руками, наслаждаясь теплом, проникающим в кончики пальцев.

Мерфи приступил к делу, откинув замок своего поношенного портфеля.

– У нас почти все данные по Кообо, так что можешь выдохнуть, – произнёс он, извлекая из недр портфеля папку из плотной бумаги цвета слоновой кости. – Кроме одной конкретной смерти. Она словно нарочно задаёт слишком много вопросов.

Блейз, встревоженная, поджала губы, словно пробуя на вкус горькое предчувствие. – Я не смогу ничего сказать наверняка, пока не увижу всё своими глазами.

Он протянул ей папку. Она раскрыла её, и взгляд, острый как лезвие, скользнул по документам. Затем она подняла глаза на Мерфи, в уголках её губ залегла тень удивления. – Этого просто не может быть, – пробормотала она, нахмурившись. – Тело этого человека сейчас на карантине?

– Да. Я подумал, что ты захочешь пойти со мной и взглянуть на него лично.

Блейз сделала глоток кофе, обжигаяще горького и безнадежного, как и ожидала.

– Пойдём, Мерфи, – сказала она, поднимаясь из-за стола. Она вернула ему папку, словно горячий уголь, перебирая в уме возможные последствия.

Каким-то чудом, у неё ещё оставались силы продолжать.

– Эпилог –

Додзё Стоунов, Вуд-Оук-Сити
30 января

С оглушительным треском, словно ломающаяся кость, Дженнифер Стоун рухнула на спину, издав скорее удивлённый, чем болезненный вскрик.

– А-а-а!

Над ней возвышалась женщина лет сорока, с пронзительными голубыми глазами и волосами цвета слоновой кости. На ней было безупречно белое кимоно, опоясанное чёрным поясом. – Тебе стоит смотреть под ноги, Дженнифер. Никогда не знаешь, когда противник решит поставить подножку.

Десятилетняя девочка села, потирая ушибленное место. – Простите, тётя Тина, – пролепетала она с виноватым видом. – Я не заметила.

– С опытом и тренировками к тебе придёт внимательность, юная леди, – ободряюще сказала Тина. – Ладно, давай пять!

Дженнифер схватила полотенце и направилась к скамейкам, где, в компании других учеников, томилась её бутылка с водой и рюкзак.

Тина Стоун вздохнула, окинув взглядом своих подопечных. Сегодня утром в классе был спарринг. Все они были мягкими и податливыми, без намёка на мускулы или

твёрдость духа. Для победы над ними не требовалось почти никаких усилий. Этим ученикам нужно время, чтобы закалиться, но именно для этого она и была здесь – чтобы помочь им стать сильнее, чтобы разделить с ними свою страсть.

Тина посвятила свою жизнь тому, чтобы заслужить право носить этот пояс. Она и её брат Аксель выросли в старинном додзё Стоунов на Лонг-Бич. Его разрушение и потеря отца не сломили её, не заставили отступить от боевых искусств, которые она так любила. Аксель все эти годы шёл своим путём, но после возвращения в город, после своего странствия по Аляске, он словно повзрослел в одночасье. События, пережитые им за это время, превратили его в совершенно другого человека, незнакомого ей. Но в глубине души он оставался её братом.

Совсем недавно они с Акселем открыли это новое додзё здесь, в Вуд-Оук-Сити, чтобы отточить собственные навыки и вдохновить других на занятия боевыми искусствами, продолжая дело своих родителей. На одной из стен висела фотография в рамке: Локк и Мара Стоун, запечатлённые перед камерой, а у их ног стояли юные Аксель и Тина в одинаковых белых кимоно.

Теперь она посмотрела на своего брата. Он стоял в другом конце комнаты, обрушивая шквал ударов на боксёрский мешок. Обнажённый торс демонстрировал гору рельефных мышц, покрытых испариной. В такт движениям его светлые волосы и борода сливались в единое целое, словно воплощение мужественности. Капли пота стекали по синей бандане, застилая глаза.

Внезапно, сквозь окно, выходящее на улицу, она заметила, как её племянник, Макс Стоун, заглядывает внутрь. Макс курил сигарету, наблюдая за тренировкой своего отца через стекло додзё Стоунов. Его отец приходил сюда каждый день. Появлялся в четыре утра, в кромешной тьме, разминался, выполнял упражнения и ката около получаса, затем час медитировал, снова упражнения и ката, работа с мешком, латал дыры и трещины в здании, а после – обучал студентов всему, что знал сам. День за днём.

Его отец сильно изменился. Макс знал, что Синдикат Игрек манипулировал его сознанием с помощью музыки DJ K-Washī, поэтому он не мог винить Акселя за его поведение в то время. Макс понимал, что всё происходит не просто так, и, несмотря на влияние Синдиката Игрек, его отец продолжал бороться со своими личными демонами, потому что был достаточно силен, чтобы понять, что на самом деле имеет для него значение. Макс всё ещё имел значение. Он улыбнулся, выпуская струйку дыма. Теперь он верил, что его отец был для него символом силы, напоминанием о том, что никогда нельзя сдаваться, даже в самые тёмные времена. Несмотря на ужасные неудачи, он всегда был рядом, всегда старался поступать правильно. Он был героем, которого всегда заслуживал Вуд-Оук-Сити, и он продолжал двигаться вперед, не потому, что был героем, а потому, что был мужчиной.

Он был его отцом.

Макс знал, что Аксель всегда будет молчаливым стражем Вуд-Оук-Сити, несмотря ни на что. Его бдительным защитником...

... Его Дозорным...